УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(28-29 апреля 2016 года)
г. Симферополь-Алушта

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2016

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4
У 26

Редакционная коллегия:
Михайлов М. А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Т. В. Омельченко

У 26 **Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика**: материалы IV международной научно-практической конференции, 28-29 апреля 2016 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 124 с.
ISBN 978-5-906813-52-7

Сборник содержит материалы IV международной научно-практической конференции. Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4

Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.

ISBN 978-5-906813-52-7

© Авторы тезисов и докладов, 2016
© ИТ «АРИАЛ», 2016

Astanov I. R.
expert of laboratory criminalistic expertise of documents of the Republican Forensic science Centre named after H. Suleymanova under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan
PhD
(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

TYPES OF EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

When studying institute of expertise on criminal cases studying of its classification takes a special place. Classification is division on these or those marks, on this paragraph we will stop on types of criminal procedure expertise on criminal cases [1, p. 73.]. Expertise differs on various bases. They include integrity of research, their sequence, number of experts who carry out an inspection and feature of applied knowledge [2, p. 20.]. On the basis of it the main are classified, additional, primary and repeated, commission and individual, complex and expertise's carried out in one sphere of knowledge [3, p. 23.].

Forensic types of expertise on criminal cases differ in a subject, object and a method of its classification. Its criminal procedure types are based on classifications by sequence (primary, repeated and additional expertise), the volume of work of research (individual expertise or commission expertise), set of used knowledge (the same or complex expertise). We will consider this classification on in more detail [4, p. 14.].

For example: conducting expertise on criminal cases distinguish on sequences of carrying out, primary, additional and repeated expertise:

1) Primary expertise – the paramount expertise which is carried out on the basis of definition vessels or decisions of the prosecutor, the investigator on a certain circumstance of criminal case;

2) Additional expertise – is appointed for completion of gaps available in the expert opinion and is made by the same or other expert (Art. 176 of the Criminal Procedure Code of Uzb). Additional expertise is carried out for publicizing of primary expertise; answers a question raised at the beginning of carrying out research. In the Criminal Procedure Code allows carrying out additional expertise of experts of primary expertise. It is provided for rational use of time as at primary expertise the expert is already familiar with facts of the case, study of proofs and the necessary parts of criminal case by primary expert while transfer of criminal case on consideration of the new expert gives to repeated studying from its party.

3) Repeated expertise is appointed when the expert opinion is unreasonable, or its correctness raises doubts, or the proofs which have been its basis are recognized doubtful, or procedural rules of production of expertise were significantly violated. At purpose of repeated expertise before the expert the question of scientific validity of earlier applied methods of research can be raised. Motives of disagreement have to be brought in the resolution or definition on purpose of repeated expertise with the conclusion of the first expertise. Production of repeated expertise is entrusted to other expert (the commission of experts). At repeated expertise the expert carries out one of two provided actions: 1) takes out the conclusion about approval of primary expert opinion and its chosen methods; 2) not intervention in activity of primary expert and justification of the conclusion. The conclusion of repeated expertise has no higher importance in comparison with the conclusion of primary expertise as the investigator or court independently resolve an issue of recognition of this or that expert opinion.

It is necessary to distinguish repeated expertise from additional expertise. In additional expertise questions earlier not fully considered, not quick-witted to the investigator of circumstance are resolved, and in repeated expertise is carried out anew, that is at first, the questions resolved in earlier taken out conclusion are considered and checked. Means these two types of research differ from each other. Also, V. I. Nazarov saying that "if at primary expertise all demanding permissions questions aren't considered, at purpose of repeated expertise only those questions which weren't not resolved at primary expertise"[5, p. 18.] are considered confuses carrying out additional and repeated expertise. While in this case in the conclusion there are separate shortcomings, that is, the raised some questions aren't resolved, are resolved by carrying out not repeated, but additional expertise. Carrying out repeated expertise is entrusted to other expert (commission of experts). Primary expert (commission of experts) carrying out primary (initial) expertise can offer explanations at repeated expertise, but doesn't participate at all in check and development of the conclusion of repeated expertise.

II. On the volume of work of research of expertise are subdivided into the following types:

1) Individual carrying out expertise – expertise is carried out by one certain person, and the conclusion is developed by the same person, on such the conclusion too this person bears responsibility. Carrying out individual expertise can is made in primary, additional and repeated expertise.

2) Commission expertise is much object and difficult, but the same carrying out expert research. It is expertise it is carried out by several experts and if proceeding from the expertise name, as the commission it is understood, "activity implementation as a part of not less than two people"[6, p. 394.]. But Nazarov V. I. states that "one person can carry out commission expertise, but in such cases a lot of time for carrying out research"[7, p. 14.] is required. We can't agree with this opinion. As, commission expertise can't be carried out from one person as commission expertise is difficult activities for the nature and can't be resolved by one person, this type of expertise is volume research work and is appointed in cases of complexity of studied circumstances. In such cases from the head of expert establishment the demanded field of activity of each expert is defined by consideration of such difficult expertise. In this type of expertise each expert investigates the appointed sphere of research, but in the analysis and formation of the conclusion take joint part. At commission expertise by rules some identical objects are investigated. If commission expertise is carried out for correction of primary conclusion, the carried-out activity of one expert is considered and analyzed.

According to Article 1761th of the Criminal Procedure Code it is provided that production of expertise by the commission of experts and according to this article expertise can be carried out by several experts of one (commission expertise) or different judicial and expert specialties (complex expertise). Production of expertise by the commission of experts is defined by the body (person) which has appointed expertise, or the head of the public judicial and expert institution or other enterprise, establishment, the

organization organizing production of the given expertise. The commission of experts to which production of expertise is entrusted, will coordinate the purposes, sequence and volume of the forthcoming expert researches proceeding from need of the solution of the questions raised before it. As a part of the commission of experts to which production of the expertise is entrusted, each expert independently and independently conducts expert researches, estimates received by it personally and other members of the commission results and forms conclusions on the questions posed within the special knowledge. Carrying out expert researches in whole or in part isn't allowed by the faces which haven't been included in structure of the commission of experts.

According to Article 177th of the Criminal Procedure Code when carrying out commission expertise each of experts conducts expert researches in full, and they in common analyze the received results. Having come to the general opinion, experts make and sign the joint conclusion or the act of impossibility of making the conclusion. In case of disagreements between experts each of them draws the separate conclusion on all or some questions which have caused disagreements.

In summary it is possible to tell that feature of commission expertise and its difference from other procedural expertise consists first, in bigger amount of studied objects; secondly, in complexity of studied object and in complexity of research by one person; implementation of expert research by several experts; joint studying and the analysis of the taken objects of research; at disagreement emergence in the general conclusion between experts their adoption of the separate conclusion are the main signs of commission expertise. In our opinion, one more difference of commission expertise from other types of expertise is if the conclusion and studied object of one participating expert it is taken in a basis of the general conclusion, this circumstance, its bases and a surname and the name of this expert is entered in the general conclusion, also it has to find reflection in the Criminal Procedure Code.

III. On the volume of used special knowledge the following types of expertise are subdivided:

1) The same expertise – a type of expertise carried out by the expert or the commission of experts on one specialization;

2) Complex expertise – is difficult expertise and according to Art. 178 of the Criminal Procedure Code complex expertise is appointed in cases when establishment of the circumstances important for business, is possible only by carrying out several expert researches with use of different branches of knowledge. When carrying out complex expertise each of experts conducts expert researches within the competence. In the conclusion of complex expertise it is specified, what expert researches and in what volume were carried out by each of the experts, what facts it personally established and to what conclusions came. Each of experts signs that part of the prison which is these expert researches, and bears for them responsibility. The general conclusion (conclusions) is drawn by the experts competent of an assessment of received results and a formulation of this conclusion (conclusions). If the basis of a final conclusion of the commission of experts or its parts are the facts established by one of experts (certain experts), about it has to be specified in the conclusion. In case of disagreements between experts each of them draws the separate conclusion on all or some questions which have caused disagreements. If production of complex expertise is entrusted state judicial expert to establishment, the organization of this expertise is assigned to his head.

On the basis of the aforesaid it is possible to mark out the following features characteristic for complex expertise: it is provided for consideration of several objects of expertise; consideration by various specialties in at one time or consistently objects of various branches of knowledge means. In such cases experts in common come to the general conclusion and sign them.

Other features characterizing complex expertise also are given in sources: use of various branches of knowledge and research methods. Means that complex expertise covers and applies some types of various expertise; existence of a uniform object of research this results from the fact that for various branches of knowledge of experts the uniform object of research is applied and analyzed; knowledge of experts of various spheres of specialties leads to pronouncement of the uniform conclusion. Thus concerning one studied object specialists of various branches of knowledge give own opinions and the conclusions [8, p. 427.].

Because of use by specialists of various branches of knowledge of specific methods, reflection of results of each conducted research in the expert opinion with the subsequent a schedule of each expert under the stated text of the conclusion is required. Each expert participating in complex expertise draws the conclusion proceeding from the volume of research, independently carries out an inspection and personally bears responsibility for reliability and correctness of the taken-out conclusion. Every expert on the basis of article of 178th of the Criminal Procedure Code personally is responsible for personal actions and parts of the research. But in the Criminal Procedure Code who won't be defined to bear responsibility for the general conclusion. In our opinion if carrying out complex expertise is assigned to establishment on carrying out complex expertise, responsibility for the general conclusion will bear to the operating person responsible for the organization and carrying out complex expertise. Therefore, it is necessary to reflect this circumstance in the Criminal Procedure Code. Also the requirement to number of faces of representatives isn't specified carrying out complex expertise. Not reflection of such circumstances can bring to misunderstanding of similar problems. Nazarov V. I. by the matter determines that "complex expertise can carry out and one person" [9, p. 8.]. Joining this opinion, it will be expedient to add the aforesaid rule by the end of part of the third article 178 of the Criminal Procedure Code. Because of not grasps of experts by one expert it can be applied some types of expertise and pronouncement of the conclusion on them. Sometimes in at one time expert owing to possession of several branches of knowledge (for example, biological and anatomic) can individually make complex research.

Conclusions of experts is finished value for each investigation phase and collects information for full formation of the expert opinion. Significant stage of this expertise is the general discussion of experts where experts proceeding from object of the research explain the opinion. In such cases, at commission or complex expertise it is necessary to make changes to the Criminal Procedure Code concerning lack of an order of abstention from giving a voice for the question posed or the decision. Because one expert has to trust the decision passed to them or the conclusion. At complex expertise from among experts the most professional and practical expert who will direct activity of each

expert has to be chosen and is responsible for the general conclusion.

References: 1. Усмоналиев М. Жиноят ҳуқуқи. Умумий қисм. Дарслик. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2005. – Б. 73; 2. Отахўжаев С.А., Ҳоликов О.Ч. Иқтисодиёт соҳасида жиноятлар бўйича суд экспертизаларини тайинлаш ва ўтказиш. – Тошкент, 2005. – Б. 20; 3. Отахўжаев С.А. Суд экспертизасини тайинлаш ва экспертнинг хулосасини баҳолашнинг процессуал тартиби (услубий қўлланма). – Тошкент: РЦСЭ, 2006.– Б. 23; 4. Назаров В.И. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: Автореф.дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003. – С. 14; 5. Назаров В.И. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: Автореф.дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003. – С. 18; 6. Юридик энциклопедия / Проф. У.Таджихановнинг умумий таҳрири остида. – Тошкент: Шарқ, 2001.– Б. 234; Юридик атамалар қомусий лугати / Масъул муҳаррир: Ҳ.Р.Раҳмонқулов. – Тошкент: Шарқ, 2003.– Б.187; Ўзбек тилининг изоҳли луғати / А.Мадвалиев таҳрири остида. Т.2. – Тошкент: "Ўзбекистон миллий энциклопедияси" Давлат илмий нашриёти, 2006. – Б. 394; 7. Назаров В.И. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: Автореф.дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003. – С. 14; 8. Smirnov A.V. Kalinovsky K.B. Criminal trial: The textbook / Under a general edition of A. V. Smirnov. – SPb. : St. Petersburg, 2004. – Page 427; 9. Назаров В.И. Назначение и проведение экспертизы в уголовном процессе: Автореф.дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003. – С. 8.

Бакланов Д. Д.

Межрайонная инспекция
Федеральной налоговой службы России № 5
по Республике Крым
(Симферополь)

РАССЛЕДОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальность темы обусловлена как значением борьбы с экономической преступностью в части противодействия уклонению от уплаты налогов и сборов, особенно с учетом нынешней экономической ситуации, когда на фоне низких цен на энергоносители все большее значение приобретает пополнение федерального бюджета за счет налоговых поступлений, так и развитием технических средств, которые, с одной стороны, могут быть использованы злоумышленниками для осуществления противоправных действий, с другой – могут использоваться правоохранительными органами для раскрытия и расследования преступлений.

Эффективная фискальная политика – сильное государство. Без взимания налогов и сборов государство не сможет содержать армию – залог внешней безопасности государства, финансировать спецслужбы и правоохранительные органы – гарантов внутренней стабильности и правопорядка, финансировать науку и образование – основу для развития в будущем. Именно поэтому столь важное значение имеет борьба с экономической преступностью, особенно – в сфере налоговых преступлений.

Тема криминалистической тактики расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов достаточно обширная, а потому данная работа посвящена лишь малому аспекту – расследованию налоговых преступлений в новых условиях.

С одной стороны, на фоне внешнеэкономической ситуации, в условиях падения цен на энергоносители и сокращения поступлений в федеральный бюджет, государство вынуждено принимать меры по ужесточению контроля за экономикой. Применимо к фискальной политике это выражается в принятии новых и изменении действующих норм. Пока только административных. Так, во втором чтении 15 марта 2016 года был принят законопроект № 890123-6, ужесточающий наказание за грубое нарушение требований к ведению бухгалтерской отчетности. Однако нельзя исключать и ужесточение норм уголовного законодательства.

Это, в свою очередь, может повлечь увеличение количества возбуждаемых и находящихся в производстве дел, ныне квалифицируемых ст.ст. 198, 199 УК РФ, что приведет к увеличению объема работы следствия.

Другим аспектом, который стоит учитывать, является научно-технический прогресс в части усовершенствования аппаратного и программного обеспечения, что является как фактором, способствующим эффективному раскрытию преступлений, так и затрудняющим, расследование таковых. Касаемо расследования налоговых преступлений, в частности, предусмотренных ст.198, 199 УК РФ, необходимо остановиться на проблеме использования электронно-цифровой подписи при предоставлении документов в налоговые органы. К документам, предоставляемым в структурные подразделения ФНС через каналы ТКС (телекоммуникационной связи) – налоговым декларациям, документам бухгалтерской отчетности, также возможно отнесение выписок из банковских счетов и счетов-фактур. Кроме того, сюда следует отнести также документы первичного и аналитического учета. При этом, как показывает практика, налоговые декларации и документы бухгалтерской отчетности формируются с использованием специального программного обеспечения – к которым относятся «Контур», «1С», «СБИС», и представляют собой файл формата XML, который и заверяется электронно-цифровой подписью (ЭЦП) организации-налогоплательщика либо индивидуального предпринимателя.

Согласно ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», предусмотрено несколько видов электронной подписи:

1. Простая электронная подпись.

2.Усиленная неквалифицированная электронная подпись.

3. Усиленная квалифицированная электронная подпись.

При этом ст. 6 Федерального закона №63 ФЗ закрепляет признание юридической силы за документами электронного оборота, заверенными ЭЦП, кроме случаев определенных федеральным законодательством, устанавливающим условия, при которых документ должен быть составлен исключительно на бумажном носителе.

Следует заметить, что проверка подлинности ЭЦП находится в сфере компетенции ФСБ, которая своим приказами от 27 декабря 2011 г. № 796 «Об утверждении требований к средствам электронной подписи и требований к средствам удостоверяющего центра» и № 795 «Об утверждении требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи» установила перечень условий выдачи и использования ЭЦП. [2] Однако, несмотря на своевременную регламентацию порядка выдачи, использования и требований к порядку использования ЭЦП, остается открытым вопрос о возможности неправомерного использования злоумышленником ЭЦП. Подделка документа, заверенного ЭЦП, крайне затруднительна. А вот возможность использования ЭЦП лицом не обла-

дающим правом ЭЦП, но имеющим доступ к носителю, содержащему программно-цифровой код, вполне вероятна. Однако тут следует определить, что таковым может являться только то лицо, которое в силу служебного положения, должностных обязанностей, либо родственных связей имеет достаточно близкий контакт с субъектом, владеющим правом ЭЦП. И соответственно, имеющее доступ, либо располагающее информацией о месте нахождения материального носителя ЭЦП (как правило – USB-накопителя). Следует сказать, что, согласно п.2 ст. 9 Федерального закона Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» на лицо, имеющее закрепленную за ним простую электронно-цифровую подпись, возложена обязанность сохранения конфиденциальности информации, находящейся в ключе доступа.[4] Обязанность неиспользования ключа электронной подписи при наличии оснований полагать, что конфиденциальность данного ключа нарушена[4], согласно п.3 ст.10 Федерального закона №-63ФЗ, возложена на владельца усиленной ЭЦП. Тем самым, в случае выявления нарушений в документах, предоставляемых в налоговый орган, если противоправность и причиненный вред правонарушения являются основанием для возбуждения уголовного дела, круг подозреваемых может оказаться достаточно узким. Следует также учитывать, что злоумышленником, с высокой долей вероятности будет должностное лицо, непосредственно приближенное к владельцу ЭЦП, каковым как правило, является руководитель. Преступником может оказаться либо непосредственный заместитель, либо главный бухгалтер. Мотив совершения преступления может быть как корыстным, так и личным – основанием могут быть как личная неприязнь, так и непомерное честолюбие, стремление к наживе либо к получению заветной должности. При установлении круга лиц, подозреваемых в совершении преступления, связанного с подделкой документов налоговой и бухгалтерской отчетности, выписок из счетов-фактур, иных документов, заверенных ЭЦП, и поступающих в структурные подразделения ФНС, следователю необходимо учитывать пол, возраст, материальное положение и социальный статус подозреваемого, его личностные, психологические качества, наличие опыта работы на аналогичных должностях и отзывы коллег с предыдущих мест работы, взаимоотношения с лицом, наделенным правом ЭЦП. При этом следует заметить, что неправомерное использование ЭЦП может осуществляться не только единолично, но также и группой лиц, как единоразово, так и многократно.

Касаемо расследования преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ - сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов, следует заметить, что после воссоединения Крыма с Россией, несмотря на временные послабления со стороны государства, в дальнейшем возможно увеличение количества возбуждаемых уголовных дел, связанных с выявлением незадекларированных материальных ценностей, движимого, реже- недвижимого имущества, умышленно сокрытых, что, с учетом достаточно слабой экономической базы, по сравнению с другими российскими регионами, с одной стороны, и проблемой наполнения местного бюджета налоговыми поступлениями – с другой, после 1 января 2017 года, когда вступит в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[5], устанавливающий новые правила регистрации недвижимого имущества, может не только доставить неприятности несознательным гражданам, но и увеличит объем работы правоохранительным органам. Вышеуказанное обстоятельство предполагает совершенствование взаимодействия правоохранительных органов, в частности, следствия, с иными органами государственной власти – помимо ФНС, необходимо эффективное взаимодействие с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии.

Отдельно следует упомянуть тот факт, что, несмотря на относительно слабый контроль государства за предпринимательством в сети Интернет, достаточно слабую нормативную базу, регулирующую фискальный контроль по уплате налогов и сборов с продаж в сети Интернет, данная сфера экономики рано или поздно будет поставлена под контроль государства. Это обстоятельство, в свою очередь, потребует от правоохранительных органов как привлечения высококвалифицированных специалистов IT-направления, так и разработку новых методик противодействия уклонению от уплаты налогов и сборов в данной сфере.

Учитывая указанные обстоятельства, а также факт перехода экономически активного (и не всегда законопослушного) сегмента населения в Интернет-пространство, при сохраняющейся тенденции перевода документооборота не только в органах государственной власти, но и при взаимодействии структурных подразделений вышеуказанных органов (в частности, ФНС) с гражданами, можно сделать вывод, что в настоящее время перед правоохранительными органами встают задачи не только организационного характера (дальнейшее совершенствование организации взаимодействия подразделений, осуществляющих борьбу с экономической преступностью, с подразделениями, в задачи которых входит противодействие киберпреступности), усиление и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов с иными органами государственной власти, в частности ФНС, и, в перспективе, углубление международного сотрудничества.

Литература: 1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] URL: https: //www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 07.03.2016); 2. Приказ ФСБ РФ от 27.12.2011 N 796 "Об утверждении Требований к средствам электронной подписи и Требований к средствам удостоверяющего центра" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.02.2012 N 23191) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126209/ (дата обращения: 17.03.2016); 3. Приказ ФСБ РФ от 27.12.2011 N 795 "Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27.01.2012 N 23041) [Электронный ресурс] URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125557/(дата обращения: 17.03.2016); 4.Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_112701/(дата обращения: 11.03.2016); 5. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О государственной регистрации недвижимости» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/43634.html (Дата обращения: 15.03.2016); 6. Приказ МНС РФ от 02.04.2002 N БГ-3-32/169 "Об утверждении Порядка представления налоговой декларации в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 16.05.2002 N 3437). [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36325/(дата обращения: 11.03.2016).

Белкин А. Р.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский технологический университет» доктор юридических наук, профессор (Москва)

ПРИСУТСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ИНЫХ ЛИЦ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Вопрос о правовом статусе участников экспертного исследования заслуживает особого внимания. В первую очередь, это касается следователя, которому закон предоставляет право *присутствовать при производстве судебной экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий* (часть 1 ст. 197 УПК РФ).

Никак не конкретизируется, в каких случаях и при производстве каких экспертиз вправе участвовать следователь, что он при этом может делать и чего делать не должен. Может ли он по ходу исследования вмешиваться в работу эксперта, ставить вопросы, помимо указанных в постановлении о назначении экспертизы, изменять их, требовать применения определённой методики, экспертных методов, разъяснений от эксперта – либо вправе лишь наблюдать за его работой, ни во что не вмешиваясь? К сожалению, УПК ответа не даёт.

Наконец, интересен и практический вопрос: зачем вообще следователю присутствовать при производстве экспертизы? С какой целью он туда придёт?

Как отмечает Т.В. Аверьянова, законодатель "очень невнятно говорит, в чём могут заключаться действия следователя. Если же учесть, что законом разрешено присутствие при производстве экспертизы и других участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), пусть даже с согласия следователя, то представляется, что наличие такого количества субъектов может отвлекать эксперта от процесса исследования, что чревато негативными последствиями" [1, с. 30–34]. Е.П. Гришина справедливо указывает, что следователь не наделён правом вмешиваться в экспертное исследование, давать какие-либо указания и предъявлять требования эксперту, поскольку не обладает специальными познаниями в объёме, доступном эксперту, либо не имеет права эти познания применять на практике [2, с. 152].

Нам представляется, что и никаких вопросов (кроме, разве что, вопросов самого общего характера) эксперту до окончания производства экспертизы следователь задавать не имеет права. Давать какие-либо советы и указания – тем более, ибо это нарушит самостоятельность и независимость эксперта и его право на самостоятельный выбор методики исследования. Никаких разъяснений эксперт следователю (заведомо менее компетентному в данной области) до окончания экспертизы давать не обязан – лишь после окончания производства экспертизы и представления заключения следователь вправе его вызвать и допросить, в том числе и по особенностям применявшихся методов исследования.

Так зачем тогда следователю присутствовать при производстве экспертизы, терять время и мешать эксперту работать?

Комментируя ст. 197 УПК, О.С. Орлова и С.П. Щерба указывают, что "присутствие следователя при производстве судебной экспертизы может быть вызвано необходимостью: а) разъяснить эксперту цели и содержание экспертного исследования, б) выяснить непосредственно у эксперта, не требуются ли дополнительные материалы или сравнительные образцы; в) удостовериться в сохранности объектов и сравнительных образцов, переданных для исследования; г) обратить внимание эксперта на сохранение объектов, имеющих значение для дела, д) поставить эксперта в известность о получении дополнительных доказательств, касающихся предмета судебной экспертизы; е) оказать содействие эксперту в получении и фиксации объяснений обвиняемого (подозреваемого), участвующего в производстве судебной экспертизы; ж) получить от эксперта промежуточные (предварительные) результаты исследования для проверки версий, з) уяснить содержание и полноту используемых экспертом методик исследования и др." Фактически слово в слово эти тезисы повторяются и в более позднем единоличном комментарии С.П. Щербы [3, с. 606].

Почти все эти положения выглядят, мягко говоря, отнюдь не бесспорными.

Цели экспертного исследования (*а*) эксперт-профессионал наверняка понимает не хуже следователя, не говоря уж о его содержании.

Чтобы выяснить, не нужны ли эксперту дополнительные материалы или образцы (*б*), достаточно просто связаться с экспертом, а *присутствовать при самом производстве экспертизы* никакой нужды нет.

Удостовериться в сохранности (*в*) – как это вообще понимать? Лично привезти пакет с материалами и присутствовать при его вскрытии? Пусть даже и так, но это отнюдь не означает *присутствовать при производстве* экспертизы (и вовсе не требует закрепления на уровне нормы УПК).

Обратить внимание эксперта на его обязанность следить за сохранностью объектов и образцов (*г*)? Но это и так входит в обязанности эксперта, что подчёркивает часть 4 ст. 57 УПК РФ и ст. 16 ФЗ "О ГСЭД". И опять же, для этого никак не требуется присутствия следователя при *производстве* экспертизы.

Чтобы известить эксперта о получении дополнительных доказательств (*д*), присутствовать при *производстве* экспертизы опять-таки вовсе не требуется – следователь может сделать это по обычным каналам связи.

Получение от эксперта каких-то промежуточных/предварительных результатов исследования (*ж*) в чисто оперативных целях, вероятно, может принести определённую пользу; однако возникает вопрос: не противоречит ли это ст. 205 УПК, прямо запрещающей допрос эксперта до представления им заключения? Кстати, для получения этих предварительных результатов присутствие следователя при *производстве* экспертизы, опять же, вовсе не нужно.

Наконец, способность следователя уяснить содержание и полноту используемых экспертом методик (*з*), в общем случае, сомнительна – специальные познания, составляющие содержание этих методик и используемые экспертом, могут оказаться весьма далеки от сферы компетентности самого следователя.

Итак, фактически остаётся лишь п. "*е*" – содействие эксперту в получении и фиксации объяснений обвиняемого (подозреваемого), участвующего в производстве судебной экспертизы; но реально это имеет смысл в тех

случаях, когда *эксперт нуждается* в этих объяснениях и сам просит об этом. Отметим, кстати, что интерес для эксперта могут представлять и пояснения самого следователя, но права получать их от присутствующего следователя закон в явном виде эксперту не предоставляет.

Ничуть не менее интересны и важны для эксперта могут быть и текущие пояснения потерпевшего и свидетеля; однако их присутствие при производстве экспертизы вообще законом не предусмотрено, ст. 198 УПК РФ допускает это только для подозреваемого, обвиняемого и защитника.

Другие аргументы в пользу присутствия следователя при производстве экспертизы приводят Л.В. Виницкий и С.Л. Мельник [4, с. 112–113], выделяющие ситуацию, когда в процессе исследования могут быть обнаружены новые вещественные доказательства (например, пуля в теле трупа). По мысли авторов, присутствие следователя в этих обстоятельствах способствовало бы правильной процессуальной фиксации. В частности, речь идёт о фиксации микрообъектов, наличие которых невозможно установить без исследования объектов-носителей – присутствие следователя при производстве экспертизы, по мысли авторов, устранило бы сомнение в суде о допустимости данного доказательства.

Взаимодействие эксперта со следователем Л.В. Виницкий и С.Л. Мельник считают обоюдополезным: следователь-де уяснит для себя процедуру исследования и полученные результаты (что предупредит возможную необходимость назначения повторной или дополнительной экспертизы), а эксперт получит более полное представление об алгоритме оценки следователем, а в дальнейшем и судом экспертного заключения. Практически дословно эти аргументы приводит и Л.И. Слепнёва, требующая от эксперта разъяснять следователю, "какую методику исследования он избрал и почему, в чём она заключается и какой аппаратурой он будет пользоваться" [5, с. 517–522.].

Все эти аргументы не выглядят весомыми. Для процессуальной фиксации находки присутствия следователя вовсе не требуется – эксперт прекрасно справится и сам (кстати, что касаемо микрообъектов, это особенно характерно, ибо получение соответствующих образцов для сравнительного исследования обычно эксперту и поручается и является частью экспертизы) – отметит и опишет находку в заключении эксперта и вместе с заключением представит её следователю в правильно упакованном виде. Если же её фиксирует следователь, то, видимо, это должно быть оформлено как изъятие; но изъятия чего бы то ни было в ходе экспертизы ни УПК, ни ФЗ "О ГСЭД" не предусматривают.

Для уяснения процедуры и результатов произведённой экспертизы следователю лучше бы ознакомиться повнимательней с заключением эксперта, а при необходимости – вызвать эксперта для допроса. Обрывочные объяснения "на ходу" в любом случае недостаточны и непроцессуальны, а непонимание следователем-неспециалистом этой пресловутой процедуры ни в коем случае не является основанием для *повторной* экспертизы. Наконец, возможный алгоритм оценки следователем грядущего заключения не должен интересовать эксперта в принципе – в противном случае неизбежен вывод о том, что эксперт должен заранее "подстраиваться" под следователя и на ходу корректировать свою деятельность, что выглядит просто абсурдным.

Не всё ясно и с правом подозреваемого, обвиняемого (и защитника) *присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту* (ст. 198 часть 1 п. 5). Как-то странно, что на присутствие при производстве экспертизы требуется согласие следователя, а мнением самого эксперта закон вообще не интересуется. Не логичнее ли спросить его тоже – хотя бы о том, не помешают ли эти лица его работе? Кстати, комментируя ст. 198, С.П. Щерба полагает, что даже в случае если участник процесса мешает эксперту, эксперт вправе всего лишь "приостановить исследование и ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, об отмене разрешения присутствовать" [3, с. 609]. Всего лишь ходатайствовать об отмене разрешения! А что делать, если следователь отклонит данное ходатайство? Героически преодолевать нелепые трудности?

Вправе ли эти лица давать объяснения по собственной инициативе или только в ответ на вопросы эксперта? Могут ли они при этом что-то сообщать эксперту дополнительно – это могло бы прояснить какие-то подробности и детали экспертизы сразу, вместо того чтобы *post factum* заявлять ходатайства о допросе эксперта либо о назначении дополнительной или повторной экспертиз?

С позиций логики экспертного исследования, появление всех указанных участников процесса (включая и самого следователя) в рабочей лаборатории эксперта осмысленно и оправданно лишь в том случае, если эксперт сам об этом просит, нуждаясь в некоей дополнительной информации, в каких-то подробностях, важных для него для восстановления картины происшедшего. Именно эксперт – субъект производства экспертизы – задаёт вопросы, уточняя известные ему обстоятельства, а не наоборот – и задача следователя обеспечить для эксперта возможность получения ответов на эти вопросы.

Е.А. Зайцева резонно указывает на нецелесообразность присутствия при производстве экспертизы обвиняемого и защитника, указывая, что данное положение в условиях усложнения экспертных методик и увеличения времени, затрачиваемого экспертом на исследование, становится трудно реализуемым, может создать угрозу безопасности самого эксперта во время производства экспертизы и после неё, затрудняет обеспечение конфиденциальности информации по другим экспертизам [6, с. 28–46].

В свете сказанного выше, изложим статью 197 УПК в следующей, существенно дополненной редакции:

Статья 197. Присутствие следователя и иных лиц при производстве судебной экспертизы

1. С согласия эксперта и (или) по его просьбе следователь, дознаватель вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы и давать эксперту пояснения, касающиеся вопросов, поставленных перед экспертом, и иных материалов дела, а также задавать общие вопросы относительно используемых экспертом методик и технических средств.

1[1]. По ходатайству эксперта и (или) с его согласия следователь, дознаватель вправе разрешить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю присутствовать при производстве судебной экспертизы либо обеспечить присутствие указанных лиц. Вместе с

указанными лицами присутствовать при производстве судебной экспертизы могут:

1) защитник обвиняемого, подозреваемого – вместе с защищаемым им лицом;

2) представитель потерпевшего – вместе с потерпевшим;

3) адвокат-представитель – вместе с представляемым им свидетелем;

4) законный представитель подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля – вместе с представляемым им лицом;

5) следователь, дознаватель.

1[2]. Эксперт вправе задавать присутствующим при производстве экспертизы лицам вопросы, касающиеся материалов дела. При отказе потерпевшего или свидетеля отвечать на заданные вопросы следователь, дознаватель вправе допросить его по этому кругу вопросов в порядке статьи 166 настоящего Кодекса. Присутствующие при производстве экспертизы лица вправе с согласия эксперта и следователя, дознавателя задавать эксперту общие вопросы относительно используемых им методик и технических средств.

2. Факт присутствия следователя, дознавателя и иных лиц при производстве судебной экспертизы, заданные им экспертом вопросы и их пояснения отражаются в заключении эксперта.

Литература: 1. Аверьянова Т.В. Актуальные проблемы науки и практики судебной экспертизы: противоречия в законодательстве // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. М.: РАП, 2013. 2. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика / под ред. А.М. Кустова. М.: Юрлитинформ, 2012. 3. Научно-практический комментарий к УПК РФ, изд. 6 / ред. В.М. Лебедев; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Юрайт, 2010. 4. Виницкий Л.В., Мельник С.Л. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2009. 5. Слепнёва Л.И. Особенности взаимодействия следователя и судебного эксперта при проведении судебных экспертиз // Материалы V Международной научно-практической конференции "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях". М.: Проспект, 2015. 6. Зайцева Е.А. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при применении специальных познаний // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / М.Т. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев и др. / под ред. Н.С. Мановой. Москва; Проспект, 2016.

Босов А. Е.

кандидат филологических наук, доцент

Моштылева Е. С.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, СВЯЗАННЫХ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Спорные вопросы судебно-экспертной науки обусловлены сравнительно недавним её обособлением от криминалистики. Что касается речеведческих экспертиз, то эта область представляется большинству правоприменителей далёкой и неизведанной. Чтобы осветить один из её проблемных вопросов (о дифференциации объектов экспертиз), необходимо обратиться к некоторым аспектам систематизации.

Традиционно под делением судебных экспертиз на классы, роды и виды долгое время подразумевалось выделение из общего количества лишь группы криминалистических экспертиз, тогда как иные объединялись по остаточному принципу.

Среди правоприменителей и некоторых судебных экспертов существует мнение, согласно которому прилагательные «судебный» и «криминалистический» в сочетаниях «криминалистическая экспертиза» и «судебная экспертиза» взаимозаменяемы и все судебные экспертизы – это средство исследования вещественных доказательств, неотделимая часть криминалистической техники, направленная на помощь в расследовании и раскрытии преступлений. При таком подходе не учитывается, что, несмотря на неоспоримость тесного взаимодействия судебной экспертизы и криминалистики, первая служит решению задач не только уголовного, но и гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Представляется, что из существующих вариантов типологии судебных экспертиз [1, с.7-10] наиболее удобны те, которые в качестве таксономических признаков используют объект судебной экспертизы и характер специальных знаний. Остановимся более подробно на тех речеведческих экспертизах, которые имеют своими объектами текст: лингвистической, авторoведческой и фоноскопической[1].

Под объектом экспертизы (экспертного исследования) понимаются «материализованные, определенные уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным законодательством источники информации – материалы уголовного либо гражданского дела», при этом объектами экспертизы называют «вещественные доказательства, части трупа, вещная обстановка или фрагменты места происшествия, образцы, иные сведения, содержащиеся в различных материалах дела» [2, с. 53]. Набор специальных знаний, которыми должно обладать сведущее лицо, напрямую зависит от объекта экспертного исследования.

В данной работе под текстом понимается абсолютно любое устное или письменное произведение. Современный текст отнюдь не только то, что написано или напечатано, – он шире, чем письменность и литература. К примеру, роман «Отверженные» – это и оригинал текста В. Гюго, и его интерпретации самых разных форматов: критические заметки, переводы, аудиокниги, кинофильмы, мюзиклы, рецензии.

Судебно-экспертные исследования также являются текстами (точнее, метатекстами – словом по поводу слова).

Объектом лингвистической и авторoведческой экспертиз является какой-либо текст – это отдельные слова, фразы; журналы, газеты, книги, многотомные издания; листовки, плакаты, фотографии. Все они могут быть представлены как на бумажном носителе, так и в

[1] Некоторые исследователи, например Е.И. Галяшина, относят к данному классу и почерковедческую экспертизу, а иногда по различным основаниям исключают из этого класса фоноскопическую экспертизу. В любом случае все четыре рода экспертиз непосредственно связаны с текстом в его различных вариациях, хотя и различаются объектами экспертных исследований и характером специальных знаний, применяемых сведущим лицом.

электронном виде (файлы-изображения и файлы текстовых расширений).

По нашему мнению, ошибочно инициировать лингвистические или авторoведческие исследования, предоставляя для экспертизы видео- и звукозаписи. В создании фонограмм участвуют технические средства, а для преобразования фонограмм в письменный текст (для их прослушивания и анализа) требуются не только конкретные звукозаписывающие и звуковоспроизводящие устройства, но и соответствующие навыки экспертов. Лингвисты и авторoведы такими навыками не обладают.

В связи с изложенным показателен следующий пример из судебно-экспертной практики (заключение комиссии специалистов-лингвистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) от 28.10.2011 № 58-10/11 [3]). На исследование были представлены копия файла спорного аудиоролика и стенограмма речевого содержания последнего. Из текста заключения следует, что специалисты прослушали файл, сопоставили его речевое содержание со стенограммой и установили их тождественность.

По сути, лингвисты ГЛЭДИС провели фоноскопическое исследование, применили технику и методику, о которых ничего не рассказали, хотя, по правилам составления заключения, должны были. Кроме того в начале исследовательской части указано, что исследовались интонационные, динамические характеристики речи и паузация, но далее по тексту результаты аудитивного анализа не упоминаются.

Провести экспертизу по поводу речи, содержащейся в какой-либо записи, можно двумя способами. Первый – назначить фоноскопическую экспертизу речи для установления дословного содержания, а также поставить вопросы по лингвистике или авторизации устного текста (комплексный характер проведения фоноскопической экспертизы позволяет одновременно решить эти две задачи). Второй вариант заключается в том, что правоприменитель может установить дословное содержание самостоятельно (нередко это весьма проблематично), а затем предоставить лингвисту для исследования письменный текст. Однако нужно иметь в виду, что в последнем случае (когда объект лингвистической экспертизы фактически формируется следователем или судом) у сторон могут возникнуть серьёзные претензии к доказательственной силе заключения лингвиста (к допустимости и достоверности), поэтому первый вариант наиболее предпочтителен.

При установлении дословного содержания очень важно учитывать акустическую обстановку: «При производстве экспертизы текста, представленного в звуковой форме, мало только восприятия его посредством слуха, необходим объективный инструментальный (акустико-фонетический) анализ всех компонентов интонации и просодии с использованием специальных программ по визуализации и обработке звуковых сигналов, позволяющих документировать результаты проведенного анализа. Одна и та же фраза (например, «Здоровье надо беречь!»), произнесенная с разной интонацией, может как выражать, так и не выражать угрозу» [4].

Объекты авторoведческой и лингвистической экспертиз отчасти совпадают. Дифференцировать эти два направления позволяет характер специальных речеведческих знаний.

Таким образом, можно прийти к следующему:

1) объект авторoведческой экспертизы – письменный текст как носитель сведений о его авторе;

2) объект лингвистической экспертизы – письменный текст;

3) объект фоноскопической экспертизы – звучащая речь с акустическими и лингвистическими признаками.

Не стоит забывать о неречеведческих экспертизах, которые так или иначе касаются текстов. К примеру, почерковедческая экспертиза, исследующая признаки и свойства почерка; объектом её может быть только рукописный текст. Почерковедами решаются вопросы установления исполнителя той или иной рукописи, а также условий её выполнения, психологических характеристик исполнителя, времени исполнения [5, с. 533-534]. Между тем в литературе можно встретить мнение, что одной из задач почерковедческого исследования является установление автора рукописного текста [6, с. 23-24]. Всё же думается, что лексические, грамматические и стилистические признаки текста должны исследоваться речеведом, но не почерковедом. Если в науке по сей день идут дискуссии по поводу различий и сходств этих экспертиз, то в образовательной практике подготовка специалистов данных профилей кардинально различается. На деле почерковедение родственно экспертизам, условно называемым традиционными криминалистическими.

Примечательно, что технико-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД) также непосредственно исследует напечатанные и рукописные тексты. В частности, один из видов ТКЭД – экспертиза по установлению целого по частям – исследует документы, а одним из методов идентификации является сопоставление текста на расчленённом или разделённом документе.

Таким образом, объект почерковедческой экспертизы – именно рукописный текст как совокупность графологических признаков, объект экспертизы по установлению целого по частям – текст как идентифицируемый и (или) идентифицирующий объект.

Названный перечень экспертиз далеко не исчерпывающий – он может быть дополнен источниковедческой и искусствоведческой экспертизами. Отнесение последней к судебным вызывает массу споров, упоминание первой в судебно-экспертной науке и вовсе сведено к минимуму.

Нередко судьи и следователи не назначают лингвистические экспертизы, полагаясь на собственные знания русского языка. Опора на свою языковую компетенцию приводит к тому, что в судебных актах появляются достаточно комичные выводы: «Отказывая в удовлетворении ходатайств о назначении лингвистической экспертизы, судья обоснованно пришел к выводу об отсутствии оснований для этого, поскольку является ли высказывание «шаболда» унижающим честь и достоинство П.А., а также относится ли оно к личности П.А., не может являться предметом экспертного исследования и подлежит оценке судом, а оскорбительный характер слова «шаболда» не оспаривается» [7].

Чёткое разграничение и упорядочение объектов исследования является необходимым для существования и развития судебных экспертиз, связанных с изучением текста. К сожалению, единого понимания текста не су-

ществует ни в лингвистике, ни в юриспруденции, и, стало быть, разумно прийти к общему, удобному для правоохранительной и судебной деятельности пониманию этого термина. Это необходимо для обеспечения нормального функционирования института судебной экспертизы, для эффективного взаимодействия его с правоприменением и исполнением первоначально заложенного предназначения – способствовать обеспечению правосудия.

Литература: 1. Шляхов А.Р. Предмет, система, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз // Назначение и производство судебных экспертиз. – М., 1988. – 213 с.; 2. Словарь основных терминов судебных экспертиз. – М., 2009. – 114 с.; 3. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [Электронный ресурс] // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: http://www .rusexpert .ru/assets/files/expertizy (дата обращения: 06.04.2015); 4. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. М.В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003. – С. 36; 5. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов./ Под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – С. 533-534; 6. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза. – Волгоград, 1977. – С.23-24; 7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 04.07.2011 по делу № 22-6582/11. // Судебные решения.РФ. URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/46998 (дата обращения: 06.04.2015)

Бурмагин С. В.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
кандидат юридических наук
(Архангельск)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В Российской Федерации каждому человеку гарантируется государственная защита его прав и свобод, которая реализуется посредством правосудия (статьи 45 и 46 Конституции РФ). В соответствии с ч.2 ст.45 Конституции РФ, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В уголовном процессе РФ всеобщее конституционное право на защиту проявляется, в частности, в праве подозреваемого и обвиняемого на защиту от уголовного преследования, и обеспечение этого права возведено в принцип уголовного судопроизводства (ст.16 УПК РФ).

Согласно ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, право обвиняемого на защиту выступает обязательным элементом более глобальной нормативно-правовой конструкции - права на справедливое судебное разбирательство, которое благодаря практике Европейского Суда по правам человека приобрело значение общепризнанного международно-правового принципа правосудия.

Принцип справедливости судебного разбирательства, как известно, включает в себя комплекс фундаментальных, взаимосвязанных правовых требований, обращенных к процедуре судопроизводства, без соблюдения которых производство по конкретному делу не может считаться справедливым. Среди таких основополагающих стандартов справедливого уголовного правосудия «центральным является принцип состязательности или равенства процессуальных условий, согласно которому стороны в судебном разбирательстве должны иметь равную возможность представить свое дело и ни одна из сторон не должна пользоваться каким-либо существенным преимуществом по сравнению с другой стороной» [5, с.109].

В основе такого понимания справедливости лежит принцип юридического или формального равенства, означающий, что все люди должны быть равны перед законом и судом (ст.19 Конституции РФ). Однако, справедливость судопроизводства требует не только формального равенства процессуальных прав, но и исключения неоправданных преимуществ для кого-либо из участников судебного процесса, приводящих к нарушению справедливого и разумного баланса в судебной защите подлежащих охране прав и интересов.

Конституция РФ, провозглашая права и свободы человека высшей ценностью и гарантируя их соблюдение и защиту со стороны государства (ст.2), вместе с тем устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч.3 ст.17), предусматривает ограничение этих прав и свобод на основании закона в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч.3 ст.53). Запрет злоупотребления правами содержится и в ст.17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой ничто в данной Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции. Таким образом, на конституционно-правовом и международно-правовом уровнях сформулировано требование соблюдать баланс прав личности и иных защищаемых правом ценностей. Следовательно, недопустимо достижение интересов (пусть и законных) одного субъекта общественных правоотношений за счет ущемления прав и игнорирования интересов других субъектов, такое положение было бы явно несправедливым, нарушающим юридическое равенство.

Из сказанного следует вывод, что хотя право обвиняемого (подозреваемого) на защиту и является важным элементом справедливого правосудия, оно не должно возводиться в абсолют, как это зачастую имеет место в правоприменительной практике, а подлежит реализации наравне с иными компонентами справедливой процедуры судопроизводства и может быть ограничено в случае злоупотребления им.

Под злоупотреблением правом обвиняемого (подозреваемого) на защиту следует понимать действия обвиняемого (подозреваемого) или его защитника по реализации предоставленных им процессуальных прав в противоречии с их смыслом и назначением, когда эти действия совершаются в целях отстаивания незаконных интересов обвиняемого (подозреваемого) и причиняют или способны причинить вред правам других субъектов права, интересам общества и государства.

Следственная и судебная практики России демонстрируют многочисленные примеры злоупотребления правом на защиту, свидетельствует о том, что количество таких злоупотреблений увеличивается. В юридической литературе описаны разнообразные формы и

способы злоупотребления правом на защиту [2, 3, 4], к наиболее распространенным из них можно отнести: преднамеренный отказ от использования своего процессуального права с целью придания впоследствии видимости нарушения права на защиту и незаконности произведенных процессуальных действий (отказ от приглашения защитника на допрос, отказ от ознакомления с материалами дела и т.п.); неявка по вызову следователя или суда под прикрытием псевдоуважительных причин и срыв вследствие этого следственного действия или судебного заседания; преднамеренное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела; заявление многократных, однотипных и безосновательных ходатайств и отводов; подача многократных и однотипных жалоб в порядке ст.125 УПК РФ на различные процессуальные действия и решения следователя (дознавателя), в том числе не подлежащие обжалованию в рамках данной судебной процедуры; многократные отказы от защитника, чередующиеся с ходатайствами о его привлечении к участию в деле; требование переводчика при достаточном владении русским языком; ложные показания, сопряженные с обвинением других лиц в совершении преступления; ложный донос о совершенных преступлениях следователем, судьей, экспертом, адвокатом, свидетелем и т.д. с целью опорочить доказательства и законность производства по завершенному делу, по которому обвинительный приговор вступил в законную силу.

В соответствии со сложившимся, чрезмерно широким толкованием права на защиту, обвиняемый в целях опровергнуть выдвинутое против него обвинение либо опорочить состоявшийся в отношении него обвинительный приговор может без каких-либо для себя последствий прибегнуть к таким противоправным средствам, как клевета, заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, фальсификация доказательств. Другим заинтересованным в деле лицам, например, потерпевшему, такие действия не дозволены, они запрещены уголовным законом. Как верно отмечает Т.В. Якушева, подобное злоупотребление правом на защиту нарушает «соотношение интересов справедливого правосудия и защищенности личности в пользу одной из сторон» [8, с.124]. Правосудие же должно быть справедливым для всех, а не только в отношении обвиняемого.

Распространению порочной практики злоупотребления правом на защиту способствует отсутствие в УПК РФ действенного правового механизма противодействия этому явлению. В статьях 47 и 53 УПК РФ, регламентирующих соответственно процессуальные права обвиняемого и защитника, содержатся положения (на наш взгляд, неудачно сформулированные) о том, что обвиняемому и защитнику дозволяется защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК. Поскольку никакие специальные запреты для стороны защиты в УПК РФ не установлены, может создаться иллюзия, что никаких ограничений в выборе средств защиты и способов их использования не существует. Между тем, как изложено выше, для подобного ограничения имеются необходимые конституционные и международные правовые основы, которые могут и должны результативно использоваться как на законодательном уровне, так и в процессе правоприменения.

Одним из способов противодействия злоупотреблению правом на защиту является ограничение конкретного процессуального права, используемого в целях, противоречащих его назначению. Подобная, единичная мера в отечественном судопроизводстве предусмотрена и небезуспешно применяется на практике в рамках процедуры ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в порядке ст.217 УПК РФ (ограничение срока ознакомления в случае явного затягивания его времени). Однако ввиду множественности форм злоупотребления правом на защиту она явно недостаточна. Зарубежный опыт в этом вопросе более богат и разнообразен.

Так, УПК Швейцарии к числу основных положений уголовно-процессуального права относит запрет злоупотребления субъективными правами, требуя от органов уголовного судопроизводства обращать на это внимание (ст.3) и предоставляет этим органам правомочие ограничить права стороны на судебные слушания (совокупность процессуальных прав в ходе судебного разбирательства - прим. автора), если существует обоснованное подозрение, что сторона злоупотребляет своими правами (ст.108) [6, с.14,60].

УПК ФРГ предписывает: отклонить заявленный судье отвод как недопустимый, если он явно направлен на затяжку процесса или преследует иную чуждую процессу цель (абз.1 §26а); исключить (удалить) защитника из процесса, если имеются серьезные подозрения или обнаружится, что он совершил действия, которые при решении вопроса об осуждении обвиняемого способствовали бы его незаконному оправданию, укрывательству (абз.1 §138а); отклонить ходатайство о предоставлении доказательств, если оно заявлено с целью затянуть процесс (абз.3 §244); а также предоставляет председательствующему право лишить защитника (как и прокурора) права задавать вопросы свидетелю или эксперту, если он злоупотребляет этим правом (абз.1 §240) [7, с.21,74,114-115]. При этом Верховный Суд ФРГ придерживается позиции, согласно которой злоупотребление процессуальными правами следует предполагать в случаях, когда участник процесса использует предоставленную УПК возможность в чуждых или противоречащих процессу целях [1, с.93].

В условиях неактивности нашего законодателя в решении проблемы злоупотребления правом на защиту, российское общество, заинтересованное в справедливом во всех отношениях правосудии, вправе ожидать решительных действий в этом направлении от судебной власти. И такие шаги в последнее время предпринимаются.

В недавнем Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», опираясь на положения ч.3 ст.17 Конституции РФ, Пленум Верховного Суда РФ впервые допустил возможность ограничения процессуальных прав обвиняемого и сформулировал подход к решению проблемы злоупотребления правом на защиту. Согласно разъяснению Верховного Суда РФ, отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника допустимы, если обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса (п.18 Постановления).

Другой, возможно более спорный, путь нейтрализации определенных форм злоупотребления правом видится в переводе их в категорию правонарушений, вле-

кущих правовые санкции, вплоть до уголовной ответственности. Такие меры могут быть применены к особо злостным формам злоупотребления правом на защиту, сопряженным, например, с заведомо ложным доносом в совершении преступления, фальсификацией доказательств и совершением иных деяний, подпадающих под действие уголовного закона, но в силу сложившейся практики не преследуемых в уголовном порядке.

Очевидно, что любое ограничение пределов реализации процессуальных прав обвиняемого (подозреваемого) и его защитника не должно превращаться в произвол и нарушать право на защиту, для чего требуется взвешенная законодательная регламентация соответствующих процедур и установление (на досудебных стадиях процесса) судебного контроля над законностью и обоснованностью ограничения в реализации процессуальных прав стороны защиты.

В свете сказанного следует заметить, что в советском процессуальном праве акцент делался, и вполне оправдано, на законность интересов обвиняемого, подлежащих защите уголовно-процессуальными средствами. В частности, в ст. 46 УПК РСФСР 1960 года было прописано, что обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы любыми средствами и способами, не противоречащими закону. Для укрепления правовой основы противодействия злоупотреблению правом на защиту представляется целесообразным, прежде всего, вернуть в содержание понятия права обвиняемого (подозреваемого) на защиту отстаивание законных интересов в качестве цели его использования.

Литература: 1. Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ. - М.: Издательство «Спутник +», 2014. - 359 с. 2. Бурмагин С.В. Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. - 2009. - № 3. - С. 101-105. 3. Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: учебно-практическое пособие. - М.: Издатель Шумилова И.И., 2005. - 135 с. 4. Ингнатьев А.Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? // Адвокатская практика. - 2012. - № 5. - С. 8-12. 5. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В.А. Туманова и Л.Э. Энтина. - М.: Издательство НОРМА, 2002. - 336 с. 6. Трефилов А.А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года.- М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. - 224 с. 7. Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс. -М.: Издательская фирма «Манускрипт», 1994. - 204 с.; 8. Якушева Т.В. Злоупотребление процессуальными правами в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. - 2011. - № 2. - Т.1. - С. 123-126.

Василенко А. А.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва)

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Одним из назначений уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, путем осуществления уголовного преследования (ст. 6 УПК РФ).

В соответствии с положениями п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Сторону обвинения, представляют прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, частный обвинитель, потерпевший, его законным представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Сущность и содержание понятия уголовного преследования раскрывается в ч.2 ст. 21 УПК РФ и включает в себя установление события преступления, а также изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления. В теории уголовного процесса существуют и другие дефиниции.

Так, З. З. Зинатуллин указывает, что «по своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно - процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания».[1]

А. Г. Халиулин в содержание уголовного преследования включает следующие действия и решения: 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) производство следственных действий, направленных на собирание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств; 3) выдвижение в отношении конкретного лица подозрения в совершении преступления; 4) формулирование и предъявление обвинения в преступлении; 5) производство следственных действий, направленных на доказывание выдвинутого обвинения; 6) направление дела в суд с обвинительным заключением; 7) поддержание обвинения перед судом.[2]

Подробный анализ приведенных определений оставим за скобками, однако подчеркнем, что любая деятельность, в том числе и уголовное преследование, должна иметь исходные, руководящие, основные положения – принципы, отражающие ее сущность и содержание.

Значение принципов многогранно, они выражают сущность деятельности, ее характерные черты. Эта система юридических норм наиболее общего характера, служащая основой уголовно-процессуального законодательства.[3]

К сожалению, принципы осуществления уголовного преследования не нашли своего закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Учитывая то, что уголовное судопроизводство – это осуществляемая в установленном законом порядке деятельность государственных органов, должностных лиц и иных участников уголовного судопроизводства по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела, направленная на достижение

---

[1] *Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : учеб. пособие. Изд. 2_е, испр. и доп. Ижевск : Детектив_информ, 1997. С. 7–8.

[2] *Халиулин А. Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) :дис. … д_ра юрид. наук / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре РФ.М., 1997. С. 47.

[3] Сильнов М.А. Принципы российского уголовного процесса: лекция/ Акад. Ген прокуратуры Рос. Федерации .-М, 2013 .- 72 с.

назначения уголовного судопроизводства[1], уголовное преследование является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что закрепленные в УПК принципы уголовного судопроизводства, в полной мере действуют при осуществлении уголовного преследования. Вместе с тем, в научной литературе последних лет принято выделять специфические начала процессуальной деятельности, характеризующие непосредственно уголовное преследование[2]. И хотя большинство из них было выработано в советский период, мы видим их актуальность и сегодня.

Мы согласны с Еникеевым З.Д, когда он относит к таким специальным[3] принципам уголовного преследования его неотвратимость; индивидуализацию, обоснованность, быстроту, справедливость, своевременность, а также единоличное ведение уголовного преследования, независимость соответствующих органов , недопустимость вмешательства в их деятельность и некоторые другие[4].

Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Неотвратимость уголовного преследования (наказания).

Неотвратимость ответственности, не закреплена в нормах материального уголовного права. Вместе с тем идее неотвратимости ответственности корреспондирует закрепленная в нормах процессуального закона (ст. 21 УПК РФ) обязанность осуществления уголовного преследования. В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ "В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления"[5].

Данный принцип также обеспечивается путем установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу (ст.73 УПК РФ).

Недопустимость повторного уголовного преследования.

Содержание этого принципа нашло прямое закрепление в ст. 50 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает недопустимость повторного осуждения за одно и тоже преступление. Аналогичное положение содержится в п.7 ст.14 Международного Пакта от 16.12.1966 "О гражданских и политических правах": "Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом или уголовно-процессуальным правом каждой страны".

Справедливость.

Этот принцип, как и начала законности, подразумевает осуществление уголовного преследования в строгом и неуклонном соответствии с требованиями действующего законодательства. Свое правовое закрепление в российском законодательстве данный принцип нашел в ст. 6 УК РФ, в которой указано, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Реализацией данного принципа является изобличение каждого виновного в совершении уголовно-наказуемого деяния и недопустимость привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

Индивидуализация. Основу этого принципа составляют индивидуальные особенности личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства, ее качественные и моральные характеристики.

Непосредственное закрепление данный принцип находит в положениях п. 3 ч.1 ст.73 УПК РФ, в котором изложено, что обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежат обязательному доказыванию при производстве по уголовному делу.

Принцип индивидуализации уголовного преследования заключается в учете индивидуальных особенностей личности (род деятельности, состав семьи, окружение, социальные установки и пр.) при привлечении ее к уголовной ответственности и применении в этой связи сопутствующих мер процессуального принуждения.

Принцип обоснованности уголовного преследования заключается в том, что осуществление данной процессуальной деятельности не может быть основано на предположениях, догадках и слухах (п.2. ч.2 ст.75 УПК РФ). Уголовное преследование должно быть основано на фактах, убедительных доводах и аргументах, в целях предотвращения необоснованного привлечения невиновного лица к уголовной ответственности.

Своевременность и быстрота уголовного преследования означает неукоснительное соблюдение сроков возбуждения уголовного дела, производства необходимых следственных действий с целью максимально сокращения промежутка времени между совершением преступления и привлечением виновного к установленной законом ответственности. Нормативное закрепление данный принцип получил в ст. 6.1 УПК РФ о разумных сроках уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии с ч.3 ст.6.1 УПК РФ при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник/отв. ред. П.А. Лупинская.- 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма : Инфра –М., 2010.-С.21.

[2] См., например: Каюмова А.Р. Перспективы кодификации универсальной юрисдикции государств // Российский юридический журнал. 2015. N 3. С. 106 - 116.

[3] В целях предотвращения терминологической путаницы, считаем необходимым применить к ним операциональное понятие специальных принципов.

[4] Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие. Уфа: Изд-во БашГУ. 2000. - 131 с.

[5] Волошин В.М. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. N 3. С.48-50.

уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Соблюдение указанных принципов призвано повышать авторитет лиц, осуществляющих уголовное преследование, и способствовать реализации задач уголовного судопроизводства.

В этой статье нами предпринята попытка рассмотрения с позиций действующего УПК некоторых принципов осуществления уголовного преследования для иллюстрации актуальности этого направления правовых исследований.

Литература: 1. Сильнов М.А. Принципы российского уголовного процесса: лекция/ Акад. Ген прокуратуры Рос. Федерации .-М, 2013 .- 72 с.; 2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник/отв. ред. П.А. Лупинская.- 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма : Инфра –М., 2010.- 1088с.; 3. Каюмова А.Р. Перспективы кодификации универсальной юрисдикции государств // Российский юридический журнал. 2015. N 3. С. 106 – 116; 4. Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие. Уфа: Изд-во БашГУ. 2000. - 131 с.; 5. Волошин В.М. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. N 3. С.48-50.; 6. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : учеб. пособие. Изд. 2_е, испр. и доп. Ижевск : Детектив_информ, 1997. С. 7–8; 7. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) :дис. … д_ра юрид. наук / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре РФ.М., 1997. С. 47.

Гармаев Ю. П.

доктор юридических наук, профессор

ИНИЦИАТИВНЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ[1]

Анализ следственной и оперативно-розыскной практики по делам о взяточничестве демонстрирует одну из негативных тенденций, часто проявляющуюся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании этих коррупционных преступлений[2].

Проведенный нами опрос 86 прокуроров районов и их заместителей по надзору за следствием и дознанием, оперативно-розыскной деятельностью показал, что работники надзорного органа в большинстве своем (87% опрошенных) отмечают эту негативную закономерность: «Следствию не хватает целеустремленности и наступательности»[3]. У всех на слуху обстоятельства расследования, например, некоторых «громких» коррупционных дел, когда уголовное преследование начинается с нескольких выявленных оперативно-розыскными подразделениями эпизодов преступлений, продолжается годами, не только не расширяясь в сторону выявления новых эпизодов, составов и соучастников, но и все больше «сжимаясь» в объеме обвинения. Теряется доказательственная база, усиливается противодействие, изменяются в сторону смягчения меры пресечения, и т.п. И, в конце концов, в тиши следственных кабинетов ранее такое «громкое» дело благополучно прекращается или в суд направляется лишь один, причем самый незначительный эпизод, и в лучшем (для стороны обвинения) случае суд назначает наказание с отбыванием его условно. В итоге, как принято говорить в подобных случаях: «Гора родила мышь»…

Широко известно, что по делам о взяточничестве преступления раскрываются чаще всего на основании проведения ОРМ «Оперативный эксперимент».

Однако сама возможность изобличить взяточника путем типового (традиционного) оперативного эксперимента предоставляется оперативным службам лишь по случаю и довольно редко. Ведь лица, подвергающиеся вымогательствам взяток, практически всегда находятся в зависимости от ведомств, в которых работают чиновники-коррупционеры (например, предприниматели – от органов исполнительной власти, пожарных, налоговой инспекции; студенты – от преподавателей вузов и т. д.) и/или посредников во взяточничестве. Очень часто оперативные подразделения располагают сведениями о конкретных должностных лицах, систематически получающих взятки (посредниках) и о лицах, вынужденных их давать. Но попытки «дождаться» граждан или убедить их выступить заявителями, добровольно принять участие в ОРМ чаще заканчиваются ничем4.

К сказанному остается лишь добавить следующее: как показало изучение практики, по делам исследуемой категории традиционный оперативный эксперимент в подавляющем большинстве случаев удается провести только в относительно простых следственных ситуациях, в случаях крайнего недовольства со стороны взяткодателя действиями взяткополучателя, посредника (мнимого посредника) в сочетании с серьезными подозрениями в попытке похищения последним предмета взятки, иными действиями против интересов взяткодателя-заявителя. Такого рода следственные ситуации действительно крайне редки и даже близко не отражают реальных размахов коррупционной преступности.

Анализ следственно-судебной практики различных регионов дает все основания рекомендовать проводить то же ОРМ «Оперативный эксперимент», только без ожидания заявителя, а с использованием «легенды» и по инициативе, но без провокации и подстрекательства со стороны самих органов – субъектов ОРД. Это ОРМ назовем «легендированным инициативным оперативным экспериментом».

---

[1] Информация носит открытый характер, сформирована на основе открытых работ. См. сноски ниже.

[2] Гармаев Ю.П. Принцип наступательности в криминалистической методике расследования // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015. – С. 367-371.

[3] Опрос проводился в районных прокуратурах Республики Бурятия и Новосибирской области. Об этой тенденции см. также, например: Прокуратура Забайкальского края: Следствию не хватает наступательности в розыске и изъятии похищенного имущества в результате коррупционных преступлений // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Лента новостей региональных прокуратур от 22.04.2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://genproc. gov.ru /smi /news/regionalnews/news-714749/. - Загл. с экрана – (дата обращения: 12.03.2016).

[4] Гармаев Ю. П. Основы методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. - С. 84–85; Степаненко Р. А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015.

В рамках настоящего исследования были предприняты попытки найти в различных регионах материалы уголовных дел, по которым проводились бы тактические операции в отношении взяткополучателей и посредников на основе легендированного оперативного эксперимента. Найдено несколько таких дел1.

Приведем пример одного из них с фабулой в кратком виде. До возбуждения уголовного дела на основании постановления о проведении оперативного эксперимента[2] к чиновнику, занимавшемуся предоставлением в аренду земельных участков, обратился руководитель коммерческой структуры (легендированный оперативник) с просьбой о предоставлении земельного участка на законном основании. В отношении разрабатываемого должностного лица имелись обоснованные сведения[3] о вымогательстве взяток (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ) за предоставление участков земли. В состоявшемся разговоре чиновник к просьбе отнесся благосклонно и обсудил с просителем порядок оформления необходимых документов. И только когда коррупционер сам намекнул на то, что услуга, хотя и законная, не будет безвозмездной, а затем и прямо потребовал передачи взятки, оперативник уточнил сумму и порядок передачи денег. После этого были проведены дальнейшие действия по контролируемой передаче взятки несколькими частями.

Только когда при очередной – третьей по счету – передаче денег в диалоге (как и ранее, записанном с помощью технических средств) от должностного лица прозвучали фразы о том, что оно по своей воле принимает взятку за действия, входящие в его служебные полномочия, была произведена реализация оперативных материалов, т. е. задержание взяткополучателя с поличным[4].

Такая специфика проведения ОРМ и всей тактической операции не противоречит требованиям законодательства и разъяснениям Пленума Верховного суда РФ5. Она не противоречит правовым позициям ЕСПЧ, который, в частности, требует «проведения расследования в основном пассивным способом», предлагая критерии того, что он (суд) имеет в виду под этим словосочетанием: «… это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной...»[6].

Действительно, изобличение коррупционеров и расследование дела от следственных ситуаций, где проводится легендированный инициативный оперативный эксперимент, значительно эффективнее и даже проще для стороны обвинения, чем расследование от следственных ситуаций, где проводится типовой оперативный эксперимент.

Приведенный пример тактической операции на основе инициативного оперативного эксперимента, безусловно, может вызвать сомнения следователей, судей, надзирающих прокуроров по поводу того, не имеет ли место провокационно-подстрекательских действий со стороны правоохранительных органов и содействующих им лиц в любых подобных ОРМ и в целом в тактических операциях[7].

Действительно, в последние годы наблюдается рост количества оправдательных приговоров и прекращенных дел со ссылкой в правовом решении на провокацию и подстрекательство со стороны сотрудников оперативных подразделений. Однако в описанном примере проведения инициативного оперативного эксперимента действия оперативного сотрудника не содержат признаков провокации или подстрекательства8, не нарушают действующего российского законодательства, норм международного права и прецедентной практики ЕСПЧ. Вот доводы в пользу этой позиции:

1) в примере соблюдены требования об основаниях и условиях проведения ОРМ;

2) оперативный сотрудник просит решить проблему, но сам при этом не предлагает посреднику взятку, т. е. не совершает незаконного подстрекательства. Ведь подстрекателем признается только то лицо, которое склонило другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). В приведенном алгоритме оперативный работник просит чиновника, но не принять деньги, а только помочь решить законный вопрос;

3) признаков подстрекательства к злоупотреблению должностными полномочиями (ч. 4 ст. 33 и ч. 1 ст. 285 УК РФ) либо к иному служебному преступлению в действиях оперативного работника также нет, поскольку просьба была помочь в решении законного вопроса.

Учитывая высокую степень актуальности вопроса о провокации взятки, сформулируем следующие правила законности проведения данного ОРМ (или серии ОРМ), которые должны распространяться на все стадии и эта-

---

[1] Прилагаем папку с приговорами (https://yadi.sk/d/Yg22njT0q4RST) по делам о преступлениях, выявленных в рамках инициативного легендированного эксперимента. Все приговоры вступили в законную силу, некоторые из них «устояли» во второй инстанции. В тексте приговоров мною сделаны отдельные примечания-комментарии (Ю. Г.). Приговоры найдены и предоставлены начальником отдела по надзору за следствием и дознанием управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Новосибирской области, старшим советником юстиции А. А. Сердюком.

[2] Ч. 7 и 8 ст. 8 Закона «Об ОРД».

[3] Подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона «Об ОРД».

[4] Подробно об этом см. также: Гармаев Ю. П. Гармаев Ю. П. Основы методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006. - С. 85–86.

[5] П. 32 и 34 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях".

[6] П. 92 Постановления Европейского Суда по правам человека от 2.10.2012: дело «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации» (Жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) (Первая Секция). Страсбург, 2 октября 2012 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=307260. Подобные же доводы см.: Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 (Дело «Носко и Нефедов против Российской Федерации» (жалоба № 5753/09 11789 /10) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.03.2016.

[7] См.: Кожевников К. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью по делам коррупционной направленности // Законность. - 2013. - № 3. - С. 7.

[8] Об этих признаках см., например: Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2014. - N 12. - С. 62 – 70, СПС Консультант Плюс.

пы тактической операции по изобличению как посредника (мнимого посредника), так и взяткополучателя (при его наличии):

1) до начала ОРМ оперативные сотрудники должны располагать предусмотренными Законом «Об ОРД» основаниями для его проведения. Соответствующие сведения должны быть получены (и в дальнейшем проверены следствием и судом) не только от самих оперативных сотрудников и содействующих им лиц. Сведения должны подтверждаться иными, незаинтересованными лицами и иными источниками. Однако закон не требует, чтобы это были именно доказательства. Достаточно именно сведений;

2) до начала ОРМ оперативные сотрудники должны обеспечить предусмотренные Законом «Об ОРД» условия его проведения;

3) в целом по ОРМ инициатива в получении взятки может исходить только от взяткополучателя (или от посредника во взяточничестве);

4) собранные надлежащим образом сведения еще до передачи взятки взяткополучателю, посреднику (мнимому посреднику) должны свидетельствовать о наличии у этого лица умысла на получение взятки, сформировавшегося независимо от деятельности оперативников, а также о проведении преступником подготовительных действий, необходимых для реализации задуманного преступления;

5) непосредственно в момент передачи взятки инициатива допустима и от дающего взятку оперативного сотрудника или содействующего лица, если имело место одно из следующих обстоятельств:

5.1) предварительная договоренность на передачу взятки, если в момент той договоренности инициатива шла все же от взяткополучателя, посредника (здесь и далее, если после возбуждения дела следователю будут представлены подтверждающие это данные);

5.2) инициатива допустима в части просьбы к взяткополучателю, посреднику о помощи в разрешении законной проблемы, но не в части передачи взятки.

Если же предварительной договоренности не было, а умысел на получение взятки сформировался у взяткополучателя, посредника, исключительно под воздействием оперативных сотрудников или содействующих лиц, то налицо провокация преступления или подстрекательство[1].

6) и еще одно правило, не вытекающее из всего сказанного, но, думается, вполне очевидное: с точки зрения уголовно-правовой оценки действий взяткополучателя сам факт провокации или подстрекательства не исключает преступность добровольного получения им незаконного вознаграждения. Состав преступления налицо, но виновный не может быть осужден в силу недопустимости доказательств, собранных незаконными методами. Это означает, что если оперативные сотрудники или содействующие им лица не имели никакого отношения к провокации или подстрекательству, взятка передана обычным гражданином, взяткополучатель может быть привлечен к уголовной ответственности, а соответствующие доказательства могут быть признаны допустимыми.

[1] Гармаев Ю. П. Основы методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006. - С. 93–94.

Горский М. В.
кандидат юридических наук

Горский В. В.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
кандидат юридических наук
(Воронеж)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ

В настоящее время российский уголовный процесс стоит на пороге серьезных (радикальных) изменений: различными представителями гражданского общества предлагается ввести институт следственных судей. В марте 2015 года проект Концепции «Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе» был представлен в Комитете гражданских инициатив А.В. Смирновым.

Данный проект концепции предусматривает введение следственных судей при верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения по четыре судьи на субъект РФ. Следственные судьи будут осуществлять свои полномочия по уголовным делам о наиболее тяжких и опасных преступлениях, в том числе таких, рассмотрение которых входит в компетенцию суда с участием присяжных заседателей, а также ряде экономических преступлений .

Авторы концепции говорят именно о возрождении института следственных судей, несмотря на то, что в конце XIX века были введены судебные следователи. Относясь к этим понятиям как к синонимам, авторы указывают, что сущность института от этого не меняется – это публичный контроль над предварительным следствием и обеспечение его состязательного характера. Кроме передачи полномочий по осуществлению судебного контроля за предварительным расследованием в концепции предлагается процедура формирования судебных доказательств в судебных заседаниях в ходе предварительного следствия, чтобы уравнять стороны в этом вопросе, а также следственные судьи получат возможность проводить судейские следственные действия и осуществлять контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования (обвинения) при решении вопроса о передаче уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу.

Предлагаемый порядок предварительного следствия полностью ломает традиционное понимание основ уголовного процесса, умоляет независимость следователя, тайну предварительного расследования. Серьезным образом подобные изменения отразятся на науке криминалистика. По сути, она лишится своего важнейшего раздела – криминалистической тактики. Кто теперь будет ее субъектом? Кто будет применять тактические приемы и рекомендации? Как установить контакт и получить первичную информацию от свидетеля, если на него смотрит десяток человек в зале заседаний и у каждого из них своя позиция и свои интересы?

И если в настоящее время УПК РФ всю ответственность за судьбу уголовного дела в ходе досудебного производства возлагает на следователя, то в концепции

предлагается противоположный подход: производство предварительного следствия включает следственные и иные процессуальные действия, производимые органами предварительного расследования, процессуальные действия, осуществляемые стороной защиты, судейские следственные действия и судебные заседания, проводимые следственным судьей. К судейским следственным действиям авторы концепции относят наиболее важные и сложные в тактическом плане вербальные следственные действия (допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, производство судебных экспертиз). То есть теперь, по сути, нет единого субъекта предварительного следствия, нет и единого субъекта в производстве следственного действия. А каждый из участников пытается достичь своих целей. Предлагаемый авторами концепции механизм напоминает известный сюжет из басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука».

В концепции, правда, делается оговорка, что «следователь, конечно, может по-прежнему допрашивать подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших и самостоятельно, однако протоколы таких допросов по общему правилу будут допустимы лишь условно, поскольку оглашение и использование их после передачи дела в суд зависит от согласия другой стороны» . Спрашивается, кто же теперь из следователей будет делать такую трудную работу, готовиться несколько дней или недель к допросу, составлять планы, готовить необходимые материалы и т.д., если потом его результаты будут признаны недопустимыми. Подобный порядок негативно отразится на мотивации следователей, на формировании у них криминалистического мышления .

Главной группой полномочий следственного судьи является судебный контроль. По действующему законодательству судьи осуществляют контроль за предварительным расследованием, но такой контроль авторы концепции считают неэффективным, поскольку «это возложено на тех же судей, которые в дальнейшем рассматривают уголовное дело, как раз и оказавшись «в обвинительной связке» со следователем и прокурором. Следственные же судьи, выделяемые из корпуса федеральных судей на определенный срок , должны наделяться только полномочиями по контролю за следствием, и в течение этого срока не разрешают дела и не выносят приговоры. «Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В результате судьи просто не успевают подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. Загруженность «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел. Тем более что «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора» .

По нашему мнению, авторы концепции смешивают вместе совершенно разные проблемы и предлагают достаточно своеобразный выход, который вряд ли решит сложившуюся ситуацию. Вопросы перегруженности судей должны решаться расширением штата сотрудников. Для этого совсем необязательно создавать новые процессуальные фигуры и менять порядок досудебного производства. Следует напомнить, что вопросы введения так называемого судебного контроля за следствием вызывали жесткую критику многих ученых особенно в 90-е годы прошлого столетия, когда разрабатывался проект Уголовно-процессуального кодекса, воспринявший идеи Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. Так, профессор Л.Д. Кокорев писал, что осуществление судьями судебного контроля отразится на их объективности и беспристрастности. «Если судьи еще в ходе расследования будут влиять на сам ход и результаты следствия, это приведет к судейской необъективности при последующем постановлении приговора. Не помешает этому и то, что одни судьи будут осуществлять контроль за следствием, а другие рассматривать дело по существу. Общие корпоративные интересы возьмут верх. Единая судебная система, несомненно, будет заинтересована в том, чтобы решения судей при вынесении приговора соответствовали решением других судей, которые они принимали на стадии предварительного расследования, санкционируя арест и иные следственные действия, удовлетворяя или отклоняя жалобы на следователей и т.д. Единая судебная система не потерпит внутренних противоречий. Судебный контроль за законностью расследования должен осуществляться лишь в рамках правосудия, при рассмотрении уголовного дела по существу» .

Сторонники идеи введения судебного контроля за предварительным расследованием всегда критиковали эффективность прокурорского надзора, ссылаясь на то, что прокурор, как участник стороны обвинения, обладая широкими руководящими полномочиями в ходе предварительного расследования, не может объективно осуществлять надзор. Но в настоящее время УПК РФ существенным образом сократил полномочия прокурора на следствии, оставив за ним фактически надзорные функции, стороной обвинения он остается лишь в судебных стадиях, выступая в качестве государственного обвинителя. Почему же не начать совершенствовать институт прокурорского надзора? Авторы концепции возрождения института следственных судей теперь напротив указывают, что прокурор имеет ограниченный набор полномочий воздействия на орган предварительного следствия, что не позволяет им должным образом реагировать на процессуальные нарушения. Не удовлетворяет их и состояния судебного контроля, который осуществляют те же судьи, что и рассматривают уголовные дела по существу. Удивляет то, что при всем этом предлагается не решать сложившиеся проблемы, а вводить новый институт следственных судей.

Хотелось бы отметить, что если основной проблемой (по мнению авторов концепции) является то, что одни и те же судьи выполняют полномочия по судебному контролю в ходе досудебного производства и по делу и полномочия по разрешению дела по существу, то решить ее можно совершенно другим более простым способом: ввести дополнительное основание для отвода судьи в ст. 63 УПК РФ о том, что если судья принимал какие-либо решения в ходе досудебного производства по уголовному делу, то он не может участвовать в рассмотрении того же дела в суде первой, второй или надзорной инстанции.

Дискуссия о введении подобного основания для отвода судьи ведется уже многие годы . Обратим внимание на то, что первоначальная редакция ст. 63 УПК РФ

содержала подобные положения. В последствие данные положения были исключены Федеральным закон от 29 мая 2002 № 58-ФЗ.

Конституционный Суд РФ по этому вопросу занимает достаточно осторожную позицию. С одной стороны, в его определение указано: «беспристрастность и независимость суда не нарушаются вследствие того, что в ходе предшествующего производства по данному делу этим же или вышестоящим судом принимались решения по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и т.д. К числу решений, участие в вынесении которых не препятствует судье впоследствии участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, может быть отнесено определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока ее действия, поскольку фактическую основу для такого рода решений составляют материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения, но никак не виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления, подлежащая установлению в приговоре суда» . Но с другой стороны, Конституционный Суд РФ не указывает, что делать, если в судебном заседании об избрании меры пресечения все же затрагивались обстоятельства, касающиеся существа дела.

Еще 21 октября 2005 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 227525-4 «О внесении изменений в статью 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым предлагается: дополнить статью новой частью первой в следующей редакции:

«1. Судья, принимавший решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока содержания под стражей, не может участвовать в рассмотрении того же уголовного дела в суде первой или второй инстанции либо в порядке надзора.» . Но по настоящее время он так и не был принят.

Таким образом, ввиду того, что сторонников точки зрения о том, что один судья не должен совмещать полномочия по участию в досудебном производстве и рассматривать уголовное дело по существу, становится больше, включая сторонников концепции возрождения института следственных судей, считаем, что решить эту проблему целесообразнее внесением дополнительного основания для отвода судьи, а не созданием дополнительных правовых институтов, ломающих все существующие процедуры предварительного расследования.

Духно Н. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет путей сообщения»

доктор юридических наук, профессор (Москва)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права и свободы человека Конституцией России признаются высшей ценностью, (ст. 2 Конституции РФ). Охрана и защита прав человека стали острой проблемой в нашем Отечестве. Существует много причин, способствующих нарушению прав человека. Одной из них является преступность и связанные с ней другие правонарушения. Совершаемые преступления существенно ущемляют права граждан. Возникают напряженные проблемы обнаружения виновных, применения к ним справедливого наказания и защиты прав человека. Мучитель-но долго человечество в своем развитии искало способы справедливого наказания лиц, виновных в совершении преступления. Прошлые поколения уже много веков тому назад заметили, что несправедливое наказание умножает рост преступности, которая становится еще более коварной. Низкая образованность не давала возможности для ясного понимания, что, как и кому нужно предпринимать для торжества справедливости.

За продолжительный период исторического развития человечества сложилась система юридических мер, противодействующих преступлениям и другим правонарушениям. В формировавшемся праве проходили свое нелегкое становление санкции, выражавшие самые разнообразные, от крайней жестокости до снисходительного порицания, меры наказания за совершаемые правонарушения. Кроме прописывания в законе о том, какие деяния следует относить к правонарушению, нарастала потребность в определении порядка применения наказания, предусмотренного санкцией. По мере развития и роста уровня правовой культуры проходил свое становление порядок применения наказания. На этом длительном мучительно беспокойном пути очевидной стала проблема установления виновного в совершении правонарушения. По разным причинам и под влиянием властных усилий к решению этой важной проблемы почти всегда подходили не с позиций установления объективной истины, а к демонстрации силы тех, кто находился у власти. Сила и власть оказались явлениями, доминирующими в вы-боре виновного и применении к нему наказания. В изнурительной борьбе, не видя ни какого просвета, человечество свыкалось с порядками, где сила власти диктовала свои условия и способы наказания. Требовалось напряжение сил, чтобы добиться начального успеха для убеждения всех в том, что для установления виновного нужно доказать его причастность к совершенному преступлению. В судопроизводстве стали появляться доказательства. Эпохи формирования взглядов на доказательства их связи с совершенным преступлением и отношение к нему подозреваемого лица, заслуживают особого внимания и глубокого исследования, что послужит несомненным поучительным уроком для нынешних правоохранительных органов. Несмотря на большое

количество теоретических исследований по проблемам доказывания в уголовном судопроизводстве, взгляды на понятие доказательства остаются спорными до настоящего времени. Первоначально доказательства носили формальный характер, что не давало возможности подлинно установить причастность лица к совершенному преступлению. В России от формальных доказательств отказались с принятием нового Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Образовались правовые условия для плодотворного развития центральной, основополагающей части судопроизводства, его сердцевины – процесса доказывания. Появилась возможность по новому представлять основные свойства юридической ответственности за совершаемые преступления. Возникли новые обстоятельства, позволившие развивать формы юридической ответственности и устанавливать особый порядок для уголовно-правовой ответственности. Осознание необходимости защиты прав человека и гражданина и понимание серьезных последствий, наступивших в результате привлечения лица к уголовной ответственности, обусловили необходимость наиболее тщательного регулирования порядка по изобличению виновного и предъявления к нему справедливого обвинения. Уголовно-правовая ответственность стала предметом многих научных исследования в монографических и других трудах, она обсуждается на многих научно-практических конференциях, ее изучают и исследуют многие десятилетия, раскрывая ее многогранные свойства. В восприятии большего числа научных работ может создаться впечатление, что уголовно-правовая ответственность исследована полно и всесторонне и нет никакой необходимости возвращаться к новому научному анализу ее сущности. Но возникающие не редкие факты общественного неудовлетворения работой правоохранительных органов по вопросам при-влечения лиц к уголовной ответственности, побуждают к новым глубоким исследованиям этого важного правового института. В наши дни остро требуются более убедительные научные основания для разработки практических предложений по правильному и единообразному порядку привлечения к уголовной ответственности.

Анализируя научные труды и воспринимая практику привлечения к уголовной ответственности, складывается убеждение в том, что следователи и суды не уделяют должного внимания проверке и оценке доказательств, которые должны всегда оставаться единственным фактическим и юридическим основанием предъявления обвинения, как одной из основных частей сложной, но целостной деятельности, образующей уголовно-правовую ответственность.

При первой оценке уголовно-правовой ответственности складывается представление о том, что она не имеет какого-нибудь отношения к иным правонарушениям, образующим основания для привлечения виновных к другим фор-мам ответственности. Но особенности уголовно-правовой ответственности и характерные черты ее свойств создают целый ряд благотворных условий, способствующих предупреждению правонарушений. В этих условиях создаются самые благоприятные возможности по охране прав и свобод человека. Величиной значимости уголовной ответственности в деле предупреждения и пресечения преступлений и других правонарушений, определяется потребность в ее правильном применении. В наши дни с обострением чувства необходимости справедливого отношения к человеку, его правам и свободам, как никогда оказалась остро востребованной, в своем объективном решении, задача привлечения каждого совершившего преступление к уголовной ответственности в таком порядке, чтобы ни один не виновный не был подвергнут наказанию. Этими обстоятельствами продиктована потребность в выражении и обосновании необходимости рассматривать уголовно-правовую ответственность, как длящуюся, в уголовно-процессуальной форме деятельность, направленную на полное, объективное и всестороннее исследование уголовного дела в целях установления виновного в совершении преступления и применения к нему справедливого наказания. Мера справедливого наказания, как никакая другая, побуждает к воспитательному процессу не только осужденного, но плодотворно воздействует на сознание других, предупреждая преступные деяния. Любая несправедливость в наказании, образует новые факторы, угрожающие появлению новых преступлений и росту преступности. Несправедливость наказания порождает множество причин, под воздействием которых прогрессируют факты нарушений прав и свобод человека.

Когда появляется меньше причин, побуждающих совершать преступления, тогда образуются благоприятные обстоятельства, под влиянием которых значительно снижается уровень разновидных других правонарушений, что способствует становлению правопорядка в обществе и государстве.

Процесс предупреждения совершения новых преступлений складывается из общих и специальных мер предупреждений. Меры общего предупреждения адресуются на лиц, не совершавших преступления, но требующих воспитательного воздействия для повышения уровня правовой культуры, совершенствования правосознания. Общее предупреждение проявляется как в самом факте издания уголовного закона, уверяясь в его доброкачественности, и в установлении в нем конкретных наказаний за конкретное преступление, так и в справедливом назначении наказания лицу, совершившему преступление. Специальное предупреждение направлено на осужденных, в отношении которых вынесен справедливый приговор. Эта цель достигается применением наказания, а также использованием, в процессе его отбывания, и других воспитательных мероприятий, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством

Взгляды на уголовную ответственность развиваются под воздействием тех научных трудов, в которых раскрываются разнообразные ее стороны. При всей полезности научных разработок разного уровня и содержания, в них не указывается главная часть уголовной ответственности, раскрывающая содержание процесса доказывания самого факта совершившегося преступления и установления вины лица, его совершившего. Без этого элемента трудно представить ис-тинное содержание уголовной ответственности, как длящегося процесса. Субъектами его становятся органы, наделенные властными полномочиями, к ним от-носятся правоохранительные органы, главное место в них занимают следователь и суд. К числу субъектов уголовной ответственности непременно относится лицо, совершившее преступление. Доказывание осуществляют, на предварительном следствии следователь, а в судебных стади-

ях судопроизводства суд. Для объективности доказывания, следователь и суд должны быть независимыми, строго следуя требованиям уголовно-процессуального закона, где каждое пра-вило выступает гарантией получения достоверных доказательств и охраны прав человека, попавших в орбиту уголовного судопроизводства.

Чувство глубокого возмущения вызывает следственная практика, пере-шагнувшая порог уголовно-процессуального законодательства и допускающая приемы получения сведений, приемлемые и оправданные лишь в оперативно-розыскной деятельности. Не всегда поддается обоснованному объяснению жажда некоторых следователей, удаляясь от требований УПК РФ, осуществлять уголовное преследование по своим правилам, насыщенным приемами психологического и иного давления на лиц, в отношении которых еще нет достаточных сведений для уголовного преследования. Полученные под разным давлением доказательства, как правило, не проверяются и становятся материалом для при-влечения к уголовной ответственности. Распространена такая деятельность следователей, как производство необоснованных допросов с применением разного рода давления на допрашиваемых, что нарушает права граждан, отвлекает силы на ненужную, но затратную работу, не способствует установлению истины по уголовному делу. Подрывает авторитет и доверие к следственным органам частое применение крайней меры пресечения заключения под стражу при отсутствии достаточных оснований для этого. Мало чем объяснимо длительное со-держание обвиняемых под стражей без производства следственных действий, что ведет к неоправданному увеличению сроков предварительного следствия и попиранию прав участников уголовного процесса. Допускающееся осуществление обысков в ночное время или обысков без достаточных к тому оснований и в то время, которое больше всего воздействует на психику людей, существенно ущемляет права граждан, особенно тех из них, кто к совершенному преступлению не имеют никакого отношения и никакими сведениями о нем не владеет. В широком ряду, побуждающих факторов такого явления остаются и те, которые связаны с распространенными взглядами на уголовную ответственность с ограниченным пониманием ее полной сущности.

Представление об уголовной ответственности, как обязанности субъекта, совершившего преступление, претерпеть неблагоприятные последствия своего деяния, освобождает следователя и суд от необходимости справедливого отношения к лицу, совершившему преступление. Уголовно-процессуальные этапы обнаружения, полного и объективного доказывания вины, назначения и приме-нения наказания, с тем, чтобы обеспечить защиту прав обвиняемого и осужденного, остаются за пределами уголовно-правовой ответственности. Пренебрежение процессуальными правилами доказывания, когда доказательства не проверяются и не учитываются при оценке в их совокупности, ведет к необоснованному предъявлению обвинений.

Иногда уголовную ответственность видят в реализации осуждения лица, совершившего преступление. По времени это совпадает с вынесением обвинительного приговора и назначением наказания. В этом видна связь уголовной ответственности с уголовно-процессуальной деятельностью, но лишь на этапе ее завершения, без учета всего процессуального пути доказывания. Судья может допустить ошибку, если при назначении наказания не учтет все обстоятельства дела, подтверждаемые проверкой и оценкой доказательств в суде.

Не может служить укреплению охраны и защиты прав человека понимание уголовной ответственности, как меры государственного принуждения, выражающейся в лишениях прав личного или имущественного характера. Такая трактовка уголовно-правовой ответственности полностью исключает возможность проследить и проверить полный путь установления истинного лица совершившего преступление. Появляется соблазн к вольному осмыслению процесса обнаружения лица, совершившего преступление. Угасает озабоченность к обеспечению прав и законных интересов всех, кто попадает в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Существенно снижается качество процесса доказывания фактов, образующих полную и объективную картину совершенного преступления.

Ограниченное представление об уголовной ответственности и рассмотрение ее с отдельных, хотя и очень важных сторон, не способствует достойному решению задач быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и справедливого наказания. В такой обстановке, при наличии неплохого уголовно-процессуального законодательства, при значительных затратах на под-готовку и содержание большего отряда следователей, судей и судов, следует признать недопустимыми факты не раскрываемости совершенных преступлений. Но хуже всего складывается обстановка, когда истинное лицо, совершившее преступление, остается не обнаруженным, а к уголовной ответственности привлекается совершенно невиновный человек. Обостряющееся недоверие к правоохранительным органам, в том числе и к суду, перерастает в ненависть, озлобление, влекущее к совершению новых, часто еще более опасных преступлений.

Уголовно-правовая ответственность – это длящийся, урегулированный процессуальным правом емкий, многосторонний процесс, осуществляемый органами предварительного расследования, судом и другими участниками этой правовой деятельности, преследующий цель установления виновного в совершении преступления и применения справедливого к нему наказания. В этом сложном процессе центральное место занимает доказывание. Без проникновения в сущность процесса доказывания и правильного его понимания, как особенного процесса познания фактов преступления и вины лица, его совершившего, все описания уголовной ответственности будут лишь формальными пожеланиями, не подтверждаемыми условиями воплощения их в реальный уголовный право-порядок.

Процесс доказывания начинается с момента уголовного преследования, совпадающего с возбуждением уголовного дела. Производство по уголовному делу, наполненное процессуальными гарантиями, обеспечивает доброкачественное получение и проверку доказательств, уличающих лицо в совершении преступления. Только наличие всесторонне проверенных доказательств может служить основой предъявления обвинения. Когда в уголовном деле появляется обвиняемый, начинается новый этап доказывания. Он характеризуется тем, что в процессе доказывания начинает принимать участие обвиняемый. Объяснения обвиняемого, содержание его показаний, реализация им права на за-

щиту от предъявленного обвинения, тщательная проверка вновь полученных доказательств, эти и другие требования сложной процессуальной формы, при неукоснительном ее соблюдении, обеспечивают объективность обвинения. Складывающаяся в наше новое время практика предъявления обвинения в отсутствии обвиняемого и рассмотрение дела в суде без подсудимого, так называемое заочное вынесение приговора, не способствует делу защиты прав человека. Предъявление обвинения, разбирательство дела в суде и постановление приговора без лица, которого обвиняют, серьезно ущемляют его права, лишая его возможности защищаться. Возмущение и глубокое огорчение вызывает практика, когда обвинение строится на непроверенных доказательствах, вызывающих сомнение в их достоверности. Опасность такого пути доказывания в том, что на сомнительных доказательствах невозможно установить истинное лицо, совершившее преступление, что приведет к наказанию невиновного. Такую практику невозможно считать правосудной, она не только не способствует борьбе с преступностью, но создает условия для роста преступлений. Совершивший преступление остается на свободе, продолжая преступную деятельность. Несправедливо наказанный, под давлением обиды, будет мстить, и не известно, как проявится его негодование. Игнорирование процессуальными правилами доказывания наносит существенный вред обществу. Пренебрегая процессуальный порядок доказывания, многие не задумываются о последствиях, выражающихся в том, что наказываются не-виновные; истинные виновные, убеждаясь в безнаказанности, продолжают преступную деятельность; затраты на правоохранительную деятельность не дают желанных результатов; увеличиваются факты нарушения прав человека, не чувствуя защищенности от преступлений; подрывается доверие к следственным и судебным органам.

Уголовная ответственность наступает не на предположениях, догадках или по чьему-то указанию, а лишь на достоверных доказательствах, полученных при строгом соблюдении всех процессуальных правил и последовательности движения уголовного дела, вплоть до постановления приговора и вступления его в за-конную силу. Оставаясь участником уголовного процесса обвиняемый, потом подсудимый и осужденный, наделяется широкими правами, основная сущность которых является защита от обвинения, от деяний органов государства, ущемляющие его права и законные интересы. Обвиняемому и осужденному органы государства обязаны представить достоверные доказательства, на основе которых было предъявлено обвинение, на основе которых суд отправил правосудие и постановил приговор. Уголовная ответственность всегда тесно связана с процессом получения, проверки и оценки доказательств. Без допустимых и относимых к уголовному делу доказательств не может быть и уголовной ответственности. Она всегда связана с конкретным лицом, совершившим преступление, но этот факт необходимо доказать в строго установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Рассуждения об уголовной ответственности без достоверно установленного лица, совершившего преступление, носят лишь формальный характер.

Процесс привлечения лица к уголовной ответственности обеспечит защиту прав человека тогда, когда в суд будет представлено уголовное дело полно, всесторонне и объективно изобличающее обвиняемого, а суд в судебном следствии тщательно проверит все полученные доказательства и, объективно оценивая их, вынесет справедливый приговор. При таких процессуальных отношениях образуются плодотворные обстоятельства защиты прав человека от преступных посягательств и благоприятные условия для справедливого наказания виновного, что обеспечит защиту его прав.

Раскрытие связей уголовной ответственности с процессом доказывания требует серьезных фундаментальных исследований, которые будут полезны в теории и практике уголовного судопроизводства.

Ефанова В. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
кандидат юридических наук, доцент
(Воронеж)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОКУРОРСКОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Глобализация общественных процессов и отношений в современном мире требует более четкого определения и законодательного регулирования многих вопросов жизнеобеспечения государства. Это имеет отношение и к деятельности участников уголовно-процессуальных отношений, в том числе и прокурора, по обеспечению предоставленных ему функций.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. Согласно п.55 ст.5 УПК РФ «под уголовным преследованием следует понимать процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Однако ч.2 ст. 21 УПК РФ, закрепляя обязанность по осуществлению уголовного преследования, требует от органов уголовного преследования принимать меры не только к изобличению лица, совершившего преступление, но и к установлению события преступления. Но как это может сделать прокурор, если законодатель не предоставил ему полномочий по обеспечению функции уголовного преследования? А те полномочия, которые закреплены в ч.2 ст.37 УПК РФ, направлены на осуществление им функции прокурорского надзора. Исключив из уголовно-процессуального кодекса право прокурора на возбуждение уголовного дела, дачу обязательных для исполнения следователями указаний, расследование уголовных дел и др., законодатель тем самым лишил его непосредственных полномочий по уголовному преследованию в досудебных стадиях уголовного процесса вплоть до момента утверждения обвинительного заключения (акта, постановления). Такая трансформация полномочий, по мнению О.Я.Баева, направлена «на некое «отстранение» прокурора от самого процесса предварительного расследования преступлений, что будет способствовать объективности возбуждения им государственного обвинения и поддержания его в суде» (2, с. 332-333). Вряд ли можно согласиться с этим мнением: не может быть объектив-

ности там, где прокурор не знает в достаточной степени материалы уголовного дела.

Однако ограничение полномочий не влияет на принципиальную оценку роли прокурора как руководителя всей системы уголовного преследования (2, с.333). В ч.1 ст. 21 УПК РФ законодатель именно прокурора называет основным субъектом уголовного преследования. Но активно уголовное преследование прокурор начинает осуществлять лишь после утверждения им обвинительного заключения (акта, постановления). А до этого - пассивно в форме надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия по возбуждению и расследованию уголовных дел. Вместе с тем, для более эффективного осуществления прокурором своих полномочий по надзору за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия следует возвратить ему некоторые полномочия.

Одним из таких полномочий должно стать право прокурора в пределах своей компетенции возбуждать уголовные дела. К сожалению, ранее это право толковалось прокурорами расширительно и они возбуждали уголовные дела практически во всех случаях, когда им поступала информация о преступлении, не обращая внимание на подследственность уголовных дел. В настоящее время право прокурора на возбуждение уголовного дела следует ограничить двумя основаниями. Во-первых, он должен возбуждать уголовные дела, если в процессе осуществления надзора за исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными органами... выявит нарушения уголовного законодательства. Для этого следует ст. ст. 22 и 25 федерального закона о прокуратуре дополнить положением о праве прокурора по результатам надзорных проверок возбуждать уголовные дела и направлять материалы для производства предварительного расследования в компетентные органы. Во-вторых, прокурор должен иметь право на возбуждение уголовного дела, когда, проверяя законность отказа в возбуждении дела, обнаружит, что в материалах дела имеется достаточно доказательств для принятия решения о его возбуждении.

Другим полномочием, которое необходимо возвратить прокурору, осуществляющему надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, должно стать право прокурора прекращать уголовное преследование или уголовное дело, находящееся в производстве следователя. Что касается дел, находящихся в производстве органа дознания или дознавателя, то такое право прокурора закреплено в уголовно-процессуальном кодексе (см. ст. 226 УПК РФ). А вот по делам, по которым ведется предварительное следствие, такое полномочие прокурору не предоставлено. Что же получается в реальности? При несогласии с выводами следователя, содержащимися в обвинительном заключении, о достаточности доказательств виновности лица и необходимости направить материалы дела в суд для привлечения его к ответственности, прокурор должен возвратить дело следователю со своими указаниями. И хорошо, если следователь согласится с доводами прокурора и примет решение о прекращении уголовного преследования или уголовного дела. А если нет? Тогда этот спор может затянуться надолго. Ибо как можно заставить прокурора направить материалы дела в суд, если он не согласен с выводами обвинительного заключения? Окончательную судьбу уголовного дела должен решать всё-таки прокурор. И именно ему должно быть предоставлено право при наличии соответствующих оснований прекращать уголовные дела или уголовное преследование, что следует закрепить в ст. 221 УПК РФ. Эти изменения позволят прокурору повысить эффективность его надзорных полномочий, и он сможет в большей степени влиять на процесс расследования уголовного дела.

Активно же функцию уголовного преследования прокурор начинает осуществлять с момента утверждения обвинительного заключения (акта, постановления). Фактом утверждения прокурором обвинительного заключения (акта) заканчивается следственное обвинение и начинается прокурорское уголовное преследование. Прокурорское уголовное преследование следует рассматривать в качестве составной части функции уголовного преследования (обвинения), выражающейся в возбуждении прокурором государственного обвинения и поддержании его в суде.

Представляется интересным мнение В.А. Лазаревой о том, что «государственное обвинение – это сформулированное в процессе предварительного расследования на основе полученных доказательств и официально адресованное суду утверждение о совершении обвиняемым конкретного уголовно-наказуемого деяния с требованием о возложении на него уголовной ответственности» (5, с. 157 - 158). Эта точка зрения на понятие «государственное обвинение» согласуется с понятием «обвинения», закрепленным в п.22 ст.5 УПК РФ: «обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Но верно ли предложенное понятие отражает содержание государственного обвинения? Можно ли государственное обвинение рассматривать лишь как утверждение? Да, если мы ведем речь об обвинении «следственном», нашедшим свое выражение в постановлении следователя (дознавателя) о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении (акте). Направляя же утвержденное обвинительное заключение с материалами уголовного дела в суд, прокурор требует от суда признать лицо, в отношении которого органами предварительного расследования собраны достаточные доказательства, виновным и наказать его. Отсюда государственное обвинение, исходящее от прокурора, следует понимать как адресованное суду требование о признании лица виновным и о возложении на него уголовной ответственности (3, с. 159 - 160). Данный вывод логично вписывается и в теорию прокурорского надзора. Основным признаком всякого вида прокурорского надзора является: выявить нарушение закона и потребовать от соответствующих органов его устранить. Так и в анализируемой нами ситуации. Прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, знакомится с материалами уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, и делает вывод о том, что органами предварительного расследования собрано достаточно доказательств виновности конкретного лица в совершении преступления. Следующим шагом его надзорной деятельности является обращение к компетентному органу, в нашем случае в суд, с требованием устранить нарушение зако-

на путем привлечения виновного лица к уголовной ответственности и вынесения ему наказания.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства необходимо ст. 5 УПК РФ дополнить следующим основным понятием «государственное обвинение - это адресованное суду требование прокурора о признании лица виновным и о возложении на него уголовной ответственности».

Таким образом, государственное обвинение, как одно из составляющих уголовного преследования, – это результат надзорной деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. Но одновременно, это и начало функции прокурорского уголовного преследования (подробнее о функциях прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса см.: 4.), ее первоначальный этап. Вторым этапом этой деятельности прокурора будет поддержание государственного обвинения в суде, которое он реализует в стадии судебного разбирательства.

Литература: 1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с изм. и доп. на 02 марта 2016 г.// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52 (ч.1). – Ст. 4921; 2016. – №10. – Ст.1314; 2. Баев О.Я., Баев М.О. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. – М., 2008. – 696 с.; 3.Ефанова В.А. О государственном обвинении // Воронежские криминалистические чтения. Сб. науч. трудов. – Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – С. 159-166; 4. Ефанова В.А. Надзор или уголовное преследование? // Российский следователь. – 2012. - №19. - С.26 – 28; 5.Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. – М.,2014. – 296 с.

Жигулин А. М.

Совет адвокатов Донецкой Народной Республики (Донецк, ДНР)

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

На территориях вооруженного противостояния в различных регионах мира наблюдатели фиксируют многочисленные события с признаками нарушения правил ведения войны, военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях. Однако, в этих условиях для правоохранительных органов общепризнанной юрисдикции затруднен доступ к источникам информации о преступлениях такого рода. В международной практике фиксацию следов преступлений в таких случаях берут на себя неправительственные правозащитные организации [1]. Продукт их деятельности может быть передан на рассмотрение в Международный уголовный суд [2]. В самоопределившейся Донецкой Народной Республике создана общественная комиссия по документированию военных преступлений. Однако, чтобы послужить поводом для возбуждения официального расследования, собранные общественными организациями сведения должны отвечать критерию объективности. В связи с этим актуализируется вопрос методологии документирования, осуществляемого общественной комиссией.

Цель нашей работы определяем как конкретизацию методов и уточнение процедуры документирования общественной комиссией военных преступлений.

Понятием «документирование» обозначаем систему действий, осуществляемых общественной комиссией по сбору и фиксации сведений о фактах, составляющих событие с признаками преступления, и обстоятельствах, сопутствующих ему [3]. Применяем подходы криминалистики к деятельности, осуществляемой общественной комиссией по документированию события с признаками преступлений указанного вида. Сложилась практика, что на месте события специалисты-криминалисты осуществляют обнаружение и фиксацию следов и других источников информации о нем [4]. Во главе рабочей группы находится специалист, обладающий навыками обобщения результатов фиксации следов преступлений и представления их в виде юридического документа. На него возлагается составление итогового заключения по результатам работы группы на месте события. Собранные материалы, содержащие информацию о его обстоятельствах, подвергают специальному исследованию на предмет их упорядочения и выявления в них противоречий объективного характера. Такое исследование производит эксперт (или комиссия экспертов), владеющий необходимой квалификацией по комплексному исследованию следовой картины преступления [5].

Документирование разбиваем на стадии – предварительную (выбор объекта документирования, подбор специалистов и эксперта), рабочую (на которой осуществляется фиксация фактов и обстоятельств на месте события, а также проведение специального исследования собранных материалов с целью упорядочения информации и установления имеющихся противоречий между информационными источниками), и стадию сопровождения материалов документирования (на ней производится обнародование результатов документирования в средствах массовой информации, передача материалов документирования в международные судебные инстанции, возможное участие специалистов, эксперта или других членов общественной комиссии в судебном заседании).

Среди требований к методам документирования выделяем их надежность и практическую апробацию. Авторы подчеркивают операционный характер методов специальных исследований в судопроизводстве и их практическую направленность [6, с. 32]. Выбор того или иного метода исследования в конкретной ситуации зависит от условий, в которых производится документирование. К таким относим требование по сохранности исследуемого объекта, необходимость наглядности результатов применения исследовательских методов, доступность для понимания всеми субъектами документирования и участниками судебного процесса, а также представителями общественности. Формулируем требование запрета применения разрушающих методов исследования в процессе документирования. В случае необходимости видоизменения исследуемого объекта, его следует зафиксировать предварительным описанием с применением технических средств.

В системе методов, применяемых при документировании, выделяем общие специальные методы исследования следов и иных источников информации. К ним относим криминалистические и геодезические методы [7], методы анализа изображений, морфологического анализа, анализа состава вещества, анализа структуры, методы изучения физических, химических и других свойств объекта [8, с. 32]. Их применение носит ситуативный характер, относительно условий выполнения конкретного задания в ходе документирования.

Метод наблюдения в документировании обеспечивает исследовательскую функцию, он применяется для

выявления существенных признаков вещественных носителей информации, образцов для сравнительного исследования и иных объектов. Критерием эффективного его применения становится достаточный уровень компетентности специалиста (эксперта) для выявления существенных признаков документируемого события.

Метод описания применяют на всех стадиях документирования. Стиль описания при этом приближается к научному, характеризуясь параметричностью (фиксация свойств, признаков и отношений исследуемого объекта [9, с. 261]), применением специальной терминологии и важными признаками языка юридического документа – правильностью, логичностью, богатством речи, ее точностью, чистотой [10, с. 62-77; 11]. Критерием эффективности этого метода, применяемого специалистом (экспертом) в ходе документирования становится необходимый уровень владения научным стилем речи, специальной научной терминологией.

Метод сравнения применяется на рабочей стадии документирования, соответственно конкретным исследовательским заданиям идентификационного, диагностического или ситуалогического характера. Предпосылкой успешного применения этого метода является наличие признаков, присущих различным объектам, однако которые по своей природе пригодны для сопоставления. Критерием выбора этого метода является как необходимость сравнительного исследования, так и наличие объектов, обнаруживаемых и изучаемых в процессе документирования события и подлежащих сравнению. Критерием эффективности применения метода сравнения является пригодность исследуемых объектов к сопоставлению.

Метод эксперимента. Специальными целями его применения является установление конкретного факта и причинной связи между фактами, явлениями; определение механизма образования следов, выявление особенностей объекта, которые должны быть учтены в ходе документирования. Критерием выбора экспериментального метода называем необходимость испытания объекта в аналогичных или специально созданных условиях; критерием эффективности его применения считаем наличие соответствующей методики эксперимента и технических средств для его проведения.

Метод моделирования. В практике документирования приобретают значение модели, созданные на основе математических и информационных компьютеризированных методов. Критерием выбора метода моделирования является необходимость замены исследуемого объекта его моделью, а критерием эффективности применения указанного метода – выполнение принципа подобия при создании модели и переносе результатов ее изучения на оригинал.

Рассмотрим математические методы. Необходимость их использования в ходе документирования обусловлена наличием потребности в их применении, а также существованием кроме качественных, и количественных характеристик при представлении обстоятельств документируемого события. Целесообразность применения математических методов определена возможностью формализации признаков исследуемых объектов и положительным эффектом, которого при этом удается достичь. Построение математических моделей исследуемых обстоятельств события позволяет перейти на уровень алгоритмизации в решении задач документирования, автоматизировать частные исследовательские операции или действия специалиста. Положительный эффект от применения математических методов достигается объединением качественных и количественных методов представления фиксируемых (исследуемых) обстоятельств события. Этим обеспечивается объективизация результатов документирования. На основании изложенного можно установить критерий выбора математических методов – это целесообразность количественного способа описания обстоятельств события и вычислительный характер задач, возникающих в ходе документирования. Критерием эффективности применения математических методов является соответствие выбранного метода количественной природе обстоятельств документируемого события, объединение количественных характеристик с качественными.

Исторический метод применяют при необходимости проследить генезис документируемого события, установить диалектику его развития и преобразования. Поэтому критерием выбора этого метода становится необходимость выявления и пояснения различий в состоянии, природе и признаках исследуемого объекта на различных этапах его существования. Критерием эффективного применения исторического метода является объединение его с методами сравнения, моделирования, другими.

Методику документирования определяем как программу выполнения задания по фиксации и исследованию обстоятельств события. Особенностью методик документирования является их многовариантность. Такие методики содержат операции, характер которых зависит от особенностей объектов, а также от субъективной оценки этих особенностей специалистом, производящим фиксацию обстоятельств, или экспертом, исследующим результаты этой фиксации. Критериями выбора специальных методик становятся типы заданий, разрешаемых специалистом (экспертом) при фиксации и исследовании обстоятельств документируемого события. Такие задания распределяем на идентификационные, диагностические и ситуалогические. Учитывать при этом следует и типы объектов, подлежащих исследованию. Критерием эффективности применения специальных методик служит получение полного и точного выполнения заданий, поставленных общественной комиссией перед специалистом (экспертом).

Таким образом, внедрение исследовательских методов и специальных методик в технологию документирования ограничено установленным перечнем критериев их отбора и эффективного применения. Отбор исследовательских методов зависит от уровня профессиональной компетенции специалиста, производящего фиксацию следов и других информационных источников о документируемом событии, а также компетенции эксперта, производящего научную систематизацию и специальное исследование зафиксированных информационных источников. Выбор методов обусловлен и комплексным принципом применения специальных методик. Критериями их внедрения в практику документирования становятся типы исследовательских заданий. Целесообразность использования таких методик обусловлена характером документируемого события и типом исследуемого объекта. Критерий эффективности применения специальных методик определен как обеспечение разносторонности и полноты отображения обстоятельств события в материалах документирования. Выполнение перечисленных критериев обеспечивает

достоверность этих материалов, направляемых на рассмотрение в международные судебные инстанции.

Литература: 1. Хазиев Ш.Н. Международное право и судебная экспертиза. – М.: Спутник +, 2014. – 306 с.; 2. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5. – С. 250-261; 3. Моисеев А.М. Объективизация материалов документирования военных преступлений // Гуманитарная ситуация на Донбассе: международно-правовой аспект: Сборник статей по материалам I заседания круглого стола (Донецк, ДонЮА, 28 октября 2015 года) / [отв.ред. д.ю.н. А.М. Моисеев]. – Донецк: ДонЮА, ИПЦ «Edit», 2015. – С. 14-15; 4. Хазиев Ш.Н. Судебная экспертиза в деятельности специального суда по Сьерра-Леоне // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. – М., 2008. – № 1 (9). – С. 248-256; 5. Моисеев А.М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / Государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2015. – Вып. 2/38. – 168 с. – С. 58-63; 6. Моїсєєв О.М., Седнєв В.В., Бордюгов Л.Г., Скриннікова Н.С. Катастрофи: теоретичні та прикладні аспекти розслідування: монографія / за заг. ред. О.М. Моїсєєва. – Донецьк: Вид-во «Ноулідж» (Донецьке відділення), 2014. – 198 с.; 7. Моисеев А.М. Криминалистическое исследование следов артиллерийского обрела // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / Государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2015. – Вып. 2/38. – 168 с. – С. 64-67; 8. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учебник. – М.: ИНФРА_М, 2005. – 503 с.; 9. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.; 10. Стефанчук Р.О., Монастирський Д.А., Рогожа В.Г., Ватрас В.А. Правове письмо: навч.-метод. матеріали / за ред. Р.О. Стефанчука. – К.: СПД Юсип'юк В. Д., 2009. – 147 с.; 11. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: монография. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2014. – 176 с.

Захаров Д. А.

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь)

НЕОБОСНОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА НОВОЕ СУДЕБНОЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ПУБЛИЧНЫМ НАЧАЛАМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Содержание публичного интереса, заложенного в основу формирования уголовно-процессуального законодательства, можно рассматривать в качестве системы ориентиров как для законодателя, так и для правоприменителя. Существенная часть данного интереса связана с обеспечением проведения уголовного разбирательства максимально эффективно, т.е. в процессуальной форме максимально исключающей возможность принятия неправосудного решения при минимизации процессуальных затрат. Именно эта «простая» формула обеспечивает стабильность и «предсказуемость» уголовного судопроизводства и для отдельного гражданина, и для государства.

Проблема последовательного движения уголовного дела наиболее заметна в стадии апелляционного производства. Достаточно часто апелляционный суд, обладая полным инструментарием, необходимым для полноценного рассмотрения дела по существу, ограничивается «соло на пастушьем рожке» и направляет дело на новое судебное рассмотрение. В связи с этим можно говорить о системном характере обязанностей суда в уголовном производстве, которые должны обеспечивать реализацию законных интересов всех участников процесса. Т. В. Моисеева считает, что деятельность участников судебного процесса, направленная на восстановление нарушенных прав (потерпевший) или предупреждение нарушения прав (обвиняемый), тоже может считаться судебной защитой. Данный вывод обосновывается тем, что право на судебную защиту включает в себя право требования принятия судом законного и обоснованного решения, совершения определенных действий по организации судебного разбирательства, право на пересмотр судебного акта, право лично отстаивать в суде свои интересы [5, с.20].

Проблема повышения судейской активности и расширения ее фокуса в апелляционном производстве, далеко не нова и, по всей видимости должна решаться путем введения исчерпывающего перечня оснований для направления уголовного дела на новое судебное рассмотрение, исключающего их расширительное толкование.

Ситуация с самостоятельным исследованием доказательств судом второй инстанции может опираться на позиции ученых-процессуалистов, например, профессора Л.В. Головко, указавшего, что «доказывание носит здесь факультативный характер. Вызов и допрос свидетелей есть не обязанность, но право суда второй инстанции, который может ограничиться исследованием и оглашением материалов дела, собранных в первой инстанции» [1]. Апелляционное производство, также как и заочное разбирательство, следует отнести к институтам, обладающим чертами компенсационных производств, с закрепленными в законе дополнительными гарантиями. В частности, фактически неограниченные возможности проведения судебного следствия направлены на обеспечение полноценного исследования обстоятельств уголовного дела и принятия решения по существу обвинения. Апелляционное производство по сравнению с судом первой инстанции более удалено по времени от события преступления, все доказательства по делу известны всем участникам дела, что позволяет им с учетом их содержания «корректировать» свою позицию, известен результат первого судебного разбирательства, основанный на имеющейся совокупности доказательств. Достаточно категорично по этому поводу высказывался К. З. Постовский: "Ничто не может дать гарантии, что решение суда апелляционной инстанции будет лучше, справедливее и правильнее в юридическом отношении чем решение суда первой инстанции" [2, с. 156]. Но при этом следует помнить что при возвращении дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции все указанные проблемы возникают даже в большем объеме. Суд апелляционной инстанции уполномочен по требованию апеллянта исследовать любой из вопросов, разрешенных в решении суда первой инстанции. Исключительность юридической природы его полномочий заключается в том, что, действуя как контролирующая судебная инстанция, он может выполнять и функцию рассмотрения дела по существу. По мнению Н.Н.Ковтуна, специфической чертой судебно-контрольных стадий уголовного судопроизводства является особая форма осуществления правосудия, при которой суд в качестве беспристрастного арбитра, проверяет правосудность судебных решений, послуживших предметом судебной проверки, и дает ответ по существу заявленных требований сторон " [3, с.17]. Арсенал процессуальных

средств исследования обстоятельств дела позволяет апелляционному суду стремиться к той же цели, что и суду первой инстанции - установлению обстоятельств дела и применению к ним норм уголовного права. Действительно, в отличии от рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции, где решается вопрос о доказанности обвинения, апелляционный суд решает по сути требования апеллянта по исправлению решения суда первой инстанции. Но при этом, если в апелляции ставится вопрос о проведении проверки правильности установления фактических обстоятельств дела они должны быть проверены в тех же процессуальных условиях, что и в суде первой инстанции. А в защиту ревизионного начала апелляционного рассмотрения, подвергаемого критике сторонниками расширения состязательных начал производства, можно привести позицию А. В. Победкина, который считает нарушением принципа презумпции невиновности, случаи, когда апелляционный суд считает не обжалованные выводы проверяемого приговора (например, о доказанности вины осужденного) истинными [4, с.50]. То есть, исходит из виновности осужденного, несмотря на то, что приговор суда еще не вступил в законную силу.

Роль суда в состязательном уголовном процессе, помимо иных составляющих, должна включат в себя обеспечение равенства сторон в доказывании путем контроля за качеством используемых ими средств доказывания. Участник, использующий недопустимые доказательства, таким образом создает для себя необоснованные преимущества, и обязанностью суда в данном случае является восстановление равенства сторон путем применения к данному участнику соответствующих процессуальных ограничений. Таким образом, выбор позиции должен осуществляться с учетом того, что суд по собственной инициативе обязан реагировать на нарушения закона, допущенные в процессе собирания доказательств. Следовательно, суд апелляционной инстанции не только может, но и обязан вынести апелляционное определение, которым может исключить из приговора доказательство, полученное с очевидными нарушениями уголовно-процессуального закона.

К апелляции после некоторой модификации вполне применима известная русская поговорка «два раза отмерь – один раз отрежь» при условии, что «мерить» будут одним и тем же процессуальным инструментом, т.е. непосредственным исследованием доказательств в условиях судебного следствия. Соответственно, нежелание апелляционного суда проводить самостоятельное исследование доказательств приводит к расширительному толкованию оснований для направления уголовного дела на новое судебное рассмотрение.

Согласно ст.389.22 УПК РФ, «обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, если в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции».

В п.19 Постановления от 01.12.2015 № 54 " О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 "О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции" Пленум Верховного Суда РФ указал, что "приговор, определение или постановление суда отменяется и уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции (например, в случаях рассмотрения дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, нарушения права обвиняемого на защиту, которое не может быть восполнено судом апелляционной инстанции)». Анализ приведенных примеров позволяет сказать, что условиями направления на новое судебное разбирательство должны быть:

1) нарушения, наличие которых презюмирует, что решение суда первой инстанции не могло быть законным и обоснованным. В таких случаях фактически отсутствует предмет апелляционного рассмотрения. Последствием такого нарушения является то, что право гражданина на повторное исследование вопросов факта, гарантированное отечественным законодательством и международными актами, может быть обеспечено только новым судебным разбирательством. Это связано с тем, что указанное право должно быть реализовано в обоих случаях в надлежащей процессуальной форме.

2) нарушения, которые не позволяют суду провести проверку соблюдения процессуального законодательства в связи с отсутствием соответствующих материалов дела (отсутствие протокола судебного заседания, отсутствие в нем подписи председательствующего) .

Литература: 1. Головко Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М., 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант:Плюс»; 2. Постовский К.З. К вопросу об апелляции в уголовном процессе // Журнал Министерства юстиции. – 1896. - № 2. – С.158- 173; 3. Ковтун Н.Н., Александров А.С. Апелляционное производство в уголовном производстве России: проблемы и решения // Государство и право, 2001. - № 3. – С. 38-45; 4. Победкин А.В. Апеляционное производство в уголовном процессе России // Государство и право.- 2001.- № 3. - С.46-50; 5. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. – М.: Издательство «Юрлитинформ» , 2006. – С.11.

Иванченко Е. Д.
Соколова И. Ф.
кандидат медицинских наук, доцент
Ботенко В. Н.
Олейник Е. Ю.
Морозов И. С.
Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь)

ЮРИДИЧЕСКИЕ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ОСТАВЛЕНИЯ ИНОРОДНЫХ ТЕЛ В БРЮШНОЙ ПОЛОСТИ

В отделе сложных экспертиз ГБУЗ РК «КРБ СМЭ» при выполнении экспертиз по врачебной деятельности встречаются случаи оставления инородных тел в полостях тела человека. Наиболее часты случаи оставления инородных тел в операционном поле при проведении операций на органах брюшной полости или на брюш-

ной стенке. В основном инородные тела оставляют при хирургических операциях – 64,2 % (реже – при гинекологических). Чаще всего определяется внутриполостное расположение инородных тел – 65,9 %, причем в брюшной полости встречается от 40 до 59,3 % инородных тел, что приходится на 0,56–1,32 % хирургических вмешательств (далее следует плевральная полость, полость перикарда, полость черепа, затем идут внутритканевое и внутриорганное расположение) [1,2].

Независимо от последствий, любое непреднамеренное оставление инородных тел (corpus alienum) при операции традиционно рассматривается в хирургии как чрезвычайное происшествие. Клинические симптомы нахождения инородных тел в брюшной полости весьма разнообразны, что усложняет процесс их диагностики и часто приводит к позднему лечению и неблагоприятным исходам, а также к уголовным и гражданским процессам.

По литературным данным, обнаруживают послеоперационные инородные тела в 0,8–2,2 % случаев проведенных хирургических вмешательств. Причем до 74 % таких случаев наблюдается в ургентной абдоминальной хирургии. Продолжительность нахождения ятрогенных инородных предметов в теле пациентов по статистике составляла от одного часа до 30 лет. В 12,9 % случаев инородные тела удается выявить при жизни больного (в ходе повтор-ной операции) и в 87,1 % случаев – при патологоанатомическом или судебно-медицинском исследовании трупа. Среди описанных в исследованиях инородных тел помимо изделий из марли, операционного белья и инструментов упоминаются даже кольца и очки. Чаще всего оставленными оказываются марлевые изделия и хирургическое белье – от 74,8 до 86,6 %. На втором месте по частоте стоят «ускользнувшие» дренажи и катетеры – 20,4 %, на третьем – инструменты – 2,7 %. Хирургические иглы были оставлены у 1,7 %, лигатуры – у 0,4 % больных. Оставление инородных тел в операционных ранах и, особенно в брюшной полости, весьма часто вызывает ряд осложнений, иногда тяжелых и опасных для жизни больного: абсцессы, свищи, общий и местный перитонит, непроходимость кишечника, кровотечения. Насколько опасно оставление инородных тел в полостях, показывает отечественная статистика, согласно которой летальность среди больных, непосредственно связанная с инородным телом, составляет от 23,8 до 44 % [3,4].

В нашей практике, в 2016 году встретился случай смертельного осложнения оставления инородного тела в брюшной полости у ребенка 9 лет. В 2013 ребенку К., проведена операция аппендектомии. Ребенок был в стационаре 9 дней, выписан в удовлетворительном состоянии. Согласно амбулаторной карте, ребенок в течение 2-х лет после операции обращался в поликлинику трижды по поводу ОРВИ, наблюдался участковым педиатром, выписывался с выздоровлением. В ноябре 2015 года дома у ребенка появилась рвота, к врачу не обращался, дома родители давали полисорб, при ухудшении состояния и отсутствии эффекта от введения полисорба, через два дня обратились в стационар Детской больницы г. Феодосии. Ребенок поступил в стационар в состоянии средней тяжести, с повышением температуры до 39,3°С, судорога-ми, анурией. Начата инфузионная терапия, при проведении УЗИ обнаружены эхопризнаки кишечной непроходимости. При подготовке к оперативному вмешательству ребенок умер в стационаре. При судебно-медицинском исследовании трупа установлен диагноз «кишечно-спаечная непроходимость, воспалительный инфильтрат в месте перехода тонкого кишечника в толстый кишечник с инородным телом (размеры 4,5х4см с марлевыми нитями), осложнившаяся фибринозным перитонитом и острой почечной недостаточностью».

В данном случае иллюстрируется одна из основных причин смерти – кишечная непроходимость, перитонит и что марлевые изделия наиболее часто влияли на смертельный исход (по литературным данным в 75 % случаев).

Могут наблюдаться и другие причины смерти: абсцессы, сепсис, приведшие к острой сердечной недостаточности, перикардиту, острой почечной недостаточности, отеку и дислокации головного мозга.

В юридическом аспекте, оставление инородных тел после оперативного вмешательства квалифицируется как врачебная ошибка «лечебно-технического» характера [5]. Понятие о врачебной ошибке совершенно исключает какой-либо умысел или противоправное действие. Следовательно, такие ошибки в уголовном законодательстве рассматриваются как невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ), а при летальном исходе – причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Тем не менее, на практике хирурги и операционные медицинские сестры обвиняются в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ). В большинстве своем такие случаи рассматриваются в гражданском процессе, когда по-даются иски, как к лечебным учреждениям, так и непосредственно к врачам, проводившим операции. При этом лечебное учреждение вынуждено возмещать моральный вред заявителю на основании ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» (ответственность за нарушение прав потребителей).

Таким образом, наиболее часто инородные тела остаются в организме пациента после хирургических вмешательств на брюшной полости, оставление инородных тел в брюшной полости вызывает ряд септических осложнений, кишечную непроходимость, кровотечения и тромбозы, причиняя тяжкий вред здоровью пациента, а в 23,8–44 % случаев приводят к смерти. Юридически случаи оставления инородных тел в брюшной полости квалифицируются как нарушение прав потребителя, невиновное причинение вреда, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, а при летальном исходе – как причинение смерти по неосторожности.

Литература: 1. Судебно-медицинская экспертиза инородных тел желудочно-кишечного тракта. Монография / Соседко Ю.И. - М.: Юрлитинформ, 2003. - 112 с.; 2. Казарян В.М. // Судебно-медицинская экспертиза. — 2008. — №5; 3. Последствия непреднамеренного интраоперацинного оставления инородных тел и их судебно-медицинская оценка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. 14.00.15 - "Патологическая анатомия", 14.00.24 - "Судебная медицина". Санкт-Петербург — 1999; 4. Судебно-медицинская экспертиза инородных тел желудочно-кишечного тракта. Монография / Соседко Ю.И. - М.: Юрлитинформ, 2003. - 112 с.; 5. Шмакова В.В., Пургина А.А. Послеоперационные инородные тела в брюшной полости в судебно-медицинской практике. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Взгляд молодых ученых: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) студентов, интернов, ординаторов, аспирантов (24 апреля 2015 г., Пермь) / под ред. К.В. Шевченко, Д.В. Бородулина. – Пермь: Пресстайм, 2015. – с.159-163.

Исламова Э. Р.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук
(Санкт-Петербург)

ПРОКУРОР И РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА: ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В связи с изменениями в УПК РФ, внесенными Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ, произошло перераспределение процессуальных полномочий между прокурором и новым участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения – руководителем следственного органа. Руководитель следственного органа был наделен полномочиями, связанными с процессуальным руководством, ранее принадлежавшими прокурору. При этом прокурор лишен права возбуждать уголовные дела, давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, и многих других полномочий. Такие изменения вызвали проблемы правоприменения и дискуссии ученых о функциях, полномочиях прокурора и руководителя следственного органа, а также их соотношении. Изучению этих вопросов посвящено большое количество научных исследований [1; 2, с. 106; 3, с. 109-123; 4].

Вышеуказанные изменения обусловили «конфликт полномочий» руководителя следственного органа и прокурора [5, с. 12, 19, 21], проблему оптимального разделения труда между должностными лицами государственных органов, выступающих на одной процессуальной стороне и оптимизации процедуры досудебного производства [6, с. 27]. В этой связи В. Ф. Крюков справедливо указывает, что в современных условиях для реализации назначения уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях важное значение имеют правильное уяснение и ответственное, основанное на уголовно-процессуальном законодательстве выстраивание процессуальных отношений надзирающего прокурора и руководителя следственного органа [7].

В целях изучения указанных проблем автором обобщены результаты проведенного в 2015 году исследования мнений 118 прокурорских работников, занимающих должности прокуроров, а также их заместителей и помощников, осуществляющих свою деятельность в сфере уголовного судопроизводства.

В юридической литературе высказано спорное суждение о том, что «… в настоящее время отпала необходимость двойного контроля работы следователя и соответственно содержания целого аппарата работников, которые осуществляют только надзор за результатами работы следователя…» [8, с. 20-22], тем самым вновь поставлена под сомнение необходимость сохранения надзорных полномочий прокурора в уголовном процессе.

Современное уголовно-процессуальное законодательство сохранило за прокурором надзорные полномочия. Однако в настоящее время возможности прокурора по реализации функции прокурорского надзора в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования ограничены, в связи с чем 78 % опрошенных прокурорских работников полагают, процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела недостаточны для осуществления эффективного прокурорского надзора.

Прокурор не наделен полномочием по отмене любых незаконных и необоснованных постановлений следователя без использования громоздких процедур направления прошений об их отмене руководителю следственного органа. Исключением являются лишь постановления о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела. Согласно ч. 4 ст. 39 УПК РФ, установив факт принятия следователем незаконного и необоснованного постановления либо иного нарушения федерального законодательства, допущенного в ходе досудебного производства, прокурор должен направить руководителю следственного органа соответствующее требование, которое рассматривается в срок не позднее 5 суток. При этом в уголовно-процессуальном законе отсутствует положение об обязательности исполнения требования прокурора, в связи с чем руководитель следственного органа может вынести мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора. В такой ситуации прокурор должен использовать предоставленное ему полномочие по «обжалованию» принятого процессуального решения, предусмотренное ч. 6 ст. 37 УПК РФ, что не способствует оперативному устранению процессуальных нарушений и своевременному восстановлению прав граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Отдельными авторами в качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается закрепление возможности обращения прокурора в суд в случае отклонения его требований об устранении нарушений закона руководителем следственного органа [3, с. 122-123]. Однако введение такого порядка лишь закрепит статус прокурора как просителя, заявителя, «жалобщика» [9, с. 52]. В этой связи следует согласиться с учеными, предлагающими предусмотреть в законе процедуру неукоснительного исполнения требований прокурора и возможность обжалования следователем с согласия руководителя следственного органа таких требований вышестоящему прокурору [10, с. 54]. Мнение о том, что требования прокурора должны быть обязательными для исполнения и при несогласии с требованиями прокурора следователь и руководитель следственного органа вправе обжаловать их вышестоящему прокурору либо в суд, при этом такое обжалование не должно приостанавливать требование прокурора, поддерживают 93,4 % опрошенных респондентов.

Исходя из буквального толкования положений п. 3 ч. 2 и ч. 6 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен потребовать устранения нарушений федерального законодательства, допущенных только в ходе дознания или предварительного следствия, тогда как на основании ч. 4 ст. 39 УПК РФ прокурор уполномочен на внесение требований об устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, т.е. и в стадии возбуждения уголовного дела. Представляется, что все полномочия прокурора, в том числе по требованию от органов предварительного расследования устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в стадии возбуждения уголовного дела, должны быть четко закреплены в ст. 37 УПК РФ, посвященной именно этому участнику уголовного судопроизводства, с

таким мнением согласилось 96,3 % опрошенных прокурорских работников.

В настоящее время в соответствии с ч. 2.1. ст. 37 УПК РФ прокурору по его мотивированному письменному запросу предоставляется возможность ознакомиться лишь с материалами находящегося в производстве уголовного дела, в связи с чем 89,5% опрошенных прокурорских работников высказали мнение о необходимости закрепления в УПК РФ обязанности органа дознания, дознавателя, руководителя следственного органа, следователя незамедлительного представления прокурору по его требованию не только уголовного дела, но материалов проверки сообщения о преступлении.

Кроме того, несмотря на многочисленные предложения ученых и практических работников вернуть прокурору право возбуждать уголовные дела [9, с. 12-15; 12, с. 50-58; 13, с. 102] у прокурора такое эффективное полномочие по устранению выявленных нарушений уголовного законодательства отсутствует. В связи с этим 90,7 % респондентов полагают, что необходимо вернуть прокурору полномочие по возбуждению уголовных дел, 5% считают, что имеется необходимость наделения прокурора таким полномочием только по результатам проверок прокурором законности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и 4,3 % опрошенных считают, что необходимость в таком полномочии отсутствует. Представляется, что прокурор должен иметь право возбуждать уголовные как в целях устранения нарушений, выявленных в ходе проверок исполнения закона при вынесении решений об отказе в возбуждении уголовных дел, так и при выявлении оснований для возбуждения уголовных дел по результатам так называемых «общенадзорных» проверок.

Функции руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном законе не указаны, что вызывает многообразие мнений ученых. Так, например, Т. Ю. Попова указывает, что его основной функцией является функция процессуального руководства, дополнительной – процессуальный контроль. К факультативным функциям автор относит направления деятельности, являющиеся эпизодическими и не влияющими на объем реализации его задач: надзорная функция, функция уголовного преследования и функция организации работы следственного подразделения [14, с. 8]. При этом не учитывается, что согласно положениям УПК РФ надзорную функцию осуществляет лишь прокурор. В. А. Шабунин полагает, что деятельность руководителя следственного органа носит бифункциональный характер, так как он осуществляет две взаимосвязанные, взаимообусловленные функции – расследования обстоятельств совершенного преступления и руководства таким расследованием (ведомственного процессуального контроля) [3, с. 12]. Н. А. Моругина выделяет следующие функции: основную – процессуального руководства деятельностью следователя (координация деятельности следователя, направление расследования) и дополнительные: контроля за процессуальной деятельностью следователя и уголовного преследования; обвинения, которая как основополагающая функция руководителя следственного органа, не выражает сущность процессуального положения руководителя следственного органа, а является отдельным направлением его деятельности, наряду с иными, не менее существенными функциями [2, с. 8].

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод об осуществлении руководителем следственного органа функции уголовного преследования и ведомственного процессуального контроля.

В настоящее время продолжает оставаться актуальной проблема обеспечения такого положения, при котором субъекты контроля и надзора не подменяли бы, а дополняли друг друга [15, с. 20].

Прокурор исходя из интереса обеспечения законности и обоснованности осуществления уголовного преследования, а также защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства выступает от имени государства гарантом исполнения федерального уголовно-процессуального законодательства на досудебных стадиях уголовного процесса, а руководитель следственного органа является организатором процессуальной деятельности по расследованию преступлений органами предварительного следствия [7].

С учетом этого, представляется необходимым в процессуальной деятельности прокурора и руководителя следственного органа обеспечить совместную реализацию ими положений ст. 6 УПК РФ, устанавливающей назначение уголовного судопроизводства (защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод), а не противопоставление и конкуренцию указанных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Литература: 1. Крюков В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании: досудебное и судебное производство: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2012. – 584 с.; 2. Моругина Н.А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 221 с.; 3. Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 221 с.; 4. Иванова Е.В. Руководитель следственного органа как субъект уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. 28 с.; 5. Минаева С.А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 26 с.; 6. Маслов И.В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль в уголовном процессе России: функции, анализ системных связей // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 27-32; 7. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М.: Норма, 2010. [Электронный документ] // Режим доступа: СПС «Консультант»; 8. Багмет А.М. Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2014. –№ 5. – С. 20 – 22; 9. Быков В.М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2013. – № 4. – С. 49-53; 10. Смирнов Г.К. Проблемы совершенствования института участия прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. – 2008. – № 11; 11. Абдул-Кадыров Ш.М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2012. – №9. – С. 12-15; 12. Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 50-58; 13. Соловьев А., Токарева М. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2011. – № 4; 14. Попова, Т. Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. … канди. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 30 с.; 15. Бурцев, С. Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. Н. Бурцев. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2006. – 244 с.

Йуржичек Л.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

Войтеховска О.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

Рожняк П.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

Корецки З.

Отделение по вопросам администрации
Университет обороны
(Брно, Чешская Республика)

РАНЕВОЕ БАЛЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОСВЕННЫХ ПЕРЕЛОМОВ БЕДРЕННОЙ КОСТИ ПРИ ПОПАДАНИИ МАЛОКАЛИБЕРНОГО СНАРЯДА В НИЖНЮЮ КОНЕЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Иностранные эксперты баллистики травм (Sellier, Kneubühl, 2001) описывают относительно многочисленные случаи повреждения костных тканей эффектом избыточного давления на переднем крае ударной волны, вызванной проникновением МКС в мягкие ткани вблизи кости (Брепта, Прокопец, 1972). По своему содержанию статья продолжает предыдущие результаты раневого баллистического исследования авторов в непосредственном воздействии поля МКС на костные ткани с возникновением огнестрельных переломов.В сотрудничестве с компанией Prototypa-ZM, ООО Брно был подготовлен и проведён баллистический эксперимент, сосредоточенный на моделировании некомпликованного (неосложненного) огнестрельного ранения бедра человека МКС, когда пуля проникает только мягкими тканями бедра вблизи бедренной кости и не поражает кость напрямую. Эксперимент проводился с помощью косвенной идентификации на физической модели и обозначал последующее приближение баллистического моделирования к прострелу реальной биологической системы человека.

1. Эластичные качества, качества на прочность и разрушительность компактных тканей бедренной кости свиньи

Для производства физической модели части бедра как замены бедренной кости были использованы diafizy femuru компенсационные бедренные кости взрослых свинок (Выкоуржил et al, 2000). Измерение механических свойств костной ткани проводили на плоских образцах прессовок методом трехточечного стресс-теста1 (Йуржичек, 2003). Первоначальные размеры плоских образцов показаны в таблице 1. Форма образцов с наклеенными тензодатчиками и их крепление с опорной шириной L = 40 мм, универсальный пресс FP 10/1 HECKERT показано на рис. 1.

Таблица 1. Первоначальные размеры плоских образцов компактной кости femuru свиньи (от трёх доноров-животных).

Номер образца	b_0	h_0	L_0	S_0
	[mm]	[mm]	[mm]	[mm^2]
Образец номер 1	7,46	1,80	55,0	13,43
Образец номер 2	7,53	1,82	55,0	13,71
Образец номер 3	7,46	1,50	55,0	11,19

Примечание: b0 – ширина, h0 – толщина, L0 – длина, S0 – сечение образца.

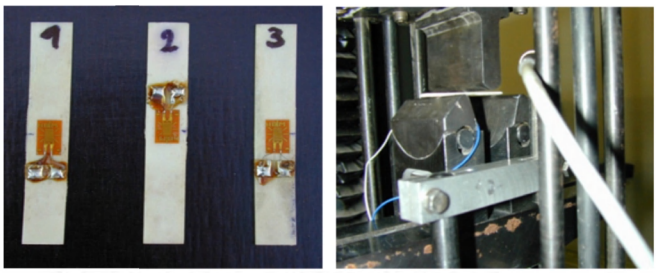


Рисунок 1. Вид плоских образцов костей с наклеенными тензодатчиками (слева) и установка образца в универсальном прессе (справа). Источник: архив авторов.

После измерения и дальнейшего вычисления были получены значения прочностных характеристик загруженных компактов: E [GPa] – модуль упругости при растяжении, Rp0,2 [GPa] –условный предел текучестии Rm [MPa]-предел прочности (стрессовый перелом). Трехточечному стресс-тесту не был подвергнут образец 2, который был в рамках подготовки к измерению поврежден. Образцы костной ткани были подвергнуты загрузке с одинаковой скоростью vZ = 6.10-4.s-1. Осциллограмм кривых зависимости растягивающего НАПРЯЖЕНИЯ – ПРОГИБ приведены на рис 2. Форма и наклон кривой соответствуют примерному (типичному) поведению эластичного материала со слабым пределом текучести и хрупкого разрушения на своем конце (Йуржичек, 2003).Модули упругости при растяжении E1 (E2) [GPa] отдельных опытных образцов кости были определены аналитически, как из разницы величин прогиба Δy [mm], а в рамках контроля из разницы величин относительного удлинения $\Delta\varepsilon$ [$\mu m \cdot m^{-1}$], полученных измерением тензодатчиком. Расчет модуля упругости проводили в соответствии со следующими соотношениями:

$$E_1 = \frac{\Delta F \cdot l^3}{\Delta y \cdot 4 \cdot b_0 \cdot h_0^2} \cdot 10^3, \quad \text{[GPa]},$$

$$E_2 = \frac{\Delta F \cdot 6 \cdot l}{\Delta \varepsilon \cdot 4 \cdot b_0 \cdot h_0^2} \cdot 10^{-3}, \quad \text{[GPa]}$$

(1) где - b0, h0 начальные размеры поперечного сечения образцов костной ткани (таблица 1) и l - расстояние между опорами.

[1] Методика дана принятой европейской нормой ČSN EN 10002, обычно используется для проверки стали или других однородных конструкторских материалов. Их использование для проверки прочности ортотропных материалов, куда костные ткани, как правило, принадлежат, не является стандартным. Определение механических характеристик компактной femuru свиньи не могло быть осуществлено с использованием акустической микроскопии и нанотвердости, потому что такое измерительное оборудование на нашем специализированном рабочем месте не доступно.

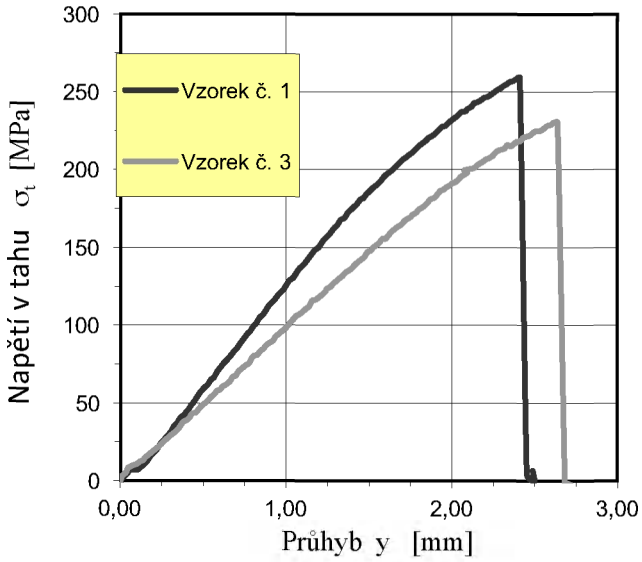


Рисунок 2. Схема кривых растяжения плоских образцов компактной бедренной костной ткани femuru свиньи, зависимость «Напряжение растягивания» - «Прогиб (отклонения)». Источник: архив авторов.

Данные о расчетных модулях упругости на растяжение E1 а E2, условный предел текучести Rp0,2 и предел прочности на разрыв Rm компактной костной ткани (corticalis) femuru показаны в таблице 2.

Таблица 2. Величина модуля упругости на растяжение E1 (E2), условный предел текучести Rp0,2 и предел прочности на разрыв Rm компактной костной ткани (corticalis) femuru свиньи

Образец кости	ΔF	Δy	E1	ΔF	$\Delta \varepsilon$	E2	Rp0,2
	[N]	[mm]	[GPa]	[N]	[μm.m-1]	[GPa]	[MPa]
Номер 1	34,4	0,543	24,5	34,4	3 486	23,3	244
Номер 2	-	-	-	-	-	-	-
Номер 3	28,7	1,022	18,6	28,7	5 512	17,96	217

Примечания:

1. Условный (договорённый) предел текучести Rp0,2 был определен графически с использованием диаграммы - σ_t -y (рис. 2).

2. Предел прочности Rm своими размерами соответствует экспериментально полученным стрессовым переломам компактный бедренной кости femuru свиньи и почти в два раза превышает прочность бедренной кости *femuru* человека (Йуржичек, 2003). Повышенная прочность компакты *femuru* свиньи была связана с кажущейся более высокой плотностью взятых образцов костей.

3. Величины прочностных характеристик образца 2 нет к диспозиции, так как образец треснул во время обработки ещё до начала собственного стресс-теста.

2. Расположение физической модели и использованной измерительной цепи

Физическая модель бедра была сформирована блоком в форме куба длиной ребра 15 см, изготовленном из 20 % желатина, представляющий мышечную ткань и биологическую замену кости (diafýza femuru prasete) закаленными до 10° C (Fackler, Малиновский, 1988). Другая модификация физической модели состояла в применении тензодатчиков сопротивления 3/350 LY 11 / HBM с константой K = 2,01 и их приклеиванием клеем Z 70 на сегментах diafýza femuru (рис. 3 - слева). Тензодатчики были защищены лаком PU 120 и покрытием из аллюминиевой фольги ABM 75 / HBM. (Рис. 3 - справа). Желатиновые блоки обозначенные C1, C2 а C3 были помещены в жесткой раме, которая имитировала биомеханические связи бедренной кости в местах коленного и тазобедренного суставов.

Рисунок 3. Подготовленные образцы костей непосредственно перед заливкой в баллистическом желатине. Слева - сегменты diafýz с наклеенными тензодатчиками сопротивления, справа – вид на два заменителя кости с тензодарчиками прикрытыми из аллюминиевой фольги ABM 75 / HBM. Источник: архив авторов.

Цепь измерения была оснащена универсальной измерительной системой MC 32, BMC (fv = 167 kHz/90 kHz) с подвижными усилителями MC-MV UNI, BMC (R=2 mV.V-1 a fg=10 kHz) для измерения отклика (относительная деформация ε) костной ткани в месте тензодатчика сопротивления в зависимости на времени и их хранения в цифровом виде.

3. Цель баллистического эксперимента

Кроме основной цели, заключающейся в проверке работоспособности новой предложенной конструкции физической модели, применительности системы измерения зависимой от времени реакции (отклика) (относительная деформация ε) костной ткани и объяснительной способности эксперимента, были установлены следующие частичные задачи:

- оценить возможность физической модели передавать энергию ударных волн до кости,
- на основании обнаруженной экстремальной деформации определить значения растягивающего напряжения σt, зависящего от времени, в структуре несущей кости,
- сравнением пиков (скачков) напряжения σt [MPa] со средними значениями допустимых напряжений на границе прочности σmD предсказать последствия поранения костной ткани экспериментальной пулей.

4. Баллистическая характеристика эксперимента

Физическая модель бедренной кости с костной заменой тензодатчиками сопротивления были размещены на стрельбище на подставке и надежно закреплены от смещения во время стрельбы. Верхняя пластина рамы с клеммным соединением позволяла подсоединение тензодатчиков к универсальной измерительной системе МС 32/ВМС. Измерение ударной скорости(v2) и взлётной скорости (v6) было обеспечено с помощью интеллигентных смарт-ворот LS 04. Эта скорость может считаться, принимая во внимание позицию модели, как ударной(vd), так и взлётной(vv). Расстояние от дула баллистического оружия до физической модели составляло 4,5 м. На расстоянии 2,5 метра взади был помещен захват (блок хлопка), чтобы захватить выстрелы после их проникновения блоком для оценки возможных изменений формы и массы.

4.1. Малокалиберные боеприпасы, использованные для баллистической симуляции

Для стрельбы были применены три системы различного баллистического оружия калибра 9 мм Luger, 357 Magnum и 5,56x45. Заряды, подвергнутые экспериментальному исследованию, были поставлены фирмой Sellier & Bellot (Влашими, Чехия).

- 9 мм Luger FMJ выстрелом является наиболее известным и самым распространенным пистолетным патроном в мире. Базовая конструкция этого снаряда имеет латунированную пулю со свинцовым сердечником. Начальная скорость пули v0 массой mq=7,5 g определяется производителем около 390 m.s-1.

- Патрон револьвера калибра 357 Magnum с FMJ снарядом, со свинцовым сердечником и корпусом из латуни весом mq= 10,25 g. Начальная скорость v0 определяется производителем около 425 $m.s^{-1}$.

- 5,56x45 с FMJ снарядом. Для нужд баллистического эксперимента был использован военный заряд бельгийской компании F. N. Herstal с улучшенным снарядом SS 109 массой mq=4,0 g . Снаряд был оснащен томпаковой оболочкой и комбинированным стальным и свинцовым сердечником. Начальная скорость снаряда v0 определяется производителем около 945 $m.s^{-1}$.

Расположение стрельбища и измерительной станции показано на рис. 4.

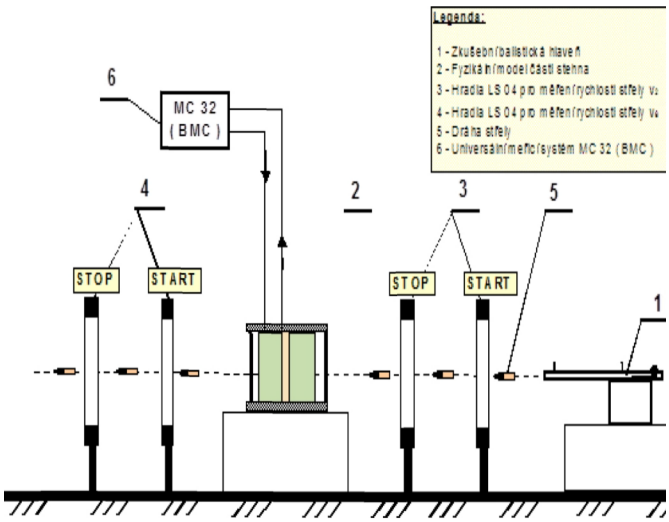


Рисунок 4. Схема измерительной станции (стрельбища). Туннель для стрельбы включая аппаратуру для измерения скорости снарядов был предоставлен фирмой Prototypa a.s. Брно. Источник: архив авторов.

Легенда: 1 - Опытный баллистический ствол; 2 - Физическая модель части бедра; 3 - Ворота LS 04 для измерения скорости снаряда v2; 4 - Ворота LS 04 для измерения скорости снаряда v6; 5 - Траектория снаряда; 6 - Универсальная измерительная система МС 32 (ВМС).

Пули были последовательно выпущены на подготовленные физические модели из опытных баллистических дул. Целевая точка на передней поверхности блока желатина была выбрана таким образом, чтобы пуля могла проникнуть на расстоянии приблизительно 3 см влево (в направлении стрельбы) от костного заменителя так, чтобы образованный стрельный канал, временная полость, (каверна) лежал на стороне, противоположной к стороне расположения тензодатчика сопротивления на поверхности кости.

5. Оценка достигнутых результатов

После окончания каждого простреливания желатинового блока был сделан цифровой снимок, изображающий место выстрела на передней поверхности блока, а измеренные величины, зависящие от времени относительных деформаций ε , были сохранены в памяти универсальной измерительной системы *МС 32, ВМС*, включая величины ударной и взлетной скорости пули. Только после этого был желатиновый блок удален из рамы и передан для последующей макроскопической оценки отклика физической модели на проникновение МКС. При собственной оценке было в центре внимания:

- определение направления и расположение стрельного канала (каверны) в блоке желатина,

- количественная оценка отклика поверхностной структуры костной ткани на распространение ударной волны,

- сравнение величин механических напряжений, вызванных ударной волной с экспериментально установлеными величинами условного предела текучести σp0,2 и предела прочности на разрыв σm компактной костной ткани того же донора ткани.

Для простоты и ясности оценки полученных результатов были для обработки механических напряжений использованы только локальные максимумы зависимых от времени относительных удлинений ε, и при знании экспериментально определенной средней величины модуля упругости при растяжении Estř костной ткани донора, также аналитически полученные величины максимума напряжения при растяжении (давлении), вызванных действием ударной волны (табл. 3).

Таблица 3. Величины максимумов относительных деформаций εmax и напряжений растяжения εtmax в структуре diafýzy femuru свиньи, вызванных действием ударной волны (Estř = 21,55 GPa).

Druh náboje	*Blok*	*Kost*	*Délka kosti*	*Tenzometr* [1)]	E_d	E_v	$E_{PŘ}$		ε_{max} [2)]		ε_{tmax}	τ [3)]
			[mm]	[1]	[J]	[J]	[J]	[%]	[$\mu m \cdot m^{-1}$]	[%]	[MPa]	[ms]
9 mm Luger	C_1	K_3	113	T_1	544	402	142	26,1	1660	0,169	35,8	0,204
				T_2					892	0,095	19,2	0,148
357 Magnum	C_3	K_1	113	T_3	866	735	131	15,1	1840	0,189	40,3	0,343
5,56x45	C_2	K_2	112	T_4	1750	-	-	-	1620	0,157	32,9	0,392

Примечания:

1. На костном сегменте diafýzy (K3) были апликованы два тензодатчика сопротивления: T1- правосторонний тензодатчик и T2 переднезадний тензодатчик (в направлении движения снаряда желатиновым блоком).
2. Величины относительных деформаций ε костных заменителей пересчитанные на общую длину костного образца.
3. Время τ [ms] необходимое для достижения локальных максимумов εmax a εtmax.

Диаграммы зависимых от времени сигналов растягивающего напряжения σt как ответ использованных костных замен на действие ударной волны от проникновения МКС показаны на рисунке 5.

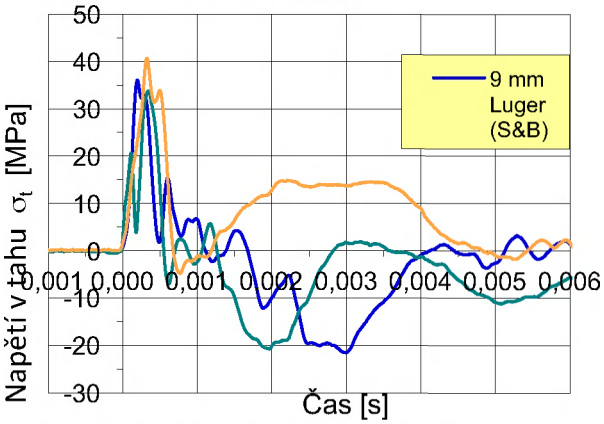


Рисунок 5. Зависящие от времени кривые растягивающих напряжений в структуре кости в результате воздействия ударных волн, вызванных проникающим МКС. Источник: архив авторов.

Отдельные кривые механического напряжения показывают типичное поведение компактной кости под влиянием динамического шока (удара). Кривые характеризуются внезапным появлением локальных максимумов (крутая лобовая часть деформированной волны напряжения), которые достигаются во времени *2,23.10*$^{-4}$ - *3,91.10*$^{-4}$ *s*. За ними следует столь же быстрое падение амплитуды с характерным отрицательным перерегулированием кривой. По истечении общего времени 7 - 12 ms происходит общая нормализация (успокоение) динамической системы и ее возвращение в исходное состояние перед вмешательством.

5.1 . Макроскопические характеристики желатиновых блоков с заменителем кости после попадания МКС

После окончания эксперимента- завершения простреливания и после демонтажа рамы был осмотрен каждый блок и исследовано место и форма встрела-входа снаряда, выстрела, процесса и размеры стрельного канала (временная полость- каверна) с их фотографическим документированием на продольном сечении блока желатина (см. рис.6).Наконец, было визуально оценено состояние костных заменителей для обнаружения каких-либо трещин или других дефектов в поверхностных слоях костной ткани.

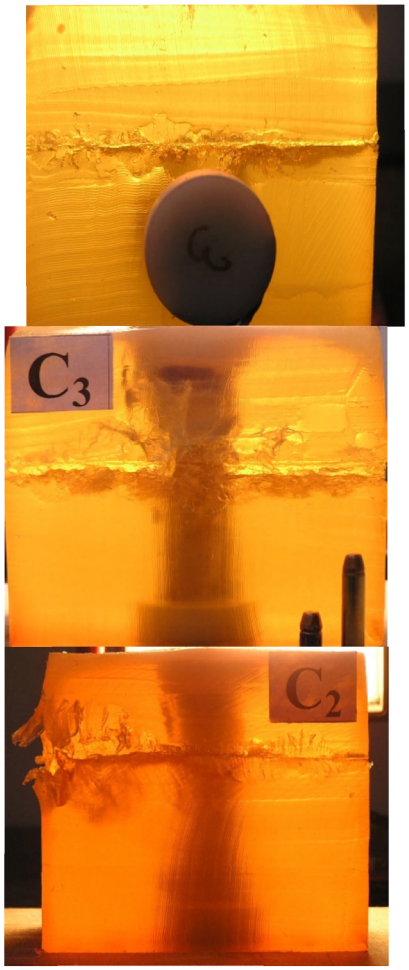


Рисунок 6. Продольные срезы желатиновых блоков в месте стрельного канала от использованного МКС. (Направление стрельбы справа - долева). За плоскостью сечения видны заменители кости, слева: 9 mm Luger (C1 - блок не отмечен), 357 Magnum (C3) и 5,56x45 (C2). Источник: архив авторов.

В то время как стрельные каналы, образованные в желатине снарядами 9 mm Luger (C1) и 357 Magnum (C3) по своим размерам и расположению значительно друг от друга не отличаются, стрельный канал, образованный в блоке C3 снарядом SS 109 винтовочной пулей калибра 5,56x45 имеет определенную специфику, на основе характерного поведения МКС этого баллистического класса. Стрельный канал на двух третьих первой части – прямой (Narrow Channel) со слабой (невыразительной) временной полостью. И только в последней

трети временная полость резко увеличивает свой объем, что приводит к возникновению открытого разряда на задней стороне блока С2.

В обоих случаях при визуальной оценке поверхностных слоев костных заменителей, используемых в физической модели, не наблюдались макроскопические изменения поверхностных структур костной ткани. Наличие трещин или огнестрельного перелома бедра не были объективно обнаружены в любом из этих случаев.

6. **Прогнозирование возможного образования дистанционного перелома femuru человека действием ударной волны**

Относительное удлинение костной ткани, вызванное ударной волны от проникающего МКС обычной баллистичесой характеристики и определённое путем измерения, лежит глубоко в области упругих деформаций. Величины напряжения (σt) в структуре кости, вызванные этими деформациями, достигают максимально 20 % величины условного предела текучести Rp0,2 и менее 16 % от предела прочности Rm компактной костной ткани (Йуржичек, 2003). Это напряжение , с большей вероятностью, не способно вызвать пластическую (постоянную) деформацию кости или ее нарушить.

Поэтому в данных случаях возможно предполагать только простые (несложные) огнестрельные ранения нижних конечностей, тяжесть которых будет зависеть только от количества поврежденного объема мягких тканей и формы стрельного канала в пораженной нижней конечности.

Заключение

Баллистический эксперимент в сочетании с имитацией раневого косвенного воздействия МКС на кость бедра продемонстрировал способность предлагаемой физической модели и использованной системы измерения, провести количественную оценку реакции костного заменителя на распространение ударной волны, вызванной проникновением МКС желатиновым блоком как заменителем мышечной ткани. Повреждение костной ткани или возникновение переломов компактной кости в данном моделируемом уровне динамической нагрузки в этих случаях вряд ли возможно. В будущем, несомненно, было бы интересно экспериментально проверить возможность возникновения отдаленного перелома бедренной кости (femuru) в случае поражения нижней конечности снарядом более высокой энергетической мощности. Поскольку заменители кости, использованные в данном баллистическом эксперименте, своими механическими свойствами соответствовали физиологически здоровой кости, не могли быть получены и оценены величины относительной деформации механического напряжения костных тканей, которые подверглись патологическим изменениям в их структуре.

Литература: 1. Бенеш А. Хирургия (Военные медицинские специальности). Прага, Naše vojsko, 1980; 2. Брепта Р., Прокопец, М. Распространение волн напряжения и отражающие удары в телах. Прага: Academia, 1972; 3. Коупленд, Р. М. The Red Cross wound classification. Geneva: ICRC, 1997; 4. Факлер М. Л., Малиновски Й.А. Ordnance Gelatin for Ballistics Studies. *Am. J. Forens. Med. Pathol. 9,* pp. 218 - 219, 1988; 5. Йуржичек Л. Физические модели биологических систем человека в баллистическом эксперименте для оценки раневого действия малокалиберных снарядов. [Хабилитационная диссертация], Военная академия, Брно, 2003; 6. Кнеубул Б. П., Zwischen Wirksamkeit und Gefährlichkeit (6). *Internationales Waffen Magazin,* vol. 10, pp. 582-583, 2000; 7. Селлиер К., Кнеубул Б.П Кнеубул Б.П., Wundballistik und ihre ballistischen Grundlagen. 2. Völlig überarbeitete und ergänzte Auflage. Springer-Verlag Berlin, 2001; 8. Селлиер К., Кнуплинг Х., Über die Eindringtiefe von Geschossen in Knochen. *Arch. Krim.* pp. 144, 155-160, 1969; 9. Ворел Ф. и др. Судебная медицина. Прага:. Grada Publishing, 600 с., 1999. ISBN 80-7169-728-1; 10. Выкоуржил Л. а коллектив. Военная хирургия. I и II часть. Градец Кралове: VLA им.Я.Э.Пуркыне в Градци Кралове, 216 с., 2000.

Кащенко С.Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНКВИЗИЦИОННОГО (СЛЕДСТВЕННО-РОЗЫСКНОГО) УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Еще во время своего возникновения и становления христианская церковь исходила из того, что для его утверждения и распространения возможно применение насилия к его противникам и к тем христианам, которые высказывают несогласие с некоторыми положениями христианского Символа веры. Он был принят в 325 году на Никейском церковном соборе и устанавливал догматы и обряды христианской религии. Особенно активно за применение к ним насилия выступал такой церковный авторитет как «блаженный Августин». Поэтому в 382 году активный приверженец христианства император Феодосий Великий учредил своим законодательным актом юридический институт инквизиции (от латинского inquisitio – розыскание), который должен был применяться для выявления и наказания противников ортодоксального христианства и его церковной организации. Использование этого института по отношению к ним в Римской империи не было ни планомерным ни массовым и не имело истребительного характера.

Западная христианская (католическая церковь) выработала свое церковное право, называвшееся каноническим, потому что основные его положения были закреплены в постановлениях церковных соборов, которые именовались канонами. Активную роль в его формировании сыграли и нормативные акты римских пап, которые в зависимости от своего назначения и значения назывались конституциями, буллами, бреве и энцикликами (посланиями).

Каноническое право отличалось универсальностью и экстерриториальностью: его нормы являлись действующими во всех католических странах. Они были обязательны как для клириков, так и для мирян. Они своими корнями уходили в римскую правовую культуру, способствовали рецепции в Западной Европе римского права. Каноническое право усвоило некоторые его институты и нормы.

В X-XII в.в. в странах Западной Европы значительное распространение получили различные еретические движения, направленные против ортодоксального католизма и его церковной организации. Их участники требовали очищения церкви от паразитических элементов, упрощения церковных обрядов, ликвидации духовенства как особого привилегированного сословия, ограничения церковных богатств, запрещения торговли индульгенциями. В официальной церкви они усматривали ложь, заблуждения и злоупотребления. Они противопоставляли ей «истинно народную веру».

В начале XIII века еретическое движение альбигойцев охватило всю южную Францию. Папа Иннокентий

III организовал против них крестовый поход, в процессе которого расправа с ними была исключительно жестокой. Но это не искоренило религиозную ересь в Западной Европе. Она стала распространяться и в других ее регионах. Тогда папа решил использовать для борьбы с ней и то, что католическая церковь в средневековых западных странах имела право на свою собственную юрисдикцию, на свой собственный суд.

В 1215 году, по его предложению Латеранский церковный собор принял специальное постановление (канон) о борьбе с еретиками юридическими средствами и об использование при этом церковными судами в качестве основного принципа процессуальные техники инквизиции. Из этого следовало, что церковные суды до принятия решения о наказании должны были путем расследования собрать доказательства, подтверждающие вину обвиняемого перед церковью. Инквизиция (следствие и обвинение) возлагались на особого судью – инквизитора. При этом ему запрещалось для доказательства вины обвиняемого использовать ранее широко применяемые формальные способы доказательства с помощью так называемого «божьего суда» – ордалий (водой , огнем).

Вину обвиняемых следовало доказывать путем сбора в процессе расследования доказательств, имеющих юридическое значение. Среди доказательств, необходимых для принятия судом приговора о наказании еретика, важное место должны были занимать свидетельские показания. Но основное значение при этом придавалось собственному признанию подозреваемого.

Латеранский собор обязал церковь и ее суды постоянно выявлять с помощью инквизиционно-процессуальной техники еретиков, определять степень их вины и меру их наказания и передавать их светским властям для осуществления правосудия.

А светские правители обязывались не только приводить в исполнение приговоры церковных судов еретикам, но и должны были очищать от них свои земли – под страхом, за игнорирование их, отлучения от церкви и объявления их земли свободными для занятия «правоверными католиками».

Тулузский церковный собор, состоявшейся в 1229 году, дополнил постановление Латеранского собора следующим образом: епископы должны в каждом приходе назначить специального священника для выявления еретиков. Кроме того прихожане обязывались каждые 2 года приносить присягу на верность католической церкви и клясться в том, что они будут выявлять еретиков.

В 1233 году папа Григорий VII издал 2 буллы, которыми борьбу с еретиками включил в обязанность монахов доминиканского ордена, что оказалось малоэффективным. Поэтому в 1252 году папа Иннокентий IV издал буллу, которая предусматривала учреждение для борьбы с еретиками специальных инквизиционных трибуналов. Эта булла позволила применения в процессе расследования к подозреваемым для получения от них «истинных показаний» пыток, что церковью ранее осуждалось.

Инквизиторы назначались только папой и были ответственны за свои действия только перед ним. Им предоставлялись в борьбе с ересью неограниченные полномочия. Им также предписывалось при этом быть непримиримыми и жестокими. Папа Климент V в начале XIV в. своей буллой установил, что инквизитор не может быть моложе 40 лет, поскольку лица не достигшие этого возраста могут проявлять при преследовании еретиков ненужное мягкосердечие.

Поскольку инквизиторов нередко обвиняли в том, что их приговоры противоречат гражданскому законодательству, в XIV веке стали назначаться квалификаторы из духовных лиц в качестве помощников инквизиторов. Их обязанностью было составление обвинений и приговоров трибуналов так чтобы они не противоречили гражданскому законодательству.

Инквизиторов также обвиняли в том, что они подделывают показания свидетелей и подозреваемых. В связи с этим папы дополнили систему инквизиции нотариусом и понятыми.

Они должны были своими подписями удостоверять подлинность признаний. Формирование аппарата инквизиционных трибуналов закончилось появлением в их составе прокурора (монаха), врача и палача. Их функциональные обязанности распределялись следующим образом: врач должен был следить за тем, чтоб пытаемый подозреваемый не скончался во время пыток, которые производил палач. Прокурор же выступал в роли обвинителя. В Европе в XIII-XIV в.в., инквизиционный следственный процесс применялся, чтоб добиться от подозреваемых признания в ереси, включал в себя выявление подозреваемых в ереси, их допрос при непризнании ими своей вины, применение к ним пыток.

Поводом для начала инквизиционного расследования являлось обвинение одного человека другим лицом в принадлежности к еретикам или в проявлении сочувствия к ним. Для получения его инквизиторы в церковных приходах с амвонов храмов обращались к прихожанам с призывом, мало чем отличавшимся от приказа, проинформировать в 6-ти дневный срок трибуналы о всех известных им случаях проявления среди известных им людей в различной форме ереси.

За несоблюдение этого прихожан пугали отлучением от церкви и немедленным наказанием, а за сообщение о ней выдавалась награда, в виде индульгенции, то есть письменного свидетельства о том, что все совершенные ими за прошедшие 3 года грехи им прощаются. Доносчиками могли быть лица мужского пола с 14 лет, женского – с 12 лет. Их имена не сообщались тем на кого они доносили. После получения доноса начиналось расследование с вызова на допрос свидетелей (если они имелись), затем собирались другие сведения о подозреваемом. Запросы о нем посылались и в другие инквизиционные трибуналы, затем производился допрос подозреваемого. После этого он клялся, что будет правдиво отвечать на задаваемые ему вопросы, ничего не утаивать и согласится с любым наложенным на него наказанием.

Во время допроса подозреваемому конкретно не сообщали в чем его обвиняют. Ему задавалось много вопросов, целью которых было запутать допрашиваемого и добиться от него признания своей вины.

Для проверки истинности его показаний, если он не признавал своей вины, использовались сведения от подсаженных к нему в камеру провокаторов, а также те, которые он давал под пыткой. Перед ее началом на подозреваемого воздействовали психологически, ему сообщали о том, что его ждет и демонстрировали орудия пыток. Затем пускали их в ход.

Показания, данные подозреваемым во время первой пытки, считались недействительными и не могли учи-

тываться при оформлении обвинения и вынесении приговора. Они приобретали юридическое значение только если через сутки после нее он подтверждал их правдивость. Если он этого не делал, пытки продолжались до тех пор, пока он не признавал после них свою вину в присутствии понятых. А нотариус и понятые своими подписями удостоверяли, что обвиняемый «добровольно» признал свою вину .

Составленный при этом протокол служил основанием для предъявления «сознавшемуся» подозреваемому письменного обвинения, которое составлялось квалификатором на заседании трибунала, где подсудимому определялась мера наказания .

Задача инквизиционного расследования состояла не в том, чтобы дать обвиняемого возможность оправдаться. Обычно инквизиция не оправдывала свои жертвы. В исключительных случаях приговор гласил, что «обвинение не доказано». Из этого следовало, что оно может быть доказано в будущем.

Приговорам были присущи суровость и жестокость. Обычно приговаривали обвиняемых к отлучению от церкви, и поскольку она осуждала пролитие крови «отпускали их на волю», то есть передавали осужденных светским властям, которые их сжигали. Самым жестоким из инквизиторов в Западной Европе во время средневековья был Томасо де Торквемада, по приговору которого в Испании было сожжено более 100 тысяч человек.

Инквизиционный процесс являлся не только орудием защиты от еретиков и вообще свободомыслия ортодоксальной католической религии. Но нередко средством сведения личных счетов, обогащения за счет имущества, принадлежавшего осужденному, борьбы с свободомыслием, «охоты на ведьм»

В XVI веке в Западной Европе развернулась массовая реформация, которая значительно подорвала позицию ортодоксального католицизма и его канонического права. В середине этого века на Тридентском церковном соборе были вынуждены осуществить пересмотр его норм, сузить сферу деятельности церковных судов, отказаться от проведения пыток к подозреваемым во время инквизиционного процесса.

Однако использовавшийся церковными судами инквизиционный способ расследования получил значительное отражение в гражданском и уголовном законодательстве. В 1535 году император «Священной Римской империи германской нации» Карл V утвердил Уголовное и уголовно-процессуальное уложение как общеимперский закон, получивший наименование «Каролины».

В нем устанавливалось, что рассмотрению в гражданских судах уголовных дел, должно предшествовать их обязательное расследование . При этом обвинение должно было предъявляться от имени государства. Следствие не ограничивалось сроками. Дозволялось применение к подозреваемым физического воздействия. Гласность судопроизводства сменялась тайным расследованием уголовного дела. Устанавливалось, что инквизиционный процесс должен состоять из дознания, общего расследования и специального расследования. С XVII века следственно-розыскной уголовный процесс стал распространяться и в других европейских странах в их гражданском законодательстве.

Козявин А. А.

кандидат юридических наук, доцент

Ксёндзык А. П.

Юго-Западный государственный университет (Курск)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА КАК НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Идея внедрения в отечественный уголовный процесс института адвокатского расследования – сложнейшая и плохо принимаемая российским научным сообществом, не говоря уже о законодателе. Наиболее яркие ее сторонники, в частности профессор Е.Г. Мартынчик, искренне верят в потенциал адвокатского сообщества, в его возможности изменить уголовно-процессуальную деятельность так, чтобы конституционные идеи правовой государственности приобрели действительный практический смысл [1]. Они не могут мириться с теми юридическими ограничениями, которые действующий закон налагал (и налагает сегодня) на познавательную деятельность адвоката в уголовном процессе, сдерживая ее инициативу.

При этом осуществление адвокатом своих процессуальных функций есть дело особой нравственной чистоты, в которой нет места корысти, выгоде, тщеславию. Вот почему, предлагая вручить адвокату мощное процессуальное оружие, коим являются полномочия по проведению адвокатского расследования, надлежит уравновесить его совершенными правовыми формами ответственности адвоката за качество своей работы.

Данная идея особенно актуализируется на фоне обостряющихся дискуссий о необходимости и путях реформы досудебного производства по уголовным делам, в том числе возможности введения института следственных судей (концепцию в науке отстаивает профессор А.В. Смирнов [2]), либо объединения всех следственных аппаратов в единый следственный орган (предложения Следственного Комитета России), либо проведения комплексной реформы правоохранительной системы России и деформализации уголовно-процессуального доказывания (разработка Комитета гражданских инициатив, г. Санкт-Петербург, поддержанная и развитая нижегородской школой процессуалистов во главе с профессором А.С. Александровым [3]). Любой из указанных способов реформирования отечественного уголовного процесса, полагаем, оставляет место и для дискуссии о совершенствовании ответственности адвоката, обладающего полномочием осуществлять адвокатское расследование.

Е.Г. Мартынчик определял фундаментом надлежащей квалифицированной юридической помощи, защиты, представительства по уголовным делам и поддержания частного обвинения известную триаду «адвокатское расследование – защитительное заключение (защитительный акт) – тактика профессиональной защиты в уголовном процессе». При этом, адвокатское расследование ему представлялась как урегулированная законом уголовно-процессуальная деятельность на досудебном производстве и осуществляемая путем производства иных процессуальных действий в целях защи-

ты прав, свобод, законных интересов личности потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и др. [4, с. 21].

Адвокат, выступая профессиональным участником уголовного процесса, участвует в доказывании с определенными особенностями. Не отрицая тот факт, что адвокат-защитник является субъектом доказывания, пусть и неполномочным, следует признать, что он не наделен законодателем «обязанностью» использовать все допустимые средства и способы защиты с тем, чтобы выяснить обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность, как это ранее предусматривал УПК РСФСР 1960 г. Вышеуказанный пробел уголовно-процессуального закона восполняется положениями специального закона: адвокат-защитник обязан защищать законные интересы доверителя, в том числе и участвуя в доказывании по уголовному делу (ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»).

Относительно реализации права адвоката на собирание доказательств мы полностью разделяем мнение И.Н. Чеботаревой, что оно реализуемо сегодня лишь опосредовано через соответствующих субъектов уголовного судопроизводства: дознавателя, следователя, прокурора. Более того, не определенными представляются способы собирания доказательств защитником и процессуальные формы данных способов [5, с. 27].

В связи с этим, возникает риск наступления неблагоприятных последствий для подзащитного (подозреваемого, обвиняемого) в виде пассивной защиты. Для защитника проблемными аспектами реализации права, содержащегося в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, являются: зависимость на стадии предварительного расследования от властных участников уголовного судопроизводства, вытекающими в принятии ходатайства только тогда, когда это позволяет укрепить или не разрушить позицию обвинения; отсутствие четкого законодательного регулирования; отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве как обязанности, так и ответственности властных субъектов предоставлять адвокату-защитнику запрашиваемые сведения; недостаточность субъектов, обязанных предоставить запрашиваемые сведения ввиду отсутствия в перечне субъектов категорий «физических лиц» и «коммерческих и некоммерческих организаций различных организационно-правовых форм» [6, с. 12-16].

Следует отметить, что в российском уголовном процессе не обеспечивается юридическое равенство сторон, а значит, не исключается и опасность злоупотреблений (преследование невиновных, сокрытие преступлений). Причина же неравенства состоит в том, что на предварительном расследовании имеет место односторонний процесс формирования судебных доказательств (следователем, дознавателем), тогда как сторона защиты этой возможности практически лишена. Именно введение института следственных судей призвано обеспечить на стадии предварительного расследования равенство возможностей сторон, в том числе по собиранию и проверке доказательств.

Положения теоретической концепции А.В. Смирнова [2] представляются крайне убедительными, так как фактически закрепляют новый порядок досудебного производства, полностью отвечающего принципу состязательности сторон в процессе. Вместе с тем, введение института следственных судей повлечет изменение положений, касающихся процессуальных действий защитника. Так, участвующий в деле защитник, наряду с правами, предоставленными ему ст. 53 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ, будет наделен правом в ходе предварительного следствия ходатайствовать перед следственным судьей: 1) о проведении судейских следственных действий; 2) об истребовании предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, если они не были представлены по его запросу; 3) о допросе привлеченного стороной защиты на договорной основе специалиста или приобщении к материалам уголовного дела его письменного заключения для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию; 4) о назначении судебной экспертизы и предлагать для проведения экспертизы экспертные учреждения или конкретные кандидатуры экспертов; 5) о принудительном приводе для участия в судейском следственном действии ранее опрошенного им лица, обеспечение явки которого защитником затруднительно.

Однако для «корректной» реализации указанных норм необходимо минимизировать правовую небрежность в деятельности адвоката, ибо «адвокат ... должен действовать с наибольшей отдачей собственных сил и способностей и приложить усилия для того, чтобы ... сделать все, что нужно и можно для защиты законных интересов и прав доверителя» [7, с. 309].

Восполнение вышеуказанного пробела законодательства видится в усилении правовой ответственности адвоката. Несмотря на то, что, согласно пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, а также не вправе действовать, в силу подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса, вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, практика выявляет массу нарушений.

Примером может служить производство по жалобе, поступившей в Адвокатскую палату Орловской области. Так, на стадии предварительного следствия адвокат Р. не выполняла своих профессиональных обязанностей, в результате чего Б. был лишен возможности защищаться в полном объеме: она не заявляла ходатайств о производстве следственных действий, о переквалификации деяния, о предоставлении характеристик на подзащитного, подписывала протоколы процессуальных действий, в которых не участвовала. По мнению заявителя жалобы, адвокат Р. самоустранилась от исполнения своих профессиональных обязанностей по защите Б., а напротив, явилась инструментом следствия. Адвокат был привлечен к дисциплинарной ответственности [8].

Являясь новеллой уголовно-процессуального законодательства 2001 г., категория совести утвердилась как важнейший критерий оценки уголовных доказательств, не лишенная, однако, дискуссионных вопросов. Так, критика произвольного применения закона и допущения нарушений порядка уголовного судопроизводства при оценке доказательства по своему внутрен-

нему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, находит отражение в тексте жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации [9]. Более того, в судебной практике ставился и вопрос о противоречии вышеуказанной правовой нормы статье 49 Конституции РФ, поскольку она исключает оценку доказательств на основании закона, в том числе закрепляющего принцип презумпции невиновности [10]. Конституционный Суд России справедливо не согласился с указанной точкой зрения, так как ч. 1 ст. 17 УПК РФ, закрепляя принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, и предписывая руководствоваться при этом законом и совестью, подлежит применению в системной связи с иными законодательными положениями, устанавливающими порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. Более того, при выявлении сомнений в допустимости или достоверности этих доказательств правоприменитель имеет право отвергнуть их в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 49 Конституции РФ.

Вместе с тем, в связи с отсутствием в УПК РФ указания на внутреннее убеждение адвоката необходимо определить в нормах закона об адвокатуре и положениях кодекса этики критерий совестливости деятельности адвоката, что позволит выработать стандарты для отграничения усмотрения от правовой небрежности и произвола. Для этого необходимо внести изменения в пп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и изложить текст в следующей редакции:

«Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и за-конные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, не допуская злоупотребления своими полномочиями. Адвокат обязан должно организовать свой труд, исключать спешку и поверхностность, проявлять активность в производстве по делу, принципиаль-ность и настойчивость в отстаивании избранной позиции, полностью использовать процессуальные возможности, включая право обжалования неблагоприят-ных решений, оказывать доверителю и подзащитному всестороннюю юридическую помощь, разъяснять им правовое значение возникающих вопросов, знако-мить с документами».

Представляется, что предложенный комплекс нормативных изменений в действующее федеральное законодательство способен повысить эффективность механизма реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, создать необходимую основу для развития адвокатского расследования в случае введения института следственных судей в России, а также обеспечить состязательность сторон в уголовном судопроизводстве.

Литература: 1. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 239 с.; 2. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // РАПСИ. 2015. // URL: http://www.iuaj.net/node/1723. Дата обращения: 29.01.2016; 3. Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ // URL: http://polit.ru/media/files/2013/11/11/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf. Дата обращения: 29.01.2016; 4. Мартынчик Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. – 2012. – № 1. – С. 21-29; 5. Чеботарева И.Н. Уголовно-процессуальное значение сведений, собранных адвокатом-защитником в результате опроса лица с его согласия // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 27-30; 6. Иваненченков Ю.В. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2012. – № 4. – С. 12-16; 7. Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 375 с.; 8. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Орловской области за 2011 год. // URL: http://www.advokat57.ru/dpraktica_p_4.html. Дата обращения: 29.01.2016; 9. Определение Конституционного Суда России от 16 июля 2013 г. №1102-О // Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант плюс». Дата обновления: 01.03.2016; 10. Определение Конституционного Суда России от 24 июня 2014 г. №1434-О // Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант плюс». Дата обновления: 01.03.2016.

Комиссарова Я. В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» кандидат юридических наук, доцент (Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дореволюционный и советский этапы развития института использования специальных знаний и судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России в литературе описываются достаточно подробно, в то время как этап реформирования отечественной системы экспертных учреждений, начавшийся в последнее десятилетие XX века и пока весьма далекий от завершения, характеризуется скупо.

Идея монополизации экспертной деятельности за счет создания единой экспертной службы, которую в свое время автор статьи, как и многие ученые, поддерживала, на практике развития не получила. Более того, правоприменители пошли по пути нивелировки статуса государственных и негосударственных экспертных учреждений.

Процесс коммерциализации сферы производства судебных экспертиз был запущен с появлением Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, продукции и услуг (далее – ОКДП)[1], разработанного в рамках «Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики». В подгруппу 7492 «Деятельность по расследованию и обеспечению безопасности частных лиц и имущества» вошли услуги по проведению специальных видов экспертиз (код 7492080), медицинской экспертизе (код 7492081), судебной экспертизе (код 7492082), экспертизе подлинности произведений искусства (код 7492083), патентной экспертизе (код 7492084), правовой экспертизе (код 7492085), услугах по проведению специальных видов экспертиз прочих (код 7492089).

Терминологию ОКДП в этой части, с одной стороны, вряд ли можно признать удачной. Понятие «судебная экспертиза» в первую очередь обозначает процес-

[1] URL: http://www.garant.ru/search/?text =%CE%CA%C4%CF&part =base (дата обращения: 19.09.2014).

суальную форму использования специальных знаний в судопроизводстве, в то время как ОКДП призван отражать подход законодателя к решению вопроса о месте и роли того или иного вида человеческой деятельности в экономической жизни общества и государства. С другой стороны, сам факт придания отдельным видам экспертизы статуса услуги представляется чрезвычайно важным.

Категория «услуги» (ст. 128 ГК РФ) в юридической энциклопедии трактуется как разновидность действий, выражающихся в определенном полезном результате, овеществленном либо не имеющем материально фиксированной формы [1, с. 1136]. Как отмечалось в одном из первых комментариев к ГК РФ, «при оказании услуги «продается» не сам результат, а действие, к нему приведшее» [2, с. 348]. Полезный эффект, к примеру, медицинских услуг в одном случае может иметь в буквальном смысле слова материальное воплощение (протезирование в стоматологии), а в другом может быть непосредственно не овеществлен (терапевтическое лечение).

Производство экспертного исследования оплачивается независимо от того, сможет ли эксперт дать заключение и к какого рода выводам он в итоге придет (категорическим или вероятным, положительным или отрицательным и пр.). Поэтому деятельность эксперта можно и нужно рассматривать как услугу, оказываемую на возмездной основе. Между тем в отечественной процессуальной практике получило широкое распространение привлечение носителей специальных знаний к производству судебных экспертиз на основании договора подряда[1].

В гражданском праве проводится четкое разграничение между возмездным оказанием услуг (ст. 779 ГК РФ) и выполнением подрядных работ (ст. 702 ГК РФ). По договору подряда заказчик оплачивает не работу подрядчика, а ее результат. Результатом деятельности эксперта по производству экспертизы является его заключение, которое в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ признается доказательством по уголовному делу. Получается, что, подписывая с лицом, назначенным экспертом, договор подряда (если отбросить формальности), представители следствия или суда таким образом обеспечивают за счет средств федерального бюджета не осуществление судопроизводства, а «приобретение доказательства» у конкретного субъекта за оговоренную в договоре сумму, что само по себе неэтично, а, учитывая положения ОКДП, незаконно.

Чтобы убедиться в правильности обосновываемой нами позиции, необходимо не только уяснить сущность услуги как гражданско-правовой категории, но и определить, к какому виду услуг может быть отнесена экспертиза, как совокупность действий по проведению исследования и даче заключения, выполняемых по заданию заказчика исполнителем – лицом, обладающим специальными знаниями.

Насколько можно судить по публикациям, кем-либо из цивилистов либо специалистов в области теории судебной экспертизы задача по проведению такого рода междисциплинарного анализа не ставилась. Исключением являются труды А.В. Нестерова. В 2003 г. с опорой на положения ст. 37 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД), где оговаривается право государственных судебно-экспертных учреждений проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях, им были высказаны некоторые плодотворные идеи относительно включения экспертизы в перечень услуг как разновидности услуги консультационной под названием «экспертно-исследовательская услуга» [3, с. 29-41].

Особенности гражданско-правового регулирования и дифференциации схожих между собой информационных и консультационных услуг рассматривались Л.Б. Ситдиковой. В нескольких опубликованных ею монографических работах нашли отражение результаты скрупулезно проведенного анализа положений действующего законодательства и мнений известных ученых (не только правоведов, но и экономистов), касающихся теоретико-правовых аспектов данного вида услуг. Учитывая фундаментальный характер авторских изысканий, выводы, к которым пришла Л. Б. Ситдикова, можно считать опорными точками в характеристике экспертизы именно как консультационной, а не информационной услуги.

Понятие информации (от лат. – разъяснение, изложение) вошло в юридическую литературу в середине 60-х гг. прошлого века. В русском языке в самом общем виде слово «информация» толкуется как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальным устройством [4]. Общенаучная трактовка понятия информации охватывает: обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму [5]. Именно в таком контексте об информации говорится в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», где указано, что под информацией подразумеваются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Понятие «информационная услуга» в законодательстве отсутствует. По мнению Л.Б. Ситдиковой, информационная услуга – это «действия (деятельность) по поиску, сбору, переработке, систематизации, предоставлению и распространению определенного объема информации в соответствии с целями и запросом, определяемым заказчиком» [6, с. 53]. Заказчику предоставляются интересующие его сведения, что называется, в чистом виде.

В основе оказания консультационной услуги лежит иной принцип: получив исходную информацию от заказчика о проблеме, нуждающейся в решении, консультант, используя иную имеющуюся в его распоряжении информацию, в итоге предоставляет заказчику новую, «выработанную» им лично информацию относительно сложившейся ситуации. Консультационные (консалтинговые) услуги Л.Б. Ситдикова характеризует как «действия (деятельность) по предоставлению потреби-

[1] При проведении автором статьи занятий с адвокатами в Российской академии адвокатуры и нотариата, со следователями в Академии Следственного комитета РФ при обсуждении указанного вопроса практические работники всегда высказывали мнение, что со специалистами следует заключать договор подряда.

телям (клиентам) консультаций в форме дачи советов, рекомендаций и экспертиз в различных сферах деятельности» [6, с. 54]. Примечательно, что несколько толкований слова «консультация» в русском языке так или иначе связаны с основным его значением – совет, даваемый специалистом [4].

В данном случае не имеет значения – привлечет заказчик исполнителя непосредственно к урегулированию своих проблем (что характерно, например, для ситуации оказания правовых услуг адвокатами) или же ограничится получением консультации и сам примет решение (что как раз характерно для ситуации использования результатов экспертной деятельности). Главное отличие консультационных услуг от информационных заключается в том, что в результате их оказания исполнитель снабжает заказчика новым – «выводным» знанием. (О специфике заключения эксперта именно с этой точки зрения Ю.К. Орлов писал четверть века назад [7, с. 14-16]).

К сожалению, должного развития обозначенные идеи в соответствии с реалиями сегодняшнего дня в трудах специалистов в области теории и практики судебной экспертизы не получили. Между тем, если вспомнить позицию Л.Е. Владимирова относительно оснований разделения носителей специальных знаний на «справочных свидетелей» и «научных судей» [8, С. 236–239, 299, 455], становится понятно, что разграничение информационных и консультационных услуг в гражданском праве способно сыграть важную роль в правильном понимании особенностей деятельности специалистов и экспертов как участников уголовного процесса.

Сочетание в работе эксперта процессуальных и профессиональных полномочий во многом предопределяет результативность не только судебно-экспертной, но и процессуальной деятельности в целом. Вне процессуальной формы ценность содержательных аспектов деятельности судебного эксперта может быть сведена к нулю, однако и форма не имеет смысла без содержания. Это значит, что любые реформы, затрагивающие сущность экспертной деятельности, в том числе организационные, на первый взгляд непосредственно не связанные со сферой судопроизводства, на самом деле могут и, как показывает опыт последних лет, оказывают большое влияние на весь процесс использования специальных знаний в интересах правосудия.

Если вспомнить слова выдающегося советского психолога А.Н. Леонтьева о том, что именно предмет потребности, на который направлена деятельность, предопределяет ее обособление, становится очевидным, что значимость существования правоохранительной деятельности в целом и уголовно-процессуальной, в частности, лежит вне сферы субъективных интересов кого-либо из участников процесса. С точки зрения необходимости обеспечения интересов государства и гражданского общества в конце XIX – начале XX в. появления процессуальной фигуры эксперта как таковой было вполне достаточно для удовлетворения потребности судопроизводства в использовании специальных знаний при расследовании преступлений и осуществлении правосудия по уголовным делам.

Необходимость противодействия преступности на рубеже тысячелетий, учитывая темпы научно-технического прогресса, требует иного подхода к урегулированию вопроса о статусе эксперта в уголовном процессе. Результаты предпринятого нами монографического исследования [9] свидетельствуют о том, что эксперт может и должен быть причислен к профессиональным участникам судопроизводства.

На наш взгляд, решение этой задачи должно быть увязано: во-первых, с разработкой комплекса мер, направленных на поддержание психологической готовности эксперта к выполнению своих обязанностей (в том числе процессуальных) на высоком профессиональном уровне; во-вторых, с корректировкой правового положения носителей специальных знаний как субъектов судопроизводства.

Повышение качества предоставляемых экспертами консультационных услуг является залогом эффективного использования специальных знаний в доказывании, что обуславливает необходимость совершенствования профессиональной подготовки экспертов (в том числе в системе высшего профессионального образования), а также целесообразность: а) лицензирования судебно-экспертной деятельности юридических лиц; б) аккредитации экспертных учреждений; в) межведомственной аттестации и переаттестации экспертов при условии успешного прохождения квалификационных испытаний; г) принятия аттестованными лицами присяги; д) ведения Минюстом России реестра экспертов.

Учитывая многоплановость и сложность решения проблем профессионального становления эксперта как субъекта судебно-экспертной деятельности, они должны стать предметом самостоятельного комплексного психолого-правового анализа. Прежде всего, внимание следовало бы сосредоточить на специфике формирования личности эксперта в системах образования и занятости, хотя в широкой трактовке становление человека – гражданина и профессионала – процесс длиною в жизнь.

Литература: 1. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части 2 (постатейный) / отв. ред. О. Н. Садиков. М.: Контракт; НОРМА-ИНФРА-М, 1996. 3. Нестеров А. В. Экспертное дело. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2003. 4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 5. Новая иллюстрированная энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 6. Ситдикова Л. Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М.: Издательская группа «Юрист», 2008. 7. Орлов Ю. К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы): автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1985. С. 14–16. 8. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 9. Комиссарова Я. В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014.

Крайник В.

Колледж регионального развития в Праге
кандидат технических наук, профессор
(г. Прага, Чешская Республика)

Крайникова М.

Академия Полицейского корпуса в Братиславе
доктор права, доктор философии
(г. Братислава, Словакия)

БИОМЕТРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

С развитием информатики у нас появилось ощущение того, что методов криминалистики не хватит для работы с проблематикой, определенной информатикой. Мы стали ставить под сомнение определение следов в криминалистике и методов криминалистики. Таким образом, складывалось впечатление, что данная область науки не будет «удобоваримой» для криминалистики.

На данный момент еще не даны ответы на все вопросы о взаимосвязи криминалистики и информатики. Напротив, возникают новые «проблемы», которые определенным образом повышают интерес к следам в криминалистике и, в особенности, к индивидуализации объектов: чаще всего людей.

Можно констатировать, что, за исключением уголовного процесса, криминалистике никогда не уделялось такое внимание со стороны общественных учреждений, которое ей уделяется в настоящее время, даже при рассмотрении только с точки зрения возможности коммерческого использования.

Одной из типичных проблемных областей является проблематика биометрии. Эта концепция в последнее время часто используется в различных контекстах. Например, в связи с защитой помещений от вторжения неуполномоченными лицами, с защитой от взлома различных баз данных, регистрацией людей, защитой финансовых счетов, документов в электронной форме и т.д. Однако не всегда в качестве биометрических данных выбирают те особенности, которые на самом деле являются биометрическими. В практике безопасности это приводит к тому, что эти данные могут быть с легкостью фальсифицированы, и впоследствии ими будут злоупотреблять, поскольку судебная экспертиза не сможет изучить эти особенности.

В последнее время и в Словацкой Республике стали более широко использовать познания криминалистики в области идентификации людей для различных целей: в основном, для защиты объектов всех видов. Всем известны системы по защите персональных компьютеров от неправомерного использования данных на основе голоса и отпечатков папиллярных линий одного пальца, защита, открытие и закрытие дверей и жалюзи, а также безопасность различных документов. Совсем недавно обсуждаемой темой стала и электронная форма документа, проблема обеспечения безопасной конверсии бумажных документов в электронные, и, в особенности, возможность использования собственноручной подписи, сделанной с помощью сенсорного планшета и специальной ручки, которую стали использовать в своей практике некоторые банки, операторы мобильной связи и другие. Этот вид подписи наиболее популярен по сравнению с гарантированной электронной подписью как более дешевый, более доступный и даже более безопасный. (1)

Термин «биометрические данные» каким-то образом «ненавязчиво» автоматически подчинил себе термин «следы в криминалистике» и часто используется вместо него. Он основан на том факте, что эти данные получают раз и навсегда, и что в их индивидуальности нет сомнений в связи с тем, что они используется криминалистикой для целей индивидуализации. Однако не все так просто и понятно. Особенностью человека, который создает следы в криминалистике, могут в то же время являться его биометрические данные. Тем не менее, не каждая особенность человека, которая может быть следом в криминалистике, является в то же время и биометрическими данными.

Если мы ограничим понятие «биометрия» живым человеком, то необходимо подчеркнуть, что биометрическими данными являются данные, которые могут со всей ответственностью использоваться для индивидуализации человека. Однако (если следовать научному принципу) это особенности, утверждённые и признанные криминалистикой: части тела, которые создают следы в криминалистике или непосредственно являются ими. Безусловно, к ним не относится подпись, голос или запах человека. Это следы функциональных и динамических характеристик, судебно-медицинская экспертиза которых в корне отличается от изучения следов внешних признаков. Основное отличие заключается в том, что при экспертизе таких следов необходимо оценить и объяснить естественные различия и неточности, а, следовательно, речь идет о «сравнении Возложением многого на себя с описанием особенностей и оценкой» (2), не о сравнении Перекрытием изображения. И, наоборот, если эти следы являются аналогичными или даже перекрывающими, то это не приводит к идентификации человека. Подпись, которая на первый взгляд напоминает другую подпись и даже совпадает с ней, необязательно является подписью одного и того же человека. Оценку внешних особенностей осуществлять гораздо проще, но она не является настолько простой. В этом случае можно использовать информационно-технологические ресурсы, которые ни в коем случае «не могут» оценить индивидуальность, что не означает, что они не смогут оказать помощь для упрощения и облегчения данной экспертизы, но не заменят ее.

Открытым остается вопрос о том, чем, собственно, являются индивидуальные биометрические данные, будь то форма сетчатки, форма сосудов на руках или ногах, поверхность ногтей на руках и ногах.... Это вопросы, которые криминалистика до сих пор не оценила, как следы в криминалистике, в том числе ввиду того, что они не являются особенностями, которые часто формируют следы в криминалистике. Если они являются относительно стабильными, индивидуальными и неизменными, то по своим характеристикам они могли бы быть биометрическими данными, например, форма папиллярных линий, форма и размеры ушей и т.п.

Однако следы функциональных и динамических характеристик не являются биометрическими данными. Таким образом, почерк, подпись, голос, походка, запах человека не являются биометрическими данными!

В контексте вышеуказанного возникает вопрос о том, относится ли подпись человека к биометрическим данным?

Подпись является результатом письма человека (био) и имеет измеримые (метрические) особенности. Среди метрических особенностей подписи можно вы-

делить следующие: наклон букв, переходов между буквами, общий размер подписи, соотношение высоты и ширины букв, форм букв. То есть это те особенности, которые являются измеримыми. Исследование измеримых особенностей подписи является недостаточным для криминалистической идентификации ее автора, поскольку эти особенности могут проявляться одинаково даже у двух разных авторов одновременно, а с другой стороны, могут различаться в подписях, сделанных одним и тем же автором.

При судебно-медицинской идентификации автора подписи существенное значение имеют морфологические особенности подписи. Из неразборчивой подписи (заученной подписи или значительно укороченной заученной подписи, т.н. парафа) невозможно понять звучание имени, фамилии человека. По этой причине никакая подпись как изолированное письмо не может представлять собой персональные данные, и, с учетом вышесказанного, вполне логично, что она не может относиться ни к каким биометрическим данным.

Основной нерешенной проблемой в области использования биометрических данных является тот факт, что остаются методы нахождения определенных характеристик, в частности, характеристик человеческого тела. Эти характеристики еще недостаточно изучены. В противном случае мы бы не могли в процессе индивидуализации полагаться на форму разреза глаз, форму век, высоту человека, черты лица ....

Криминалистика является наукой не по той причине, что она указывает на разные типы характеристик объектов, а по той причине, что она имеет и создает методы изучения этих объектов и их характеристик таким образом, чтобы была возможность их индивидуализации.

Решающей характеристикой науки являются методы (науки), а не характеристики объектов. Существует множество характеристик, которые криминалистика отказывается рассматривать для целей индивидуализации людей только потому, что они недостаточно изучены с научной точки зрения: хейлоскопия, пороскопия, форма ногтей, язык тела, мимика лица и всего тела... которые в то же время оправданы с научной точки зрения.

Литература: 1. Krajníková, M., Zelenková, M., Jabconová, A., Dugovičová, T.: Porovnanie vlastnosti biometrického podpisu klasického a digitalného, Konferencia informačná bezpečnosť 2014, firma Esset Slovensko, Bratislava 2014; 2. Krajník, V. a kol.: Kriminalistika, Bratislava 2005, Akadémia Policajného zboru v Bratislave, ISBN 80-8054-356-9, str. 38

Лифанова Л. Г.

Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
(Ставрополь)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Самостоятельность стадии возбуждения уголовного дела впервые стал обосновывать выдающийся отечественный процессуалист М.С. Строгович. Высказав об этом идею в 1934 году, он продолжал развивать ее, выделяя признаки данной стадии, подчеркивая ее значение и определяя сущность. Не все юристы разделяли данные взгляды М.С. Строговича, однако сторонников его позиции со временем становилось большинство [1; 2; 6].

Сегодня целесообразность существования стадии возбуждения уголовного дела в науке уголовного процесса вновь вызывает споры. Приверженцы отмены данной стадии апеллируют к историческому опыту, указывая на ее отсутствие в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 г.г., а также к зарубежному процессу, который не предусматривает процедуру возбуждения уголовного дела [3]. Кроме этого, среди аргументов противников стадии возбуждения уголовного дела, встречается мнение о том, что доследственная проверка сообщений о преступлении должна осуществляться в рамках административного законодательства как полицейское дознание по проверке сообщений о противоправных действиях, выявлению преступлений и установлению повода и оснований для начала процессуального производства по уголовного делу. Обозначенная позиция была озвучена Ю. Деришевым в 2003 году. [4, с. 36] А в 2013 году похожее мнение высказали авторы «Дорожной карты реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» [5, с.4], которые предлагают следователю, дознавателю, органу дознания начать производство по делу сразу же по поступившему заявлению или сообщению о преступлении.

Изучение юридической литературы, посвященной проблемам возбуждения уголовного дела, свидетельствует о серьезности и определенной состоятельности умозаключений противников рассматриваемой стадии.

Однако законодатель не отказывается от данного правового института, а, напротив, последовательно совершенствует отдельные его нормы.

Так, реагируя на многолетнюю критику о необходимости увеличения количества следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, законодатель Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» регламентировал, что в ходе проверки сообщения о преступлении возможно получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК, назначение и производство судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, производство освидетельствования, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, дача органу дознания поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Данный шаг законодателя безусловно направлен на демократизацию института возбуждения уголовного дела, однако корректной и понятной формулировку внесенных изменений назвать нельзя.

В частности, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе до возбуждения уголовного получать объяснения. Но какова юридическая сила сведений, полученных данными объяснениями, могут ли они считаться доказательствами, законодатель не разъяснил. Если исходить из логики, что для дознания в сокращенной форме не требует-

ся допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения (за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем), значит объяснение – это доказательство. Однако, если законодатель сделал акцент, что такое правило распространяется только на сокращенное дознание, значит для других форм предварительного расследования объяснение – не доказательство. Такой дифференцированный подход нельзя назвать удачным. Кроме того, возникают еще вопросы. Возможно ли наступление уголовной ответственности для лица, изложившего заведомо ложные сведения в объяснении? Обращаясь к диспозиции ст.307 УК РФ, с уверенностью можно заявить, что невозможно, так как лицо, давшее объяснение до возбуждения уголовного дела, не наделяется процессуальным статусом свидетеля или потерпевшего, на которых, в числе прочих, данная норма распространяет свое действие.

Нет объяснения и в перечне доказательств, предусмотренных ст.74 УПК РФ. Вряд ли можно его отнести к иным документам (п.6 ч.2 ст.74 УПК), так как предполагаемое доказательственное значение имеют сведения, изложенные в объяснении (по аналогии с показаниями), а не бланк, в котором они зафиксированы.

Вывод о виновности лица, как известно, всегда должен основываться на доказательствах, собранных по уголовному делу. Итоговый документ для дознания в сокращенной форме – обвинительное постановление – в соответствии со ст.226.7 УПК должен отражать объем таких доказательств. Корректно ли и юридически грамотно ссылаться на объяснение как на доказательство? Нам представляется, что нет.

Помимо сказанного следует отметить, что процессуальный порядок получения объяснения в законе не определен. Необходимо ли при получении объяснения руководствоваться порядком получения показаний, неизвестно. Согласно ч.1 ст.75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Можно ли считать сведения, изложенные в объяснении, допустимыми, если порядок их получения не регламентирован. Ответ, как нам представляется, очевидным.

А если провести более детальный анализ юридической сущности и содержания сведений, изложенных в объяснении, то вывод будет более категоричный: доказательственного значения они иметь не могут.

Похожие рассуждения вызывает отсутствие (для сокращенной формы дознания) потребности назначения судебной экспертизы по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (за исключением случаев, прямо указанных в п.3 ч.3 ст.226.5 УПК).

Заключение специалиста, в отличие от объяснения, является доказательством (п.3.1. ч.2 ст.74 УПК), поэтому ссылка на него в обвинительном постановлении представляется вполне допустимой. Но смущает неодинаковый подход законодателя к оценке заключения специалиста, полученного до возбуждения уголовного дела, для разных форм предварительного расследования. Как известно, по отдельным категориям преступлений (например, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ) заключение специалиста необходимо для решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Однако такое заключение доказательственной силы не имеет, по уголовному делу в обязательном порядке назначается экспертиза, при чем иногда на разрешение которой ставятся те же вопросы, что и ранее специалисту. Представляется необходимым свести к единообразной оценке доказательственного значения заключения специалиста независимо от того, производится ли по делу дознание в общем порядке, в сокращенной форме или же осуществляется предварительное следствие.

Расширение полномочий лица, осуществляющего доследственную проверку, помимо прочего, добавилось правом истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК. Нормы уголовно-процессуального законодательства допускают изъятие предметов и документов в процессе производства следственных (осмотр, освидетельствование, обыск, в том числе личный, выемка) и процессуальных (наложение ареста на имущество) действий. Производство осмотра и освидетельствования до возбуждения уголовного дела регламентировано, поэтому вопросов, связанных с порядком изъятия предметов и документов при их производстве, не возникает. Вопрос возникает об изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела не в процессе данных следственных действий. Какой порядок имеет ввиду законодатель? Порядок обыска или выемки? Но производство данных следственных действий возможно только в ходе предварительного расследования. Как процессуально оформлять факт такого изъятия, какой процессуальный документ составлять? Возможно ли признавать впоследствии изъятые до возбуждения уголовного дела предметы вещественными доказательствами, если они получены не в процессе следственного действия?

Нам представляется, что использование в УПК формулировок, исключающих единообразное понимание и уяснение смысла закона не просто нецелесообразно, но и вредно, так как в конечном счете препятствует реализации задач уголовного судопроизводства, нацеленных на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Литература: 1. Артемов Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела: процессуальные особенности и правовая регламентация действий правоохранительных органов. Дисс. … канд. юрид. наук. Владимир,2004. 2. Бобров В.К. Стадия возбуждения уголовного дела: Учеб. Пособие. М.: МЮИ, 1997. 3. Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы 50-х Криминалистических чтений. – М.: АУ МВД РФ, 2009. Ч.1. 4.Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. 5. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел РФ. М.: Расширенная группа при Министерстве внутренних дел РФ по дальнейшему реформированию ОВД, 2013. 6.Рахунов А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954.

Мазюк Р. В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет» кандидат юридических наук, доцент (Иркутск)

О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

В науке уголовно-процессуального права на протяжении многих лет внимание ученых привлекает проблема понимания такой категории, как интересы участников уголовного судопроизводства. Это обусловлено тем, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) достаточно активно используются понятия «законные интересы» и «интересы». Например, одним из аспектов назначения уголовного судопроизводства является защита прав и ***законных интересов*** лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ); в соответствии с ч. 3 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищать свои права и ***законные интересы*** средствами и способами, не запрещенными законом, а ч. 1 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и ***интересов*** подозреваемых и обвиняемых. Всего в тексте УПК РФ категория «интересы» употребляется 35 раз, а термин «законные интересы» – 17 раз.

Не останавливаясь в рамках настоящей статьи на понятии интереса вообще и понятии законного интереса в частности, хотелось бы подробнее рассмотреть разграничение процессуального и материального интереса в рамках науки уголовно-процессуального права.

Понятие процессуального интереса уже неоднократно анализировалось в научной литературе. Так, В.М. Галкин отмечал, что «процессуальный интерес представляет собой интерес в успешном осуществлении определенной процессуальной функции» [2, с. 37]. С.Д. Шестакова понимает процессуальный интерес как «выраженную в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность к тому, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат» [9, с. 17].

Л.И. Ильницкая трактует процессуальный интерес как охраняемые уголовно-процессуальным законом и определяемые возбуждением, расследование и разрешением уголовного дела стремления субъектов уголовного процесса к достижению социально значимого для них результата [4, с. 7].

К процессуальным интересам участников уголовного процесса, по мнению В.Ю. Мельникова, следует отнести их стремление использовать те или иные средства защиты своих материально-правовых интересов» [6, с. 35].

Помимо научной литературы, термин «процессуальный интерес» используется и в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П указывается: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный *процессуальный интерес*, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»[1].

Особого внимания заслуживает точка зрения О.В. Гладышевой, согласно которой выделение уголовно-процессуального интереса в целом видится нецелесообразным. Как считает автор, выделение в теории уголовного процесса процессуального интереса основывается на подмене понятий: законный интерес заменяется целью процессуального участия либо отождествляется с реализацией процессуальных прав [3, с. 125-127].

Думается, что процессуальный и законный интересы в рамках науки уголовно-процессуального права все же представляют самостоятельные категории: если законный интерес – это категория объективная, то процессуальный интерес – объективно-субъективная.

Как представляется, процессуальный интерес в уголовном судопроизводстве можно определить следующим образом: это нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу.

Целеполагание в уголовном судопроизводстве понимается как «осмысление субъектами, к нему причастными, проблемной ситуации в сфере уголовного процесса, переводе ее в ходе системного анализа в проблему, и предполагающее на выходе создание структуры целей, задач и функций» [7, с. 39]. В уголовном судопроизводстве такое целеполагающее отношение участников уголовного судопроизводства, в частности, обвиняемого проявляется в форме процессуального интереса применительно к процессуальным действиям и процессуальным решениям, являющихся базовыми элементами уголовно-процессуального механизма и составляющими содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Например, так называемый «интерес избежать уголовную ответственность», который стал камнем преткновением для многих ученых-процессуалистов на протяжении нескольких десятков лет, с процессуальной точки зрения можно рассматривать как интерес обвиняемого в принятии такого процессуального решения, которым он не был бы признан виновным. Разве незаконен интерес обвиняемого в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ)?

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

[1] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

Является ли незаконным интерес подсудимого в вынесении по уголовному делу оправдательного приговора?

С понятием материального интереса в рамках науки уголовно-процессуального права ситуация обстоит сложнее. Так, В.Д. Адаменко полагает, что уголовно-процессуальные интересы производны от материально-правовых, способствуют осуществлению последних и направлены на реализацию права обвиняемого на защиту [1, с. 63]. По мнению А.А. Коомбаева, «материальные интересы в уголовном процессе достигаются через посредство процессуальных интересов. Поэтому последние называются интересами процедурного, правообеспечительного характера, а первые – детерминантами по отношению ко вторым» [5, с. 128].

По сути, понятие «материальный интерес» обвиняемого в уголовном судопроизводстве можно считать процессуальным оксюмороном, так как в процессуальной отрасли права отсутствуют нормы материального права, которые могут вызывать материальный интерес у субъектов. Такие нормы закреплены в материальных отраслях права: уголовное право, гражданское право и т.д. Поэтому словосочетание «материальный интерес» в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, имеет право на существование только как синоним термину «имущественный интерес», который существует у сторон при производстве по уголовному делу в рамках института гражданского иска. Иные имущественные отношения, возникающие в ходе уголовного судопроизводства, например, отношения по поводу залога, избранного в качестве меры пресечения по уголовному делу, формируют процессуальный интерес обвиняемого, а именно интерес в надлежащем соблюдении обязательств, связанных с внесенным залогом, от чего зависит будущая судьба залога (ч. 9 ст. 106 УПК РФ). То есть объектом интереса обвиняемого в данном случае в рамках уголовного судопроизводства является не сумма залога как материальная ценность, а надлежащий порядок уголовного судопроизводства, соблюдение которого позволит вернуть сумму залога залогодателю (ч. 10 ст. 106 УПК РФ). Сумма же залога как имущество является объектом интересов залогодателя в рамках гражданского права: в случае невозвращения залога залогодателю в порядке ч. 10 ст. 106 УПК РФ его нарушенный имущественный интерес подлежит защите на основании положений ГК РФ.

Таким образом, критерием деления правового интереса на материальный и процессуальный является объект интереса, а именно ценности, охраняемые, защищаемые или обеспечиваемые нормами соответствующих отраслей материального и процессуального права. Как отмечает в этой связи И.Г. Смирнова, «систему правовых ценностей образуют фундаментальные права и свободы личности», закрепленные «не только на государственном уровне, но и прежде всего на уровне международно-правового регулирования» [8, с. 147].

Вступая в уголовно-процессуальные отношения, участники уголовного судопроизводства отстаивают свои процессуальные интересы путем заявления ходатайств и обжалования соответствующих процессуальных действий и процессуальных решений. Поэтому при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений субъект доказывания по уголовному делу должен оценивать не только перспективы защиты либо нарушения прав и обязанностей конкретного участника уголовного судопроизводства, но и его процессуальные интересы.

Системный анализ УПК РФ позволяет говорить о наличии в нем определенного механизма обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, в частности, обвиняемого. Однако данный механизм имеет фрагментарный характер, он представлен в виде отдельных процессуальных гарантий. К таким гарантиям, например, можно отнести:

1) установленный срок 5 суток для возможности приглашения защитника по выбору обвиняемого (ч. 3 ст. 50 УПК РФ);

2) применение меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части только с согласия обвиняемого (ч. 2 ст. 104 УПК РФ);

3) ограничение общей продолжительности времени допроса 8 часами в сутки (ч. 3 ст. 187 УПК РФ);

4) возможность занять любое место среди опознаваемых лиц в ходе предъявления для опознания (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);

5) необходимость ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) и др.

Однако не все процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства обеспечены на уровне гарантий в УПК РФ. Более того, это и невозможно, так как процессуальные интересы могут быть направлены на абсолютно любое процессуальное действие или решение, и если для каждого из них в тексте уголовно-процессуального закона предусматривать гарантии применительно к отдельным участникам уголовного судопроизводства, то объем кодекса увеличится в несколько раз.

В свою очередь полагаем, что процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства должны быть не абстрактной, теоретической категорией, а полноценным элементом его процессуального статуса. В этих целях предлагаем закрепить в УПК РФ дополнительные гарантии механизма их защиты. Такие гарантии должны позволять своевременно определять и отражать процессуальные интересы сторон в материалах уголовного дела. В настоящее время процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства так или иначе проявляются в ходатайствах и жалобах, заявляемых обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства. Полагаем, что этого недостаточно. В рамках допроса таких участников, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик, кроме вопросов, относящихся к существу предъявленного обвинения или предмету гражданского иска, данным участникам должны задаваться вопросы, направленные на определение их процессуальных интересов по уголовному делу: как базового процессуального интереса (например, отношение к возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон), так и процессуальных субинтересов (например, о выборе для обвиняемого меры пресечения). На практике чаще всего это происходит в непроцессуальной форме, в виде личной беседы. До тех пор, пока интересы участников уголовного судопроизводства не обретут самостоятельную процессуальную форму в материалах уголовного дела, эффективность их защиты в уголовном судопроизводстве будет вызывать сомнения.

Литература: 1. Адаменко В.Д. Субъекты защиты обвиняемого. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 208 с.; 2. Галкин В.М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. – М., 1951. – 302 с.; 3. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.; 4. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ижевск, 2002. – 20 с.; 5. Коомбаев А.А. Положение личности в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. … докт. юрид. наук. – М., 2014. – 573 с.; 6. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. – М.: Юриспруденция, 2012. – 584 с.; 7. Попов А.П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 529 с.; 8. Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 5. – С. 144–148.; 9. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 220 с.

Машовец А. О.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет»
кандидат юридических наук, доцент
(Екатеринбург)

РЕВИЗИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Согласно ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном гл. 35-39 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 45.1 Кодекса. По идее при апелляционном пересмотре уголовного дела должны соблюдаться основные правила судебного доказывания, главные из которых: равноправие сторон и активность (субсидиарная) суда в представлении и исследовании доказательств, непосредственность, устность, ограниченность предмета и пределов доказывания предметом обвинения, запрет на поворот к худшему (ne reformatio in pejus) (ст. 389.22, 389.24 УПК РФ). Проблема состоит в том, насколько эти идеи воплотились в реальном праве, уголовно-процессуальном порядке апелляционного производства.

Прежде всего следует остановиться на «ревизионности», принципиально новом качестве современной модели апелляции. Как известно, существуют два подхода к определению пределов апелляционного пересмотра: ревизионный и диспозитивный; они, в свою очередь, тесно связаны с запретом на поворот к худшему, позиционированием сторон и суда в производстве и пр. В основе ревизионного порядка лежит аксиома об активности суда, ищущего объективной (материальной) истины. Активность суда, оправдываемая необходимостью обеспечить интересы правосудия, превращает жалобу лишь в повод для ревизионной деятельности суда, предел которой может быть определен только самим судьей, руководствующемуся законом и своим убеждением [0, с.46].

Тезис о ярко выраженной ревизионности современной апелляционной процедуры заслуживает особого внимания, так как он используется сторонниками обеих концепций и, что еще важнее, является объективной реальностью, данной нам в позитивном праве. Усиление публично-правового начала и переход на ревизионный режим пересмотра дела и принятому по нему решения суда первой инстанции проявилось, прежде всего, в том, что соответствии с ч. 1 и 2 ст. 389.19 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении осужденных, не принесших жалобу. Достаточно широкие властно-распорядительные полномочия суда апелляционной инстанции по ревизионному выходу за пределы требований сторон, изложенных в жалобе, представлении (ч. 1-2 ст. 389.19 УПК РФ) и восстановлению ex officio законности стали предметом научной дискуссии об их целевом назначении: либо они призваны обеспечить полную апелляцию и проведение надлежащего для сложившихся обстоятельств судебного расследования, либо «свернуть» таковые [0, с.42]. По мнению Н.Н. Мазиной, ревизионная форма апелляционной проверки может быть применена: (1) исключительно в контексте апелляционных притязаний сторон; или (2) в силу императивной обязанности суда по реагированию на такие нарушения закона, которые являют собой кассационные/надзорные основания; при любом из этих вариантов вероятно проведение судебного следствия в том или ином объеме [0, с.10]. Как пишет В.В. Рудич, проверка судом апелляционной инстанции соответствия приговора справедливости неминуемо ставит вопрос о проведении проверки материалов дела в комплексе, эта проверка сопряжена с ревизией фактической стороны дела. При постановке под сомнение справедливости судебного акта суд второй инстанции не ограничен формальной проверкой правильности применения нормы права (законности), а с необходимостью принужден к исследованию фактической стороны этого акта, и потому неизбежно проведение доказывания с тем, чтобы установить, насколько выводы нижестоящего суда обоснованы материалами дела; в какой мере они соответствуют установленным фактам; насколько справедливо вынесенное нижестоящим судом решение [0, с.73]. Противники «полной апелляции» также признают возможность установления судом апелляционной инстанции таких существенных нарушений закона, изъянов в обоснованности приговора, для устранения которых суд апелляционной инстанции уполномочен перейти на режим полного пересмотра дела, не будучи более связанным доводами и притязаниями сторон. Н.Н. Ковтун отмечал, что даже при признании апелляционного производства сугубо средством защиты нарушенных интересов и прав заинтересованных лиц, возможен инициативный выход суда за пределы воли лиц, изложенных в апелляционном отзыве в связи с исключительными обстоятельствами (основаниями), требующими уже не проверки доводов и притязаний сторон и, соответственно, обеспечения конвенциональной правосудности приговора, а именно полного пересмотра дела и приговора по существу [0, с.77]. Впрочем, единодушие во мнении относительно ревизионного характера деятельности суда апелляционной инстанции автоматически не свидетельствует в пользу того, что судебное следствие является обязательным атрибутом этой уголовно-процессуальной формы.

Следует признать, что ревизионный характер нового апелляционного судопроизводства неразрывно связан с активностью суда двоякого рода. С одной стороны, она «работает» на ограничение апелляции – судья активно перерабатывает ее под удобный для себя – кассацион-

ный формат, отказываясь от самостоятельного расследования фактов по делу. С другой стороны, открыты границы для активного участия председательствующего в судебном доказывании и следствии, если таковое все-таки проводится. Надо ли объяснять, что на практике оказалась востребованной именно первая черта ревизионности: судьи проявляют активность в сторону ограничения апелляции, как средства нового судебного расследования, предпочитая более «экономный» правовой формат проверки, не предполагающий проведения судебного следствия во всей его полноте.

Сущностная отличительная черта судебного следствия в стадии апелляционного производства по уголовному делу, определяемая ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ, состоит в том, что именно судья намечает основной круг обстоятельств, подлежащих выяснению. Судья вправе проявить активность в выяснении этих обстоятельств. В окончательном виде предмет апелляционного расследования определяется по результатам выступлений стороны, подавшей апелляционные жалобу, представление, и возражений другой стороны (ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ). Затем, как говорит закон, «суд переходит к проверке доказательств».

Следует признать то, что суд, а не стороны является хозяином апелляционной процедуры «проверки доказательств». От дискреционного усмотрения суда в большей степени зависит определение как предмета, пределов апелляционного следствия по делу, так и круга средств, направленных на установления существенных обстоятельств и фактов [0. С. 6 – 12]. В этом состоят изъятия из принципа состязательности, который в меньшей степени определяет порядок судебного следствия в суде апелляционной инстанции, чем в суде первой инстанции. Главное последствие «ревизионности», надо это прямо признать, состоит в сворачивании судом пределов апелляционной проверки и отказу от непосредственного, состязательного расследования обстоятельств дела путем проведения следственных действий и отходу от запрета на поворот к худшему. По смыслу нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ, поворот к худшему, во-первых, допустим не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей; во-вторых, это возможно в пределах содержащихся в них требований. Оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого (ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ). Статья 389.26 УПК РФ расширяет круг решений, при которых может быть ухудшено положение осужденного (оправданного), опять же при соблюдении условия, что апелляционное производство было инициировано стороной обвинения. Пленум Верховного Суда РФ допускает выход суда апелляционной инстанции за пределы апелляционной жалобы либо представления, если этим не будет допущено ухудшение положения осужденного. При принятии решения, ухудшающего положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции (не иначе как по представлению прокурора и (или) жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей), суд не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления [0].

Таким образом, reformatio in peius в суде апелляционной инстанции, во-первых, разрешается только по жалобе или представлению стороны обвинения; во-вторых, главным образом в пределах, содержащихся в них требований. Суд апелляционной инстанции, проверяя законность, обоснованность и справедливость судебного решения, может выйти за пределы апелляционной жалобы либо представления, если этим не будет допущено ухудшение положения осужденного. Следовательно, предмет и пределы судебного следствия определяются этими правовыми предписаниями.

В соответствии со ст. 389.21 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд отменяет обвинительный приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст. 24, 25, 27 и 28 УПК РФ. Апелляционная инстанция может касаться необжалованной части приговора и может, во изменение обжалованной части, пойти в смягчении квалификации далее того, о чем требовал апеллянт при reformatio in melius, если в ходе нового расследования будут эти обстоятельства установлены.

Согласно ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, если в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции. Уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суд, постановивший приговор, но иным составом суда, при отмене приговора или иного итогового решения мирового судьи - мировому судье другого судебного участка (ч. 2 ст. 389.22. УПК РФ). Если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, а также при выявлении обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с возвращением уголовного дела прокурору (ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ). Во всех случаях выхода за пределы прежнего обвинения, имело ли при этом ухудшение или улучшение положения осужденного (оправданного), суд апелляционной инстанции в той или иной мере принужден к проведению судебного следствия и исследованию доказательств. Как пишут в связи с этим комментаторы, предметом производства по уголовному делу в суде апелляционной инстанции выступает, с одной стороны, законность, обоснованность и справедливость приговора (иного судебного решения), вынесенного по результатам рассмотрения дела в суде первой инстанции (то есть фактическая и юридическая стороны приговора или постановления суда первой инстанции), а с другой - доказательства, на основе которых был постановлен данный приговор (или иное судебное решение). При этом предусмотренная частью 4 статьи 389.13 УПК РФ проверка доказательств судом апелляционной инстанции включает в себя как исследование доказательств, ранее уже исследовавшихся и получивших оценку суда первой инстанции, так и исследование новых доказательств, пред-

ставленных сторонами впервые в суд [0, с. 43-47; 0, с.182-186]. В данном случае суд апелляционной инстанции не ограничен формальной проверкой правильности применения нормы (материального или процессуального) права, а изучает и оценивает доказательства по делу с тем, чтобы установить, насколько выводы нижестоящего суда обоснованы материалами дела; в какой мере они соответствуют установленным фактам. При этом предусмотренные Кодексом возможности для непосредственного исследования доказательств в суде апелляционной инстанции дают дополнительные гарантии установления истины по делу и более справедливого разрешения уголовно-правового спора.

Литература: 1. Гильманов И.Р. Сущность запрета на поворот к худшему и особенности его проявления в современном апелляционном производстве по уголовному делу // Материалы Всероссийской межведомственной научно–практической конференции к 75–летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.). – М.: «Актион-Медиа», 2013. – С. 43 – 47; 2. См.: Мазина Н.Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России //Дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 211 с.; 3. Мазина Н.Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России //Дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 211 с.; 4. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты // Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 288 с.; 5. Ковтун Н.Н. Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве России: коллизии норм, доктрины и практики // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). – М.: «Актион-Медиа», 2013. – С. 77 – 83; 6. См.: Александров А.С., Никитченко И.И. Проведение допросов при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). – М.: «Актион-Медиа», 2013. – С. 6 – 12; 7. Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. – 2012. – 7 декабря; 8. Романова А.А. Изъятия из запрета на поворот к худшему в стадии апелляционного производства по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород, 2015. № 2. – С. 182 – 186.

Минсян Л. (Mingxiang Liu)

Народный Университет Китая,
профессор Юридического института Народного Университета Китая,
доктор юридических наук,
(Пекин, КНР)

КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА УЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ОТНОСИТСЯ К ЕДИНООБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ

Развитие до настоящего времени теории участия в преступлении в науке уголовного права привело к отчетливому формированию двух различных систем, а именно – дифференциальной системы (Differenzierungssystem) (дуалистической системы участия), различающей по роли в участие виды участия - исполнительство и соучастие (подстрекательство и пособничество), и единообразной системы (Einheitssystem) (монистической системы участия), не различающей виды участия. И так, какая же система участия в преступлении принята в китайском уголовном праве? В данной статье автор предпринимает первые попытки исследования этой проблемы.

Участие в преступлении представляет собой ситуацию, когда двое или большее количество лиц играют роль в факте совершения одного и того же преступления. «Участие в преступление является вовсе не уголовно-правовым понятием, а фактическим понятием» . В широком смысле слова, участие в преступлении включает в себя такие ситуации, когда двое или большее количество лиц играют роль в факте совершения одного и того же преступления, как совместное умышленное преступление, совместное неосторожное деяние, опосредованное исполнительство, преступление, совмещающее в себя умысел с одной стороны и неосторожное деяние с другой стороны. В узком смысле, участие в преступлении означает только соучастие в преступлении .

Установления степени участия участника преступления для того, чтобы рассматривать это деяние как преступление и назначить соответствующее наказание стало важной задачей уголовной политики и теории участия в преступлении. В уголовном законодательстве некоторых стран принята дифференциальная система, т.е. всех лиц, играющих роль в факте совершения одного и того же преступления, в зависимости от вида их участия разделяют на исполнителей и соучастников; кроме того, исполнитель рассматривается в качестве центральной фигуры преступления, а соучастники – в качестве акцессорных фигур преступления, в связи с этим исполнитель наказывается обычно более сурово, чем соучастник. Особенности данной системы соучастия в преступлении заключаются в том, что в статьях закона не только в вопросе состава преступления на понятийном уровне различаются исполнительство и соучастие (пособничество и подстрекательство), но и на уровне назначения наказания в отношении этих двух категорий также существуют различия. Так как назначенное исполнителю наказание является основным критерием для назначения наказания всем соучастникам преступления, то соучастнику должно назначаться наказание, сообразное наказанию исполнителя или же более мягкое, кроме того наказание, назначаемое исполнителю в принципе суровее наказания, назначаемого соучастнику. Например, согласно ст. 61 УК Японии «лицу, которое путем подстрекательства побуждало другого к совершению преступления, назначается наказание такое же, как и исполнителю». Согласно ст. 62 «лицо, которое оказывало помощь исполнителю, признается пособником». Согласно ст. 63 «наказание пособника смягчается сообразно с наказанием исполнителя». В рамках данной системы, исполнитель обычно рассматривается как лицо, совершившее деяние, соответствующее элементам состава преступления (т.е. лицо, исполнившее деяние), а соучастник (пособник и подстрекатель) в свою очередь рассматривается как лицо, совершившее деяние, выходящее за рамки основных элементов состава, соответствующее так называемым расширенным элементам состава .

Вместе с тем в некоторых странах принята единообразная система. Все лица, игравшие роль в факте совершения одного и того же преступления, независимо от того, совершили ли они преступление единолично, или же совместно с другим лицом, или же способствовали другому лицу в совершении преступления, рассматриваются как равнозначные участники преступления, и называются «исполнителями» или « лицами, совершившими преступление»; и не различается, к

какому все – таки виду участия они относятся, принцип наказания также определяется в независимости от вида участия . Например, согласно ст. 12 УК Австрии «лицо, самостоятельно совершившее уголовно наказуемое деяние, или же совершившее уголовно наказуемое деяние посредством другого лица, или же оказавшее помощь в совершении уголовно наказуемого деяния, признается исполнителем». Согласно ст.13 «лица, совместно совершившие уголовно наказуемое деяние, дифференцированно наказываются в зависимости от размера ответственности». Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие «исполнителя» в системе единого исполнителя (лицо, совершившее преступление) не равнозначно понятию «исполнителя» в системе, различающей исполнителя и соучастников, оно в широком смысле слова включает в себя всех лиц, участвующих в совместном совершении преступления, и кроме «исполнителя» в его узком понимании, присущем системе, различающей исполнителя и соучастника, также включает в себя соучастников (пособников и подстрекателей), выделяемых данной системой . В связи с этим, бесспорно является верным толкование «исполнителя» в единообразной системе (или в системе единого исполнителя) как вышестоящего понятия, включающего в себя исполнителя и соучастника, выделяемого дифференциальной системой (системой, различающей исполнителя и соучастника), а именно как «лица, совершившего преступление».

И так, какая же система принята в китайском уголовном праве? В настоящее время большое количество ученых полагают, что в Китае принята дуалистическая система участия, различающая исполнительство и соучастие (дифференциальная система) , также часть ученых считает (включая Линь Шаньтянь - знаменитого тайваньского ученого), что в китайском уголовном праве принята монистическая система участия или же система единого исполнителя (единообразная система) . По мнению автор данной работы, в китайском уголовном праве принята вовсе не дуалистическая система участия, различающая исполнительство и соучастие (дифференциальная система). Как было сказано ранее, самой большой особенностью дифференциальной системы является то, что в случае совместного участия в совершении преступления, при квалификации преступления и назначении наказания исполнитель ставится на центральное место, а соучастники (подстрекатели и пособники) в свою очередь занимают подчиненное (или акцессорное) положение. Обычно считается, что только в случае совершения преступления исполнителем, соучастие (подстрекательство и пособничество), может составлять преступление; «наказание, назначаемое исполнителю должно быть суровее наказания, назначаемого подстрекателю, наказание, назначаемое подстрекателю, должно быть суровее наказания, назначаемого пособнику» . Именно поэтому, различие исполнителя и соучастника в видах участия имеет большое значение как для квалификации преступления, так и для смягчения или усиления наказания. Однако в Китае, даже если исполнитель не совершит преступное деяние, действия соучастников (подстрекателя и пособника) по- прежнему могут составлять преступление. Что касается подстрекателя, то в п.2 ст. 29 УК КНР четко указано, что «если подстрекаемый не совершил преступления, к которому его подстрекали», то подстрекательство все равно должно квалифицироваться, и должно быть назначено наказание. А это означает, что квалификация действий соучастников (подстрекателя, пособника) не обладает особенностью, заключающейся в ее зависимости от действий исполнителя. Что касается вопроса о назначении наказания лицам, участвовавшем в совместном совершении преступления, то китайское уголовное право назначает разные по тяжести наказания в соответствии с размером роли, которую соучастник играл в совместном преступлении, а вовсе не в соответствии с видом его участия, назначает различные наказания. Возьмем, к примеру, подстрекателя, п.1 ст. 29 УК КНР четко установил, что «подстрекающий других к преступлению должен быть наказан в соответствии с той ролью, которую он играл в совместном преступлении». Кроме того, в судебной практике очень часто встречается такое явление, когда подстрекатель наказывается как главный преступник, а подстрекаемый исполнитель наказывается как пособник, другими словами часто встречаются случаи, когда подстрекатель, занимая главное место, наказывается более сурово, а подстрекаемый исполнитель, занимая место пособника, наказывается более мягко. Однако в таких странах, где принята дифференциальная система, разграничивающая исполнительство и соучастие, как Германия и Япония, согласно их общему правилу – акцессорности соучастия, подстрекатель, являющийся соучастником, не может занимать более важное положение, чем исполнитель, и также ему не может быть назначено более суровое наказание, чем исполнителю. Если уж в соответствии положением китайского уголовного права вид участия всех лиц, участвующих в совместном преступлении, будь то исполнители или соучастники (подстрекатели и пособники), не имеет определяющего значения ни при квалификации деяния, ни при назначении наказания, то можно с уверенностью говорить о том, что система участия в преступлении (соучастия в преступлении), принятая в Китае, вовсе не является дифференциальной системой.

Помимо этого, если применять дифференциальную систему, различающую исполнительство и соучастие, то невозможно не предусмотреть четких указаний о квалификации преступления и назначения наказания исполнителю, и особенно пособнику. Так как исполнитель занимает центральное место в квалификации преступления и назначении наказания, то уголовный закон не может не сделать соответствующих указаний. Более того, в делах, касающихся соучастия в преступлении, более всего необходим дифференцированный подход в отношении пособников, с точки зрения таких стран, где принята дифференциальная система, как Япония и Германия наказание подстрекателя зачастую соответствует наказанию исполнителя, а наказание пособника наоборот смягчается сообразно с наказанием исполнителя. В связи с этим, уголовное законодательство, принявшее дифференциальную систему, в большинстве случаев может сделать четкие указания о квалификации преступления и назначении наказания исполнителю и подстрекателю, и особенно пособнику. Однако в положениях уголовного закона Китая о соучастии в преступлении, вовсе не встречаются понятия «исполнителя», «пособника», а также вовсе не встречается понятие «исполнителя» схожее или же тождественное понятию «исполнителя» в дифференциальной системе. Хотя согласно ст.27 УК КНР «лица, выполняющие в соуча-

стии второстепенные или вспомогательные роли, признаются пособниками». И есть ученые, которые полагают, что указанные здесь «лица, выполняющие вспомогательные роли» и есть пособники, и в связи с чем, нельзя говорить о том, что в китайском уголовном праве не регламентировано пособничество. Однако автор данной работы полагает, что помимо того, что роль пособника, выполняемая при оказании помощи, относится к вспомогательной роли, также не исключены ситуации, когда исполнитель или подстрекатель будут выполнять в совместном преступлении лишь вспомогательную роль, поэтому, представляется невозможным отождествление этих двух понятий. Например, начальник А, совершая насильственный половой акт с женщиной В, приказал подчиненному работнику С помочь ему сдержать руки и ноги потерпевшей (С не совершал насильственный половой акт с В). Хотя С также является исполнителем, однако в групповом изнасилование явно выполнял только вспомогательную роль. Еще один пример, А, узнав, что В хочет убить С, склонил D предоставить нож для забоя свиней В, чтобы тот убил С. А, являющийся подстрекателем, тоже явно выполнил лишь вспомогательную роль в совместном преступлении. Кроме того, в совместно совершенном преступлении весьма небольшое количество пособников, осуществляющих действия, направленные на оказание помощи, может быть, вовсе не выполняют вспомогательную роль, а выполняют главную роль, и должны рассматриваться как главные преступники, и вовсе не могут рассчитывать на мягкое наказание. Например, организатор, выполняющий в совместном преступлении роль в формировании плана действий, его действия возможно нельзя отнести ни к исполнительству, ни к подстрекательству, если их рассматривать с точки зрения видов участия, то их стоит отнести к пособничеству, а данное лицо признать пособником. Однако это явно не относится к вспомогательной роли, выполняемой в совместно совершенном преступлении, в Китае наказание подобного рода пособников не может быть смягчено как пособнику.

Стоит признать, что в вопросе об участие в преступлении в китайском уголовном праве принята единообразная система, т.е. система единого исполнителя (лица, совершившего преступление). Обычно считается, что системе единого исполнителя (лица, совершившего преступление) свойственны следующие особенности: 1) все лица, создающие условия для преступления признаются исполнителями (лицами, совершившими преступление); 2) не обращается внимание на различение участия по видам; 3) в отношении образования деянием преступления необходимо рассматривать по отдельности действия каждого исполнителя (лица, совершившего преступление); 4) в отношении каждого исполнителя (лица, совершившего преступление) применяется одинаковое установленное законом наказание; 5) наказание назначается в зависимости от характера и степени участия каждого исполнителя (лица, совершившего преступления) . Автор данной работы полагает, что положения о соучастии в преступлении, содержащиеся в уголовном праве Китая в полной мере соответствуют данным особенностям.

Во – первых, согласно ст. 25 УК КНР «соучастием в преступлении признается совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении преступления». Это положение свидетельствует о том, что если только двое или большее количество лиц, исходя из совместного умысла, совершили действие, посягающее на охраняемые уголовным законом интересы (правовые интересы), то это образует совместное преступление, а эти лица признаются соучастниками. Другими словами, все лица, участвовавшие в совершении преступления или же создавшие условия для преступления, признаются соучастниками, т.е. объединяются в рамках этого понятие «соучастники». Кроме того, условия по которым, все лица, участвующие в преступлении, образует преступление, т.е. становятся соучастниками, полностью идентичны. Здесь существует очень важное отличие от дифференциальной системы, заключающееся в том, что выработанные дифференциальной системой условия, образующие соучастие (пособничество и подстрекательство) отличны от условий, образующих исполнительство.

Во – вторых, в Китае не зависимо от того, совершило ли лицо действия, посягающее на правовые интересы, или же подстрекало или же оказало помощь, если только существует причинно-следственная связь между этим действием и результатом, выразившемся в нарушении правовых интересов, или же данное действие создало условия для нарушения правовых интересов, то есть вероятность, что эти действия вместе действиями других лиц составляют совместное преступление, что делает эти лица соучастниками. Что касается вида участия данного лица – было ли это исполнительством, подстрекательством или же пособничеством, то для определения образует ли данное действие преступление или же признания данного лица преступником, это не является важным, и поэтому нет необходимости в дифференциации. Однако в странах, где принята дифференциальная система, так как условия квалификации действий исполнителя и соучастника различны, поэтому на этапе квалификации деяния необходимо строгое разграничение исполнителя и соучастника.

В – третьих, в Китае при решении вопроса образует ли преступление действия участников, игравших роль в факте совместного совершения преступления, не только необходимо учитывать субъективную сторону - имело ли лицо умысел совершения с другими лицами совместного преступления, объективную строну – существовала ли связь между действием данного лица и действиями других лиц, а также была ли осуществлена роль для появления результата, выразившегося в нарушении правовых интересов, вплоть до размеров этой роли, но также необходимо исследовать такие индивидуальные элементы ответственности, как размер способностей лица контролировать и осознавать, степень субъективной злости, и после комплексной оценки можно квалифицировать (оценить) деяние как преступное. Тот факт, что действия других участников образуют преступление, вовсе не может рассматриваться как основание квалификации действий конкретного участника, более того вид участия данного лица также не может выступать основанием для квалификации преступления. Например, нельзя на основании квалификации действия лица, осуществившего подстрекательство или пособничество тут же полагать, что необходимо квалифицировать действия лица, совершившего исполнительство. Однако в странах, где принята дифференциальная система, обычно считают, что соучастию (подстрекательству и пособничеству) свойственна акцессорность от исполнительства, в связи с этим,

если исполнитель не исполнил преступное деяние, то соучастие также не может образовать преступление.

В – четвертых, в Китае при назначении наказания каждому из соучастников в преступлении применяется одно и тоже предусмотренное в законе наказание, и не существует вопрос об использовании в отношении соучастников и исполнителей различных предусмотренных законом наказаний, также не существует положений, согласно которым наказание предусмотренное законом в отношении исполнителя является основным критерием назначения наказания, а соучастникам назначается более мягкое наказание или наказание ниже низшего предела. Однако если применять дифференциальную систему, то в большинстве случаев предусмотренное законом наказания в отношении исполнителя будет рассматриваться как основной критерий назначения наказания, и соучастнику будет назначаться наказание сообразное с наказанием исполнителя или же наказание будет смягчаться.

В – пятых, согласно положениям УК КНР, при назначении конкретного наказания, необходимо учитывая степень и характер участия каждого соучастника преступления, установив размер выполняемой им роли в совместном преступлении, определив главного преступника, пособника или лицо, втянутое в преступную деятельность посредством принуждения, назначить каждому соучастнику различное по тяжести наказание, тем самым в полной мере воплотить сущность уголовной политики, заключающейся в дифференцированном подходе. Однако если применять дифференцированную систему, то уголовная политика, заключающаяся в дифференцированном подходе выразиться в том лишь факте, что исполнителю будет назначено суровое наказание, а соучастнику мягкое.

Некоторые теоретики считают, что «положение ст.25 УК КНР о соучастии в преступлении хотя и обеспечили правовой контекст для единообразной системы, однако положения УК КНР о видах соучастников, помимо разделения на роли – главный преступник, пособник, лицо, втянутое в преступную деятельность посредством принуждения, также специально регламентирует подстрекателя. Согласно ст. 29 УК КНР подстрекателем признается лицо, подстрекающее других. Это положение закона, предоставило правовые основания для различия исполнителя и соучастников. Другими словами, регламентированные в Особенной части уголовного закона конкретные преступные действия являются действиями исполнителя, и логически вовсе не включают в себя такие действия соучастия как подстрекательство». В связи с этим нельзя считать, что уголовное право Китая имеет возможность принять единообразную систему . Однако, по мнению автора данной работы, возможно, является ошибочным считать, что специальное положение о подстрекательстве, сделанное уголовным законом Китая, может подтвердить то, что в Китае принята дифференцированная система, различающая исполнительство и соучастие и что, не может подтвердить, что принята единообразная система. В действующем уголовном законодательстве Италии принята единообразная система, однако в ст.115 также есть положения о «подстрекательстве других к совершению преступления», о том, если «преступление не совершено», то какое наказание назначается «подстрекателю»; в уголовном кодексе Австрии также принята единообразная система, ст. 33 данного кодекса также четко регламентировала, что «подстрекательство других к совершению уголовно наказуемого деяния» рассматривает как одно из «оснований усиления наказания» .

Из этого следует, что специальная регламентация в уголовном законе подстрекателя и принципов назначения ему наказания вовсе не является правовым основанием принятия в данном законе дифференциальной системы, а не единообразной системы. Что касается того утверждения, что «регламентированные в Особенной части уголовного закона конкретные преступные действия являются действиями исполнителя, и логически вовсе не включают в себя такие действия соучастия как подстрекательство», то это по – прежнему является толкованием конкретных преступных действий, указанных в Особенной части уголовного кодекса Китая, с точки зрения дифференциальной системы, что в действительности не соответствует китайскому законодательству.

Михайлов М. А.

Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского, кандидат юридических наук, доцент

Левашов И. В.

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым руководитель отдела криминалистического сопровождения следствия (г. Симферополь, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ ОБ АКТИВНОСТИ АБОНЕНТОВ СОТОВОЙ СВЯЗИ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ И ПЕРИОДЕ ВРЕМЕНИ

Развитие техники и технологий стремительно меняет нашу жизнь, помогает упростить решение множества задач, экономить время, обеспечивать надежную связь, и нет, пожалуй, такой сферы деятельности, которой бы оно не коснулось. Использование мобильных электронных устройств для коммуникации в течение нескольких лет превратилось из роскоши в насущную необходимость. Сначала мобильные телефоны, а затем их более совершенные модификации – смартфоны, а также мобильные компьютеры-ноутбуки, планшеты, а сегодня уже и смартчасы сопровождают современного человека, постоянно находясь при нем, в быту и на работе, в дороге и на отдыхе.

На это не могли не обратить внимание криминалисты, в поиске новых источников доказательств и иной криминалистически значимой информации.

Изначально возникшая в недрах ОРД, сугубо техническая процедура установления местонахождения мобильного устройства, постепенно стала облекаться в более или менее процессуальный вид, требуя статуса следственного действия.

Техническая необходимость регистрации и сохранения данных о переговорах абонентов сотовой связи ее операторами обусловлена особенностью организации, функционирования и расчета стоимости этой услуги, предоставляемой пользователю, информационного и финансового обслуживания. При этом фиксируется не

только сам факт коммуникации, но и ее вид (телефонные переговоры, SMS, MMS, выход в Интернет) а также идентификационные сведения об абоненте и его телефоне (номер sim-карты, международный идентификатор мобильного оборудования - IMEY).

В архивах оператора сотовой связи накапливаются и хранятся определенное время сведения о продолжительности коммуникации, информация об иных участниках коммуникации (номеров sim-карт, IMEY) и о базовых станциях, в зоне действия которых находилось мобильное устройство. Отдельные сведения о коммуникации сохраняются и в памяти самого мобильного устройства, причем нередко даже после попыток их удаления [2].

Таким образом, мобильные устройства коммуникации становятся ценнейшим источником доказательственной информации не только из-за содержания самой коммуникации (переговоров, текстовых, мультимедийных сообщений и т.д.), но и благодаря сохраняемым сведениям об их местонахождении, перемещениях из зоны действия одной станции в другую, а также данных абонентов и устройств, с которых происходила коммуникация в определенном месте и в определенное время.

В ОРД и криминалистике в связи с этим, уже появились новые понятия, такие как «абонентская активность» и «абонентский след» [1, с.75]. Начали формироваться техники работы с этими следами, процедуры их поиска, фиксации и использования как в выходе на источники доказательственной информации, так и непосредственно в доказывании.

Предполагаем, что это направление в криминалистике может получить самостоятельное развитие, и будет выделено из формирующегося учения о следах в сфере компьютерной информации в отдельную отрасль криминалистической техники.

Однако нам бы хотелось обратить внимание на проблему доступа к этим следам не только с технических, но и с правовых позиций.

Конституционно охраняемое право на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, ограничивается только судебным решением (ст.23 Конституции). Это потребовало регламентировать в УПК деятельность по контролю и записи телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и иных лиц (ст. 186 УПК) только с судебного разрешения и по преступлениям не иначе как, чем средней тяжести, тяжким и особо тяжким.

После появления возможности использования дополнительной служебной информации о факте коммуникации, получаемой от операторов сотовой связи, существовало мнение не включать эту информацию в конституционно охраняемую тайну телефонных переговоров и иных сообщений. Мотивировалось это тем, что получить ее можно по обычному запросу правоохранительных органов к оператору сотовой связи, точно так, как это вправе сделать любой абонент в отношении собственных коммуникаций, предъявив паспорт.

Однако эта точка зрения не возобладала, и в 2010 году УПК был дополнен ст. 186[1] «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», которая разрешала получение следователем указанной информации только на основании судебного решения. При этом категория преступлений тяжестью не ограничивалась.

Таким образом, было признано, что эта информация охватывается понятием тайны телефонных переговоров и иных сообщений, ограничиваемой только судом.

В то же время подобные данные, хранящиеся в памяти мобильного устройства, могут быть получены и без разрешения суда, например в результате его выемки и осмотра.

Из содержания ст. 186[1] неясно относятся ли сведения о местонахождении мобильного устройства к информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Технически возможна локация включенного мобильного устройства и не участвующего в соединении с другими абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе его периодичной автоматической регистрации на базовой станции[1].

Технология сотовой связи предоставляет правоохранителям эффективные возможности в поиске лиц, совершивших преступление, а также ранее не известных свидетелей и потерпевших. Содержащиеся в памяти оборудования операторов сотовой связи сведения о коммуникациях в определенном месте и в определенное время могут помочь определить не только местонахождение, но и перемещение мобильного устройства, принадлежащего возможным участникам или свидетелям расследуемого события.

Для обозначения процедуры получения такой информации в правоохранительной практике уже используется термин «тотальный биллинг», хотя его нельзя считать удачным. Во-первых, биллинг (от англ. bill-счет) – это мероприятия операторов связи по сбору информации об использовании телекоммуникационных услуг для выставления счетов абонентам. Во-вторых, использование прилагательного «тотальный», наряду с синонимом «повальный» в деятельности отечественных правоохранителей, по меньшей мере, настораживает.

Представляется, что вышеуказанная процедура может охватываться более точной, хотя и не столь лаконичной формулировкой, как «установление фактов абонентской активности в конкретной районе».

Отдельные авторы приводят определение абонентской активности как «совокупности манипуляций абонента со средствами связи, которые позволяют аутентифицировать определенное электронное устройство в сети» [1 с.74]. Если распространить это определение на информацию, получаемую в ходе «тотального биллинга», то следует учесть, что устройство периодически и без манипуляций абонента подает сигналы на базовую станцию, позволяющие его идентифицировать. Это даже не «абонентская активность», а «абонентское присутствие».

Если рассматривать процессуальные особенности осуществления этих действий, то практика пошла по пути использования процедуры, прописанной в ст. 186[1]. Следователь обращается к судье с ходатайством дать разрешение на получение информации у конкретных операторов сотовой связи, а именно:

об использовании абонентских номеров мобильной связи;

---

[1] Базовую станцию, с которой все-таки такая связь при этом происходит, нельзя считать абонентским устройством в смысле ст. 186[1]

детализации телефонных соединений (фиксированной или нулевой[1] продолжительности);

об SMS и MMS сообщениях с указанием номеров sim-карт, полных данных абонентов и IMEY мобильных устройств за определенный период времени в определенном месте[2]. После чего Постановление суда передается оператору связи для исполнения.

На наш взгляд, отождествление понятий «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186[1] УПК) и «установление фактов абонентской активности в районе» («тотальный биллинг») неправомерно. Если в первом случае речь идет об ограничении через судебное разрешение конституционных прав конкретных лиц, на основании имеющихся подозрений об их причастности к совершению преступлений, которые следователь собирает и представляет суду, то во втором - следователь запрашивает конституционно защищенную информацию о мобильных устройствах и соединениях любых абонентов вся «вина» которых, заключается лишь в том, что они находились в определенное время в определенном месте.

Налицо явная брешь в конституционной защите прав граждан на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, которая не устраняется введением в УПК ст. 186[1].

Представляется два пути решения этой проблемы. Первый – это установление фактов абонентской активности в районе в определенное время средствами ОРД. Аргументировать это можно тем, что такие сведения используются в основном для выхода на возможные источники доказательственной информации: потенциальных обвиняемых, новых свидетелей и потерпевших, с которыми в дальнейшем будут проводиться уже следственные действия. Тем более что такое мероприятие также проводится с судебного разрешения.

Второй – это дополнение действующего УПК. При этом представляется невозможным простое изменение ст. 186[1] по причинам, о которых говорилось выше. Инструмент столь всеобъемлющего контроля в сфере конституционно охраняемых прав и интересов граждан требует детальной проработки в УПК, а значит отдельной правовой нормы.

В УПК наших соседей из стран ближнего зарубежья проблемы доступа к информации для установления абонентской активности пользователей мобильных устройств решаются по-разному. Однако специально для этой цели в их законодательствах такие сведения не детализируются.

В УПК Казахстана предусмотрено следственное действие с похожим на российское названием, регламентирующим получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Однако это действие негласное и проводится с санкции прокурора (ст.231 ч.3).

В Молдове для этих целей в УПК предусмотрено проведение т.н. специальных розыскных мероприятий, в ходе которых с разрешения судьи, возможен сбор информации от поставщиков услуг электронных коммуникаций (ст.1322 ч.1 п.«h»).

УПК Латвии дает право на получение такой информации с помощью специального следственного действия с лаконичным названием «Контроль средств связи» (ст. 215 ч. 2).

На Украине с 2012 года действует ст. 268 УПК, регламентирующая «установление местонахождения радиоэлектронного средства в т.ч. и средств, активированных в сетях мобильной связи». Суть этого негласного следственного действия, проводимого с судебного разрешения, «заключается в применении технических средств для локализации местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного терминала систем связи и других радиоизлучающих устройств, активированных в сетях операторов подвижной (мобильной) связи, без раскрытия содержания, передаваемых сообщений, если в результате его проведения можно установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства» (ст. 268 ч.1).

Подводя итог, следует отметить, что мониторинг активности абонентов сотовой связи в определенном районе и за определенный период без привязки к конкретным пользователям, является важным источником информации для эффективного расследования преступлений. В то же время такие действия правоохранителей являются существенным ограничением конституционного права на тайну телефонных переговоров и иных сообщений и нуждаются в более детальной правовой регламентации.

Литература: 1. Васюков В.Ф. Особенности получения криминалистически значимой информации об абонентской активности подозреваемого при расследовании уголовных дел//Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола, 26 февраля 2016 г. - Ставрополь: СФ КрУ МВД России,2016.Ч.1-212с. С.73-76; 2. Скобелин В.Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами. Отрасли права. Аналитический портал.[Электронный ресурс], Режим доступа: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/1577 Дата доступа:30.03.2016

Михайлова Ю. Н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Саратовская государственная юридическая академия"

кандидат юридических наук, доцент

(Саратов)

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ОПОЗНАВАЕМЫХ ОБЪЕКТАХ

Вопрос об объектах предъявления для опознания нуждается в дальнейшей разработке и законодательной регламентации. Основное значение связано с пределами использования предъявления для опознания как средства доказывания в уголовном судопроизводстве. К сожалению, следует констатировать тот факт, что предъявление для опознания в сравнении с другими следственными действиями (осмотр места происшествия, допрос участников уголовного судопроизводства) проводится крайне редко. Это обусловлено различными обстоятельствами: сложностями в описании объектов предъявления для опознания (а законодатель указывает, что предъявлению для опознания должен предшествовать допрос, в ходе которого необходимо установить обстоятельства, при которых объект предъ-

[1] Неотвеченный вызов.

[2] Исполнителю запроса существенно упрощает задачу указание при этом кода местности (LOC) и номера сектора (CID) базовой станции.

явления для опознания ранее видел опознающий; об особенностях (признаках и приметах) данного объекта); подбор объектов предъявления для опознания; создание условий для предъявления для опознания; ситуация тактического риска, которая сопутствует предъявлению для опознания и т.д.

Необходимо отметить, что проблема признака при проведении предъявления для опознания имеет важное значение, так как основу акта опознания составляет процесс анализа и синтеза признаков. Знание признаков предопределяет правильный подбор объектов предъявления для опознания. Несмотря на разработанность в науке теории криминалистических признаков, в практике предъявления для опознания по этому вопросу возникают существенные трудности. Они обусловлены, в частности, и тем, что в криминалистике неоднозначно дается определение признака, хотя все они в той или иной мере связаны со свойством объекта познания.

Одним из основных вопросов, вызывающих дискуссию, до настоящего времени остается вопрос об объектах предъявления для опознания. Объект – это то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект выступает как часть объективной реальности, которая находится во взаимосвязи и взаимодействии с субъектом. При этом выделение объекта познания осуществляется при помощи форм познавательной и практической деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности [1, с. 437-438].

Под объектами предъявления для опознания отдельные авторы понимают «…такие предметы материального мира (люди, вещи и т.д.), которые предъявляются органами дознания, расследования или судом опознающему лицу в целях их идентификации с объектом, наблюдавшимся им ранее при тех или иных обстоятельствах» [2, с. 10]. Данная позиция не бесспорна и вызывает многочисленные, вполне обоснованные возражения.

Между тем в УПК РСФСР 1961 года этот вопрос исчерпывающе не был решен. В нем были перечислены в качестве объектов предъявления для опознания живые лица, предметы, трупы (ст. ст. 164, 165 УПК). Модельный УПК для государств-участников СНГ в качестве возможных объектов предъявления для опознания указывает живые лица и трупы (ст. 261 «Предъявление для опознания лица»), предметы (ст. 262 «Предъявление для опознания предметов»). Такая формулировка представляется нам логически более правильной, чем в УПК РСФСР, так как предъявление для опознания лиц объединены в одну статью, а предметов – в другую. На наш взгляд, труп как особый субстрат представляет специфическое явление, являясь носителем свойств личности человека, и представляется целесообразным выделить его предъявление для опознания в отдельную норму [3, с.30].

В ст. 193 УПК РФ объекты предъявления для опознания объединены в одну статью, что, в принципе, целесообразно. И в качестве объектов предъявления для опознания законодатель называет: людей, предметы, труп. Иных объектов предъявления для опознания УПК РФ не содержит. Однако на практике возможности предъявления для опознания трактуются шире и в качестве объектов предъявления для опознания могут выступать части трупов людей; животные и трупы (части трупов) животных, участки местности и помещения, уникальные предметы и т.д. В этой связи возникает вопрос: насколько правомерно такое расширение круга объектов?

Мы в своих работах подробно анализировали этот аспект. По прошествии времени, хотелось бы отметить, во-первых, предъявление для опознания это форма криминалистической идентификации по мысленному образу. Поэтому возможности опознания тех или иных объектов зависят от возможности их воспринять, запомнить, воспроизвести соответствующие признаки, по которым опознающий сможет опознать объект и собственно идентифицировать предъявляемый объект с мысленным образом. При этом речь идет об одномоментном предъявлении для опознания объектов по сходным, однородным признакам. Учитывая перечисленные факторы, рассмотрим возможности предъявления для опознания различных объектов.

Законодатель в качестве объектов предъявления для опознания называет живого человека (лицо), предмет, труп (ст. 193, 289 УПК РФ).

Живые лица характеризуются совокупностью признаков внешности. Признаки внешности делятся на две большие группы: собственные и сопутствующие.

Анатомические и функциональные образуют собственные признаки человека. Анатомические признаки (морфологические) характеризуют особенности строения той или иной части человеческого тела, его покровных тканей. Они включают в себя: общефизические признаки (пол; возраст; рост; телосложение и т.д.) и антропологические признаки (раса, национальность). Такой трактовки придерживается большинство авторов, занимающихся проблемой предъявления для опознания. Наибольшее индивидуализирующее значение имеет лицо человека, так как чаще всего является объектом зрительного восприятия. Возможность предъявления для опознания человека по анатомическим признакам правомерна и не вызывает дискуссий.

Функциональные признаки характеризуют двигательные и физиологические функции человека, его состояние организма. К ним относятся походка, осанка, голос, речь, жестикуляция, мимика и т.д.

И если возможность предъявления для опознания по анатомическим признакам не вызывает сомнения, то провести опознание по функциональным признакам весьма сомнительно с точки зрения использования в дальнейшем в качестве доказательств. Законодатель, определяя возможности человеческого восприятия, ограничил их единственным видом (видели) - зрительным восприятием. В этой связи вопрос о правомерности предъявления для опознания по признакам голоса и речи решается, на наш взгляд, автоматически. Хотя и физиологами, и деффектологами, и криминалистами доказана индивидуальность признаков голоса и речи, их устойчивость, относительная неизменяемость и в силу этого возможность идентификации по ним человека.

Голос и речь занимают особое место в системе собственных (функциональных) признаков. Частные признаки голоса и речи связаны чаще всего с индивидуальным строением гортани, дефектами голосового аппарата, заболеваниями горла. Большинство криминалистов выделяют в особенностях речи темп и недостатки произношения. Среди них указывают местный говор, картавость, шепелявость и заикание; косноязычие, своеобразие акцента и т.д.

При проведении предъявления для опознания важно учитывать, что возможно восприятие опознаваемым нескольких разноплановых признаков. При предъявлении для опознания можно выделить следующее сочетание воспринятых признаков внешности: 1) опознающий воспринимал лишь функциональные признаки; 2) лицо воспринимало анатомические признаки и функциональные признаки: а) голоса и речи; б) признаки походки; в) жестикуляцию и мимику; 3) лицо воспринимало только анатомические признаки; 4) были восприняты лишь носимые предметы.

Соответственно указанным ситуациям избирается оптимальный вид предъявления для опознания, так как они предопределяют выбор тактических приемов производства указанного следственного действия.

При этом необходимо отметить, что определяющее значение в каждой конкретной ситуации играют те признаки, которые наиболее полно были восприняты опознающим.

Если лицо воспринимало одновременно как анатомические, так и функциональные признаки, то необходимо с учетом изложенных выше рекомендаций определить вид, последовательность и тактические приемы производства предъявления для опознания. В абсолютном большинстве случаев предпочтение отдается опознанию по анатомическим признакам. Это объясняется тем, что анатомические признаки в количественном отношении значительно превосходят функциональные, что обеспечивает получение достоверного доказательства.

Другим объектом предъявления для опознания, указанным законодателем в ст. 193 УПК РФ, является труп. Труп – мертвое тело человека. В отличие от предъявления для опознания живого человека опознание трупа возможно лишь по совокупности признаков внешности. На наш взгляд, ошибочным является мнение относительно невозможности предъявления для опознания частей расчлененного трупа [4,с.60]. Опираясь на положения теории криминалистической идентификации о такой разновидности индивидуального отождествления, как «установление целого по частям», и учитывая, что предъявление для опознания является особой формой идентификации, считаем научно обоснованной возможность предъявления для опознания частей расчлененного трупа. Части расчлененного трупа могут иметь особые приметы, например, татуировки, по которым может быть установлена личность. Исследования татуировок «…позволили не только доказать возможность назначения и проведения диагностических экспертиз по расшифровке их скрытого смыслового назначения, но и дать рекомендации по выявлению невидимых и слабовидимых татуировок, а также значения татуировки при проведении экспертизы целого по частям» [5, с.44].

Предъявление для опознания предметов предусмотрено ст. 193 УПК РФ.

Отдельные авторы в качестве объектов предъявления для опознания рассматривают: 1) фотографические и художественные изображения предметов или их частей; 2) фотоснимки со скульптурных портретов, изготовленных по черепу по методу М.М. Герасимова [6, с.98-99]; 3) слепки и муляжи с лица и отдельных частей тела неопознанных трупов; 4) слепки со следов ног и различных предметов [7, с. 22].

В криминалистической и процессуальной литературе, посвященной предъявлению для опознания, предпринимались неоднократные попытки дать перечень объектов, которые могут быть предъявлены для опознания. Существо данного вопроса заключается в выборе правильного критерия классификации объектов. Принцип перечня объектов неприемлем по тем соображениям, что дать исчерпывающий перечень объектов предъявления для опознания невозможно в силу многообразия предметов материального мира. Непригодна также классификация, базирующаяся на учете роли предметов в совершении преступления (орудия преступления) или на их значении в уголовном судопроизводстве с точки зрения классификации доказательств (вещественное доказательство) или на учете того, что они служили объектами посягательства (похищенное имущество). Полагаем, что законодательно важно разрешить вопрос об объектах предъявления для опознания и способах восприятия этих объектов потенциальным опознающим. В противном случае этот вопрос останется неразрешенным с точки зрения правоприменительной практики. А если так, то и научные дискуссии превратятся в пустое сотрясание воздуха.

Литература: 1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989; 2. Цветков П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. – ЛГУ., 1962. – С. 114; 3. Степанов В.В., Михайлова Ю.Н. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений.– Саратов, 2003.– С. 168; 4. Гапанович Н.Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). – Минск, 1978. – С. 176; 5. Дубягин Ю.П. Проблемы криминалистического отождествления человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуациях. Дисс…д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – М., 2000. – С. 58; 6. Крылов И.Ф. В мире криминалистики. – Ленинград, 1989. – С. 328; 7. Цветков П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. – ЛГУ., 1962. – С. 114.

Моисеев А. М.

Донбасская юридическая академия
доктор юридических наук, профессор
(Донецк, ДНР)

Жигулин А. М.

Совет адвокатов Донецкой Народной Республики
(Донецк, ДНР)

ДИСТАНЦИОННЫЙ ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА (ЭКСПЕРТА) В МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЯХ

Сегодня на территории Донбасса происходят артиллерийские обстрелы жилых кварталов и другие военные преступления, подпадающие под юрисдикцию международных судебных инстанций. Процессуальная фиксация данных событий затруднена вследствие ряда причин политического характера. В Донецкой Народной Республике документирование преступлений данного вида осуществляет общественная комиссия [1, с. 257]. Составленное ею заключение подлежит рассмотрению в международных судебных инстанциях. По отношению к международному суду общественная комиссия, предоставившая заключение, может быть определена как внепроцессуальный субъект доказывания [1, с. 256]. Поэтому не исключено непосредственное взаимодействие этого субъекта и суда в рамках международного судопроизводства.

Цель нашего исследования – конкретизировать условия и на их основе дать рекомендации по дистанционному допросу представителя общественной комиссии в международной судебной инстанции.

Процедура документирования событий с признаками военных преступлений содержит отобрание и систематизацию объяснений очевидцев, изготовление различного рода фото- и видеоматериалов, геодезических карт, схем, планов и т.п., а также проведение предварительного исследования местности и сбор материальных следов события [2, с. 56]. К субъектам документирования относим председателя общественной комиссии, а также руководителя рабочей группы и специалистов, которые непосредственно на месте события фиксируют доказательственную информацию. Последующее исследование собранных материалов с целью их упорядочения и выявления имеющихся в них противоречий, по заданию общественной комиссии осуществляет судебный эксперт, которого также относим к субъектам документирования. Считаем, что представлять внепроцессуального субъекта в таких судебных органах наиболее эффективно смогут специалисты-члены рабочей группы, осуществившие фиксацию обстановки на месте события, а также эксперт, выполнивший специальные исследования результатов проведенной фиксации. Этот вывод основан на том, что именно они в полной мере владеют достоверными сведениями о ходе и результатах документирования. Поэтому актуальным становится проблема предоставления этим специалистом или экспертом разъяснений в судебном заседании.

Считаем, что эффективность этого действия следует определять с учетом процессуальных затрат на его проведение, а также информационной составляющей результата, которая приобретает значение для принятия судебного решения. Процессуальные затраты мы связываем с таким принципом судопроизводства, как процессуальная экономия.

Для допроса в режиме видеоконференции процесс восприятия и передачи информации от суда к допрашиваемому и в обратном направлении обеспечен применением технических средств и технологий. Устройства видеозаписи и каналы связи производят передачу и прием информации, ее кодирование и сбережение. Отмечаем, что использование в дистанционном судебном процессе технических средств и применение технологий должно обеспечивать требуемое качество изображения и звука, а также информационную безопасность. Субъектам судебного процесса должна быть гарантирована возможность ставить вопросы и получать ответы от лиц, принимающих участие в судебном заседании дистанционно, реализовывать другие данные им права и исполнять процессуальные обязанности. Также необходимо учитывать и фактор участия работников, обеспечивающих функционирование технических средств видеосвязи между судом и представителем внепроцессуального субъекта.

Акцентируем внимание на факторах, затрудняющих для суда применение тактических приемов допроса. К этим факторам относим, во-первых, значительность дистанции между общающимися субъектами, что не способствует повышению уровня межличностного доверия. Доверительности и доброжелательности присущи специфические функции обратной связи. Но этому не способствует присутствие сторонних наблюдателей (технического персонала, обеспечивающего проведение процессуального действия, или иных лиц) в помещении, где происходит данное действие. Технические условия трансляции дистанционного допроса допускают наличие скрытых от наблюдения суда зон помещения, где находится допрашиваемый. В связи с этим у суда могут возникать подозрения о присутствии в нем посторонних лиц.

Во-вторых, отмечаем, что существенная дистанция между субъектами судебного допроса способствует стереотипизации процесса коммуникативного взаимодействия, что способствует возникновению предубеждения. Если имеет место такая тенденция, то дистанционное общение способом видеоконференцсвязи усложняет адекватное коммуникативное взаимодействие между представителем внепроцессуального субъекта и судом. В-третьих, дистанционный допрос усложняется для суда в плане восприятия отдельных видов информации, в частности, мимической, отображающей психофизиологические реакции допрашиваемого. Таким образом, делаем вывод, что условия дистанционного допроса усложняет реализацию судом тактических приемов, направленных на объективизацию результатов допроса.

Считаем, что специалист (эксперт), участвовавший в работе общественной комиссии, дает разъяснения суду только по процедуре и результатам документирования. Нами обоснована позиция относительно минимизации эмоциональной составляющей заключения общественной комиссии, составленного по результатам документирования, а также в его разъяснениях суду. Важно, что эмоциональность может рассредоточивать внимание суда, других участников судебного заседания, отвлекая их от логической и оценочной аргументации [3, с. 179]. Поэтому поведение специалиста (эксперта) при участии в дистанционном судебном заседании должно быть сдержанным, а его отношение к участникам международного производства толерантным.

Считаем, что эффективность допроса специалиста (эксперта) обеспечивается доступностью его собственной базы знаний и возможностью демонстрировать международному суду ее элементы. В научной литературе высказано мнение, что в период допроса специалисту (эксперту) необходима база знаний в виде информационно-поисковых систем [4, с. 575.]. С этой точки зрения, фактически не имеет значения, где находится допрашиваемый представитель внепроцессуального субъекта – в зале суда или на своем рабочем месте.

Обратимся к принципу процессуальной экономии. Возможность дистанционного участия специалиста (эксперта) в работе международной судебной инстанции способствует динамичному проведению судопроизводства, уменьшению материальных затрат и т.п. В итоге, допрос специалиста (эксперта) в режиме видеоконференции позволит достичь более эффективных результатов судебного рассмотрения международного преступления. Это соответствует и принципу процессуальной эффективности проведения такого судебного действия.

Исследуем результативность дистанционного участия специалиста (эксперта) в работе международной судебной инстанции. Заметим, что достижение желаемого процессуального результата обусловлено максимальным объемом полученной судом актуальной ин-

формации. Потому, во время допроса специалиста (эксперта) такая информация приобретает качество достоверности благодаря использованию специалистом (экспертом) достоверных информационных источников. В международной судебной практике дистанционный допрос производят, когда допрашиваемый находится в специально оборудованном помещении. В практике проведения специальных исследований распространение получают автоматизированное рабочее место (АРМ) эксперта. Рассмотрим возможности допроса специалиста (эксперта) с оборудованного его рабочего места. Очевидно, что используя АРМ в ходе допроса, он может в реальном времени проводить простые эксперименты и измерения и демонстрировать суду их результаты. Таким образом, критерий результативности обеспечивается организацией рабочего места, с которого специалист (эксперт) может давать разъяснения.

К установлению целесообразности данного варианта дистанционного допроса применим критерий производительности труда субъектов международного судебного процесса. Очевидно, что для суда и других участников судопроизводства она остается неизменной как при непосредственном присутствии специалиста (эксперта) в зале судебного заседания, так и в случае дистанционного его участия. Но во втором случае специалисту (эксперту) удается избежать затрат времени, связанных с перемещением в зал судебного заседания. Допрос специалиста (эксперта) в режиме видеоконференции также соответствует критерию рационального использования процессуальных средств. Так, все участники судебного заседания могут внимательно подготовить вопросы специалисту (эксперту) и тщательно анализировать его ответы, поскольку отсутствуют ограничения во времени, связанные с длительностью его командировки. В случае дистанционного участия специалиста (эксперта) обеспечивается спокойная деловая атмосфера за счет исключения эмоциональной составляющей в процессе взаимодействия сторон с допрашиваемым.

Критерий рационального регулирования порядка осуществления правосудия может быть обеспечен и исключением проблем, связанных с предупреждением специалиста (эксперта) об уголовной ответственности за заведомо неправдивые разъяснения, а также проблем контроля за возможным несанкционированным воздействием на него во время дистанционного выступления. Такие проблемы предлагаем преодолевать путем присутствия председателя общественной комиссии в помещении, откуда специалист (эксперт) дает разъяснения суду. Минимизация возможности стороннего воздействия также может быть обеспечена специальным размещением видеокамер, с которых осуществляется трансляция пояснений специалиста (эксперта). Суд, другие участники судебного заседания таким образом могут контролировать поведение специалиста (эксперта) и других присутствующих лиц. Разумное смягчение процессуальных формальностей означает упрощение процедуры получения судом показаний специалиста (эксперта). Специалист (эксперт) считается предупрежденным об ответственности еще с момента вступления в процедуру документирования (об этом он публично делает заявление перед широким кругом общественности через СМИ). Поэтому нет необходимости повторять это в судебном заседании. В дистанционном варианте он только подтверждает на камеру принятие на себя этой ответственности.

Оптимизация такого процессуального действия происходит, кроме прочего, и за счет приобщения к протоколу судебного заседания полной видеозаписи действий, производившихся в период дистанционного допроса специалиста (эксперта). Ускорение судопроизводства также обеспечивается, по нашему мнению, и экономией времени на различного рода согласования, связанные с физическим прибытием специалиста (эксперта) на заседание международной судебной инстанции.

Таким образом, рекомендуем международным судебным инстанциям использовать дистанционную форму видеоконференции для получения разъяснений от представителей общественной комиссии по поводу представленного ею заключения. Критериями принятия решения судом о проведении дистанционного допроса специалиста (эксперта) считаем такие: во-первых, при принятии указанного решения следует опираться на принцип процессуальной эффективности; во-вторых, суд должен уяснить круг вопросов, предусмотреть объем информации, которую ему необходимо получить от специалиста (эксперта); в-третьих, учесть процессуальные затраты на время организации, согласования даты и кандидатур участников, материальные затраты на командировку, а также затраты на обслуживание информационного канала, и т.п. Учитывая это, формулируем рекомендацию производить дистанционный допрос при нахождении специалиста (эксперта) на оборудованном рабочем месте, в присутствии председателя общественной комиссии.

Вышеизложенное дает основания для дальнейшего изучения путей реализации дистанционного участия внепроцессуального субъекта в судебном расследовании и рассмотрении дел судами международной юрисдикции.

Литература: 1. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5. – С. 250-261; 2. Моисеев А.М. Криминалистический подход к документированию военных преступлений // Юристъ-Правоведъ: научно-теоретический и информационно-методический журнал. – № 1(74). – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2016.– С. 55-60; 3. Моїсеєв О.М. Експертні технології: теорія формування і практика застосування: монографія. – Х.: Апостиль, 2011. – 424 с.; 4. Аминев Ф.Г. О некоторых вопросах экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Криміналістика XXI століття : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (25-26 листоп. 2010 р.). – Х.: Право, 2010. – С. 571-575.

Муравьев К. В.

Омская академия МВД России
кандидат юридических наук, доцент
(Омск)

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Смысл всей уголовно-процессуальной деятельности заключается в претворении в жизнь уголовного закона, применение его норм является неотъемлемой и важнейшей частью этой деятельности, а правильное применение уголовного закона является основной задачей уголовного процесса [1, с. 5-8]. Нормы УК служат материально-правовой предпосылкой для уголовно-

процессуальной деятельности: подозрение или обвинение в совершении преступления должны основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, подлежит установлению только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке [2].

Процессуальная деятельность по применению норм УК находит своё проявление не только в приговоре суда, но и в иных актах досудебного и судебного производства. Решения о возбуждении дела, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения и т.п. отражают полученные компетентными органами сведения об установлении (уточнении) того или иного структурного элемента уголовного правоотношения – лежащего в основе юридического факта в виде события (деяния); субъекта отношения (нарушителя норм УК); содержания отношения, проявляемого через права и обязанности субъектов (правонарушителя и государства в лице его органов). Значимым элементом является объект правоотношения. Считаем правильной позицию, что он охватывается категорией «уголовная ответственность» и представляет собой результаты, правовые последствия события (деяния), которое послужило юридическим фактом возникновения соответствующего правоотношения [3, с. 89; 4, с. 22; 5, с. 15; др.]. Перед тем, как применить меру уголовно-правового воздействия государству необходимо официально признать и зафиксировать уголовное правоотношение, т.е. установить юридический факт, его породивший, – событие преступления, и субъекта правоотношения, а также определить конкретное содержание данного отношения, т.е. выяснить, какой уголовно-правовой нормой оно предусмотрено. Эти задачи выполняются, в том числе, и органами предварительного расследования, которые в ряде процессуальных документов фиксируют выявленное уголовно-правовое отношение в виде определенной квалификации [6, с. 7–8].

Н.Н. Полянский отмечал, что принятие принудительных мер в отношении обвиняемого вплоть до лишения его свободы можно оправдать лишь тем, что существует право на наказание действительного виновника преступления, которое составляет предмет дела, и что имеется достаточное основание предполагать, что обвиняемый и есть виновник. Если со времени совершения преступления право наказания преступника уже существует, то со времени обнаружения преступления оно находится в динамическом состоянии, что отраженно сказывается в процессе на отношениях, которые возникают в силу не только уголовно-процессуальной, но и уголовно-правовой нормы. Поэтому, то обстоятельство, что только после вступления приговора в законную силу может быть действительно осуществлено право карательных органов на наказание, не должно вызывать сомнения в его существовании до вступления приговора в силу [7, с. 259]. Схожее мнение высказывает Ф.Н. Фаткуллин. Он отмечает, что уголовная ответственность в широком смысле включает в себя и обязанность совершившего преступления лица нести всю тяжесть публичного разоблачения; меры пресечения применяются к обвиняемому только в одном случае – в случае совершения лицом преступления. Таким образом, закон (в качестве последствия совершения преступления) предусматривает помимо наказания, и другие меры государственного принуждения [8, с. 15]. По справедливому мнению А. И. Марцева, формой уголовной ответственности являются не только уголовные и исправительно-трудовые (ныне – уголовно-исполнительные), но и уголовно-процессуальные правоотношения, поскольку её сущность состоит как в процессе реализации, так и в процессе применения наказания. В своем развитии уголовная ответственность проходит несколько этапов. На первой стадии – государство в лице своих органов предъявляет правонарушителю обвинение, устанавливает рамки карательно-воспитательного воздействия, которое будет применено судом, определяет меры государственного принуждения, отвечающие целям недопущения уклонения виновного от ответственности и препятствования расследованию уголовного дела. Вторая стадия характеризуется судебным рассмотрением дела о преступлении и назначением виновному наказания. Третья – состоит в реальном исполнении назначенного судом наказания и претерпевании осужденным тягот и лишений, составляющих его содержание [7, с. 18–22]. Н.А. Огурцов пишет, что именно с момента применения к обвиняемому мер пресечения начинается государственное принуждение за совершенное преступление, заключающееся в ограничении личной свободы и иных интересов граждан, то есть с этого момента и осуществляется уголовная ответственность [10, с. 162]. И.И. Карпец рассматривает избрание меры пресечения в качестве составной части индивидуализации уголовной ответственности [11, с. 28]. Аналогичные позиции высказывали и иные авторы.

Относить меры пресечения к средствам реализации уголовной ответственности позволяют многие общие признаки: схожесть характера возлагаемых на преследуемых лиц ограничений воздействию, оказываемому при исполнении наказаний, установление зачета времени применения некоторых мер пресечения в сроки наказания (ч.ч. 3–5 ст. 72 УК, ч. 10 ст. 109 УПК), возложение обязанности исполнения отдельных мер пресечения на органы, которые осуществляют функции по контролю и надзору в сфере уголовных наказаний в отношении осужденных (напр., ч. 10 ст. 107 УПК) и др.

Полагаем, что отнесение мер пресечения к средствам реализации уголовной ответственности соответствует ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК. Используемая в данных нормах конструкция «считается невиновным» не исключает виновности обвиняемого, но вводит в действие опровергаемую презумпцию невиновности. В ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека вовсе отмечается, что «обвиняемый в совершении преступления имеет право считаться невиновным…». Обращая внимание на то, что отнесение мер процессуального принуждения к уголовной ответственности не противоречит презумпции невиновности, А. В. Наумов, отмечает, что «суд не "создает" состав преступления, а регистрирует, устанавливает его». Если вынесением обвинительного приговора подтверждено установление в действиях лица состава преступления, «тогда заключение под стражу засчитывается в срок наказания в виде лишения свободы, назначенного судом, так как в соответствии с приговором эта мера гос-

ударственного принуждения была применена к лицу, действительно совершившему преступление. Меры пресечения, следовательно, органически входят в уголовную ответственность, становятся её частью. Взгляд на меры пресечения как разновидность части уголовной ответственности влечет за собой повышенную ответственность и более повышенное отношение практических работников к применению мер пресечения» [12, с. 57–60].

Решение об избрании меры пресечения, как и любое иное решение, связанное с применением уголовного закона в ходе процессуальной деятельности, основывается на гипотетических выводах о том, что имеет место деяние, соответствующее признакам состава преступления. Предварительная юридическая оценка деяния позволяет уяснить пределы применения санкции уголовно-правовой нормы, выступает необходимым условием для оказания соразмерного наказанию воздействия на лицо, обоснованно подозреваемое в совершении преступления. Например, по общему правилу, заключение под стражу может быть применено в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК).

Обоснованные подозрения о причастности лица к преступлению свидетельствуют о высокой степени вероятности применения к данному субъекту карательных ограничений по окончании процесса, и тем самым выступают необходимыми условиями применения мер пресечения. Вместе с тем, наличие в действиях лица состава преступления, т.е. основания уголовной ответственности, еще не свидетельствует о необходимости приведения в действие процессуального института мер пресечения, не предполагает появление обязанности использования правоприменителем или несения обвиняемым тяжести данной формы принуждения [13, с. 9]. Для оказания воздействия в ходе процессуальной деятельности требуются обстоятельства, дающие достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый совершит деяние, препятствующее производству по делу (ст. 97 УПК).

Вместе с тем, считаем, что назначение мер пресечения не ограничивается обеспечением нормального хода уголовного судопроизводства. Полагаем, что при избрании мер пресечения необходимо руководствоваться не только уголовно-процессуальными целями, но также и мотивами охраны интересов государства, общества и личности от преступных посягательств, предупреждения преступлений. Например, «уголовно-правовое» значение мер пресечения проявляется при их избрании в целях исключить продолжение преступной деятельности обвиняемого, подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК), предупредить совершение им новых преступлений (ч. 1 ст. 106 УПК). Цель, вытекающая из ч. 2 ст. 97 УПК («для обеспечения исполнения приговора») направлена на создание гарантий для исполнения наказания по уже постановленному приговору (в соответствии с п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК для обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд одновременно с постановлением этого приговора вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию). Предупреждение попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу или уклониться от участия в нем (п. 1 и п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК) требуется не только для надлежащего процесса доказывания и явки преследуемых лиц к органам, ведущим производство. Установление фактических обстоятельств происшедшего, участие обвиняемого в уголовном процессе являются предпосылками для последующей реализации уголовного закона, а, следовательно, требуются для обеспечения возможности исполнения предполагаемого наказания в будущем.

Таким образом, меры пресечения, как и средства уголовно-правового воздействия, предусмотренные уголовным законом, содействуют охране интересов государства, общества и личности от преступных посягательств и участвуют в общем и специальном предупреждении преступлений, т.е. способствуют решению задач ст. 2 УК. А.И. Марцев отмечал, что «уголовно-процессуальное законодательство, определяя порядок привлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, порядок расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде, в тоже время указывает на те неблагоприятные последствия, которые возникают для обвиняемого и подсудимого в связи с избранием в отношении его меры пресечения», а «сам факт привлечения к уголовной ответственности, реализация принуждения в отношении лица, совершившего преступление, воспитательное воздействие на него в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства создают предпосылки и обусловливают несовершение новых преступлений со стороны этого человека» [8, с. 36, 49]. Позиция о том, что при исполнении мер пресечения на преследуемых предполагается оказание воспитательного и морально-психологического воздействия, имеет большое число сторонников [14, с. 67–68; 15, с. 51–52; др.].

Рассмотрение мер пресечения в качестве средств реализации уголовной ответственности дает возможность предложить изменения в УПК относительно целей, оснований и условий избрания мер пресечения, регламентации в законе процессуальных сроков применения к подозреваемому, обвиняемому любых, а не только самых строгих, мер пресечения, а также закрепления справедливых формул зачета времени их применения между собой и в сроки наказания.

Литература: 1. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 5–8; 2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П // СПС КонсультантПлюс; 3. Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения // Сов. гос. и право. 1974. № 1. С. 88–90; 4. Нечепуренко А.А. Уголовная ответственность: эволюция и перспективы законодательного регулирования: монография. – Омск: ОмА МВД России, 2014. – 175 с.; 5. Фильченко А.П. Реализация уголовной ответственности: проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/ рассогласования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2014. – 44 с.; 6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.; 7. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.; 8. Марцев А.И. Избранные труды. – Омск: Омская академия МВД России, 2005. – 272 с.; 9. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. – Казань: Изд-во Казанского ун-та,1965. –532 с.; 10. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1975. 206 с.; 11. Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1961.

– 152 с.; 12. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.; 13. Еникеев З.Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения. – Уфа: Башкирский университет, 1979. – 88 с.; 14. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1964. – 138 с.; 15. Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: днс. … канд. юрид. наук. – Омск, 2015. – 250 с.

Муратов К. Д.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
кандидат юридических наук
(Симферополь)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХРАНЕНИЯ, УЧЕТА И ПЕРЕДАЧИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Правовое регулирование современных правоотношений, возникающих при расследовании уголовных дел, распространяется на многочисленные правовые ситуации, которые затрагивают права и законные интересы как участников уголовного процесса, так и иных лиц. Необходимо учитывать, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующие уголовное судопроизводство. Нормативно-правовая основа охраны собственности физических и юридических лиц охватывается нормами гражданского, административного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, универсальность общепризнанных международных принципов предполагает их применение и в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью. Процессуальные формы обнаружения похищенных предметов, ценностей, а также средств и предметов преступления (обыск, выемка, наложение ареста на имущество) могут затронуть конституционные права граждан, а приобщение их в качестве вещественных доказательств имеет существенные правовые последствия в виде возможной конфискации имущества, возвращению законным владельцам или уничтожению (реализации, утилизации). Представляется, что необходимо дать анализ видов вещественных доказательств, которые позиционируются в федеральном законодательстве и подзаконных нормативных актах. Кроме того, необходимо учитывать и опыт правового регулирования возвращения предметов, документов, культурных ценностей в соответствии с международными договорами, в которых особо оговаривают условия исполнения этих процессуальных действий в порядке оказания взаимной правовой помощи [1, С.138-146.].

Изучение практики показало, что проблемы хранения вещественных доказательств и определение их судьбы являются дискуссионными и нуждаются дальнейшем законодательном совершенствовании. Так, на вопрос «Где Вы храните изъятые предметы или документы, ценности ил другие объекты?» большинство следователей из разных регионов России ответили – «в местах, указанных в Инструкции о порядке хранения вещественных доказательств» (от 60 до 68%). Следующий распространённый ответ следователей – «в специальной комнате вещественных доказательств» (от 35 до 44%) [2]. Действительно существует целый ряд ведомственных Инструкций о порядке хранения вещественных доказательств, который порой противоречат и друг другу и действующему законодательству. Так, ведомственное регулирование правоотношений, связанных с хранением, учётом и передачей вещественных доказательств можно проследить, например, с Инструкции Прокуратуры СССР и Народного Комиссариата Юстиции СССР от 17 ноября 1943 г. N 90/86 "О порядке изъятия, хранения и сдачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества органами расследования и судами", которая признана утратившей силу в связи с принятием Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами, утвержденной Генпрокуратурой СССР, МВД СССР, Минюстом СССР, Верховным Судом СССР, КГБ СССР 18 октября 1989 г. N 34/15. Затем органы прокуратуры России решают унифицировать все процедуры по судьбе вещественных доказательств [3]. Перед прокурорскими работниками при исследовании данной проблематики при анкетировании был поставлен вопрос – «Необходимо ли определить формы прокурорского надзора за правовыми последствиями изъятых предметов и документов (хранение вещественных доказательств, возвращение законному владельцу, уничтожение)?». «Да» - ответили от 33 до 49% прокуроров из разных регионов России. На следующий вопрос –«если – да, то какие формы?» прокурору ответили так: 1) «Письменные указания о возврате предмета или документа» (до 32 %), 2) «посещение мест хранения предметов и документов» (до22%) [4]. После создания Следственного Комитета России вопросов о хранении вещественных доказательств стало не меньше, в связи с чем было принято решение о создании отдельного приказа, регулирующего порядок работы с изъятыми предметами и документами [5]. Однако в литературе поднимается ещё одна проблема – возмещение расходов [6] по демонтажу, хранению, пересылке, перевозке вещественных доказательств, которые отнесены к процессуальным издержкам (п.6 ч.2 ст.131 УПК РФ) и финансовое обеспечение данных расходных обязательств осуществляется за счёт бюджетных ассигнований (Федеральный закон от 7 июня 2013 года №122-ФЗ).

Достаточно много проблем при изъятии, хранении и судьбе вещественных доказательств в сфере таможенных правоотношений. Известно Методическое письмо ГТК РФ "О соблюдении таможенного и уголовно-процессуального законодательства при обращении с вещественными доказательствами" от 5 мая 1994 г. N 01-13/4914, в котором говорилось о взаимоотношениях по данным вопросам таможенных органов с иными правоохранительными органами при осуществлении производства по делам в отношении юридических лиц и расследовании уголовных дел в отношении работников этих лиц. Затем ГТК РФ формулирует и принимает Письмо от 23 февраля 1996 г. N УБТП-11-02/493 « О некоторых вопросах хранения таможенными органами и выдачи следователям вещественных доказательств (с изм., внесенными Приказом ГТК РФ от 17.07.2002 N 758.

25 декабря 2006г. Федеральной таможенной службой РФ был принят Приказ №1363 «Об утверждении инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, пере-

дачи и уничтожения вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам и материалом проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации», где достаточно подробно регламентируются многочисленные правовые ситуации, возникающие при работе с вещественными доказательствами. Изучение судебной практики показало, что не должное хранение вещественных доказательств может привести к нарушению прав и законных интересов собственников и противодействовать расследованию. Так, сотрудника Татарстанской таможни гр.Ш. был осужден за хищение вещественных доказательств. Сумма украденного превышает 4 млн. рублей.

В Казани в Приволжский районный суд передано уголовное дело в отношении сотрудника Татарстанской таможни Марата Шакирзянова, обвиняемого в совершении кражи в особо крупном размере. Как сообщает старший помощник руководителя Приволжского следственного управления на транспорте СКР Дмитрий Захаров, таможенника обвиняют в совершении преступлений, предусмотренных п.«в» ч.3 и п.«б» ч.4 ст.158 УК РФ («Кража, совершенная в крупном и особо крупном размере»). По версии следствия, с марта по август 2015 года он похитил из камеры хранения вещественных доказательств по делам об административных правонарушениях денежные средства, в том числе в иностранной валюте, на сумму более 4 млн. рублей. Вместо денег обвиняемый оставил «куклы» из обрезков бумаги. Похищенное он проиграл в казино в игорной зоне «Азов-Сити» на границе Краснодарского края и Ростовской области [7].

Интересна проблема возвращения вещественного доказательства. Так, в 2003 г. в Санкт-Петербурге по подозрению в контрабанде был задержан коллекционер Александр Певзнер - гражданин Германии [8]. Поводом для задержания послужил ввоз А. Певзнером картины, принадлежащей кисти Карла Брюллова «Христос во гробе". По факту незаконного ввоза было возбуждено уголовное дело, по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (статья утратила силу в соответствии с Федеральным законом о т 7 декабря 2011г.№420-ФЗ). Картина в качестве вещественного доказательства была передана на хранение в Русский музей, в котором и находится на протяжении 7 лет (информация на 2010г.) Не согласившись с инкриминируемым деянием через 7 лет после задержания и ареста картины, был вынужден обратиться в Конституционный суд РФ с заявлением о признании противоречащей Конституции РФ ч. 2 ст. 188 УК РФ. Затем было принято Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. N 1713-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Певзнера Александра Евсеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации" [9]. Представляется, что только совершенствование уголовно-процессуального законодательства может создать гарантии прав собственника изъятого и арестованного имущества.

Принято ряд Постановлений правительства, которые продолжают нормативное регулирование порядка определения судьбы вещественных доказательств: о порядке хранения арестованного и изъятого имущества [10], о перечне изъятых товаров лёгкой промышленности [11], о судьбе вещественных доказательств, хранении которых затруднено [12], об условиях хранения вещественных доказательств по уголовным делам [13].

Таким образом, представляется, что процессуальные процедуры хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны быть строго регламентированы уголовно-процессуальным законодательством.

Литература: 1.Муратов К.Д. Международное сотрудничество в сфере розыска и возвращения культурных ценностей//Социальное государство и основные направления современной российской правовой политики: Материалы ежегодного межвузовского Круглого стола (г.Казань, 28 мноября 2014г.) под общ.ред.к.ю.н., зав.кафедрой теории и истории государств и права Степаненко Р.Ф. – Казань: Издательский центр Университета управления «Тисби», 2015 – С.138-146; 2.Приложение № 4,7,9, 11 к тексту диссертации на соискание ученой степени к.ю.н.: Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам - дисс.к.ю.н.,Казань, 2011. (Следователи СУ СК РФ по РТ, СУ СК РФ по Нижегородской области, СУ СК РФ по Меспублике Марий ЭЛ, СУ СК РФ по Удмуртской Республике, ГСУ МВД по РТ); 3.Приказ от 7 июня 2006 г. N 29 « Об утверждении временной инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации»; 4.Приложение №3,8,10 к тексту диссертации на соискание ученой степени к.ю.н.: Муратов К.Д., указ.соч; 5.Приказ от 30 сентября 2011 г. № 142 "Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации"; 6.Слободин А.В. Возмещение расходов на хранение вещественных доказательств. Кто обязан их возместить? // Арбитражная практика" № 6(2013 г.); 7.«В Казани осудят таможенника, укравшего и проигравшего вещественные доказательства» - Казань, 16 февраля, «Татар-информ»- http://www.tatar –inform.ru – дата обращения 27.03.2016; 8. http://rupo.ru/ m ; http://meta.k2; http://www.gos-ur.ru ; http://lipcer.ru – дата обращения 27.03.2016; 9. Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/1799451/#ixzz446wamFHW; 10. Постановление Правительства РФ от 07.07.98 N 723 (ред. от 30.12.2005) "ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОРЯДКЕ И УСЛОВИЯХ ХРАНЕНИЯ АРЕСТОВАННОГО И ИЗЪЯТОГО ИМУЩЕСТВА" (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2005 N 847); 11. Постановление Правительства РФ от 7 марта 2014года №180 «Об утверждении перечня товаров лёгкой промышленности, изъятых из незаконного оборота или конфискованных при производстве по уголовным делам или делам об административных правонарушениях и подлежащих уничтожению, а также о порядке их уничтожения»; 12. Постановление Правительства РФ от 23 августа 2012г. № 848 г.Москва «О порядке реализации и ли уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено»; 13. Постановление Правительства РФ от 8 мая 2015 г.№449 «Об условиях хранения, учёта и передачи вещественных доказательств по уголовным делам».

Муратова Н. Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
доктор юридических наук, профессор
(Казань)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность тематики: Конституционные основы судебной защиты в сфере уголовного судопроизводства обеспечивают правовой механизм реализации прав и свобод личности, а также прав и законных интересов юридических лиц при расследовании и рассмотрении уголовных дел по существу. Возможность осуществления судебного контроля в досудебном и судебном производстве по действующему УПК РФ, его формы, процедуры, сущность промежуточных судебных актов, проблемы их исполнения - традиционно являются дискуссионными и востребованными в научных достиже-

ниях уголовно-процессуального права. Если обратиться к авторскому определению систему судебного контроля, данного в 2004г. при защите докторской диссертации, то можно заметить, что совершенствование системы контроля за эти четырнадцать лет действия УПК РФ не прекращалось. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве - это организованная (упорядоченная) совокупность: а) юридических фактов, порождающих правоотношения в сфере контрольно-проверочной судебной деятельности; б) уголовно-процессуальных норм, регламентирующих данную деятельность; в) судебных органов, полномочных принимать решения; г) уголовно-процессуальной деятельности субъектов возникающих при этом правоотношений, направленной на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц и обеспечивающей целостное функционирование судебной власти в уголовном судопроизводстве [1,163-164]. Полномочия суда в ходе досудебного производства в течение действия УПК РФ с 1 июля 20102г. увеличены, в частности, в сфере правоотношений, касающейся собственности (выемка в ломбарде, об установлении срока ареста, наложенного на имущество; о реализации, утилизации или уничтожении вещественных доказательств), а также в сфере повышения гарантий от возможного вторжения в личную жизнь (о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами). Кроме того, в ряде государств-участников СНГ приняты новые уголовно-процессуальные кодексы, в которых предусматривается должность следственного судьи, полномочного разрешать правовые споры о законности и обоснованности производства следственных действий и осуществлять судебных контроль за обоснованностью применения принуждении (Украина, Казахстан).

Конституционные основы. Конституционный Суд Российской Федерации своими решениями обеспечил понимание судебного контроля в уголовном судопроизводстве как формы правосудия и судебной защиты, которая фокусирует в себе целое сплетение различных общественно-социальных проблем и свидетельствует о необходимости дальнейшего формирования новых идей, взглядов, подходов к реализации судебной власти в уголовной юстиции и ее перспективах в современном обществе. Анализ правовых ситуаций, возникающих в досудебном и судебном производствах, позволил Конституционному Суду РФ отметить, что соблюдение принципов равенства и справедливости, которые имеют универсальный характер и оказывают регулирующее воздействие на все области общественных отношений, позволяет не допускать использования средств уголовного и уголовно-процессуального законов для несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовной ответственности [2, 1-34].

Конституционным Судом РФ подчеркивается необходимость обеспечения прав и свобод граждан в уголовном процессе особо и применительно к стадии предварительного расследования. Так, например, при решении вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей (ст.109 УПК РФ) суд должен исходить не только из обоснованного подозрения о совершении преступления, но также из обстоятельств, оправдывающих необходимость его содержания под стражей (возможность оказания давления на свидетелей, опасение, что подсудимый скроется от правосудия, может совершить новое преступление и т.д.), а также важности предмета разбирательства, сложности дела, поведения обвиняемого и иных факторов [3,1-34].

Состояние проблемы. При применении норм УПК РФ, регламентирующих проверку законности и обоснованности процессуальных решений в досудебном производстве, необходимо помнить о правовых положениях Конституционного Суда РФ о том, что проверка судом процессуальных актов органов предварительного расследования на досудебной стадии производства по уголовному делу не должна затрагивать вопросы существа конкретного дела. Иное не только противоречило бы конституционному принципу независимости суда, гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам, но и означало бы подмену судебного разбирательства по уголовному делу параллельным производством, создавало бы неопределенность и нестабильность в правовых отношениях и не обеспечивало бы справедливость судебного решения [4,1-34]. В литературе порой отмечается, что судами взят курс на «беспробельность» судебного контроля, обосновывая это возможностью обжаловать в соответствии со ст.125 УПК РФ практически любой акт органов предварительного расследования и прокуроров [5,221]. Однако, новый УПК РФ 2001г. достаточно четко определил предмет и формы судебного контроля в досудебном производстве. Под контролем суда оказались три ключевых направления защиты прав и свобод личности, прав и законных интересов юридических лиц: во-первых, дан перечень следственных и процессуальных действий и решений, осуществляемых при наличии судебного решения (предварительный судебный контроль) или получении судебного решения после их производства (последующий судебный контроль); во-вторых, определен предмет судебного обжалования – действия и решения, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию; в-третьих, определен законодательный и правоприменительный судебный механизм рассмотрения жалоб и ходатайств.

Законодательная и правоприменительные модели. После принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ ОТ 09.02.2009г. [6] через несколько лет законодатель создал правовой механизм регулирования судебной процедуры обжалования, внедрив в УПК РФ новую статью 125.1. «Особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб» УПК РФ. Правовому регулированию подверглись – жалобы на постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, если состав преступления декриминализирован до вступления приговора в законную силу, а также, если прекращено уголовное преследование лицу, не достигшего возраста уголовной ответственности или его отставание в психическом развитии не позволяет ему в полной мере осознавать общественную опасность своих действий (ч.1 тс.125.1 УПК РФ). Федеральным законом от 30 декабря 2015года изменена часть первая ст.125 УПК РФ, в которой более четко получили правовое регулирование характер направленности обжалуемых в суде действий и решений. Конституционный Суд РФ подчеркнул конституционность регулирования права на обжалование по ст.125 УПК

РФ и указал на то, что при использовании нормы понятия, определяющие круг обжалуемых действий и решений, наполняются содержанием в зависимости от фактических обстоятельств уголовного дела и с учетом их толкования в правоприменительной практике и решения, принимаемые по жалобам граждан в порядке ст.125 УПК РФ, не должны быть произвольными [7, 1-34].

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что ни суд первой инстанции, ни суд надзорной инстанции, рассматривая жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу [8, 1-34].

Проблемы правового регулирования системы судебного контроля затрагивают предмет судебного обжалования, судебные процедуры, возрождение в России фигуры судебного следователя, исполнение судебных решений и их правовые последствия. Эти дискуссионные вопросы активно обсуждаются на научных форумах. В частности, на Всероссийской межведомственной научно-практической конференция 28-29 мая 2012г. (г. Нижний Новгород) судья Нижегородского областного суда, кандидат юридических наук Ярцев Роман Валерьевич в целой серии своих докладов подробно изложил правоприменительные проблемы судебного контроля в досудебном производстве, осуществил мониторинговые исследования и доказал необходимость дальнейшего совершенствования судебных процедур судебного контроля [9, 335-374].

На Круглом столе 15 марта 2015г. в Комитете гражданских инициатив по теме «Возрождение института следственных судей в России: идеи и пути реализации» законопроект о следственных судьях представил советник Конституционного Суда РФ профессор Александр Витальевич Смирнов. Профессор, доктор юридических наук Тамара Георгиевна Морщакова также не однократно выступила с предложениями об обсуждении законопроекта о создании следственных судей в России [10]. Действительно, следственный судья - известная процессуальная фигура по уголовно-процессуальному законодательству зарубежных стран. В Литовской республики судья досудебного производства - полномочен на производство ряда процессуальных действий и решений – назначение экспертизы в досудебном расследовании, арест, временное задержание, обыск, выемка почтовых отправлений, временное ограничение прав собственника, контроль и запись телефонных переговоров (ст. 19 УПК Литовской Республики). В Латвии следственный судья - полномочен разрешать применение мер принуждения (ст.41), а также на несколько иные решения: решение о приобщении к уголовному делу по ходатайству защиты не приобщенных материалов (п.8 ч.1 ст.41), решение о производстве специальных следственных действий (п.4 ч.1 ст.41): контроль легальной корреспонденции, контроль средств связи, контроль электронных данных, контроль транслируемых данных, аудиоконтроль места или лица, видеоконтроль места, наблюдение и слежка за лицом, наблюдение за объектом, специальный следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, контроль преступной деятельности (п.10 ч.2 ст.26 Уголовно-процессуальный закон от 11 мая 2005г.). Новый УПК Украины вводит новую фигуру - следственного судьи и определяет его как судью суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве (ст. 3 Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012. №4651-V1). В Республике Казахстан также предусматривается должность следственного судьи - судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве (ч.3 ст.54 Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 №231-V). Во Франция следственный судья полномочен производить в соответствии с законом все следственный действия, которые он сочтен необходимым для установления истины (ст.81 УПК Франции от 2 марта 1958г.) Кроме того, Законом №2000-516 2000г. «О защите презумпции невиновности и прав потерпевших» введена фигура судьи по свободам и заключению. В Австрии следственный судья может проводить дознание и активно участвовать в производстве предварительного следствия, принимая решения по вопросам применения мер уголовно-процессуального принуждения и рассмотрения жалоб участников процесса (параграф 113 УПК Австрийской Республики 1975г.); 23 марта 2004г. был принят новый УПК Австрии, который вступил в силу 1 января 2008г. В Италии правовые гарантии лиц, находящиеся под следствием, а также ограничительные действия по отношению к их личной свободе решается следственным судьей, который не участвует в расследовании (УПК Италии 1988г.).

Выводы автора. Действующее уголовно-процессуальное законодательство при осуществлении правового регулирования института судебного контроля в досудебном и судебном производстве должно базироваться на правовых позициях Конституционного Суда РФ о применении норм уголовно-процессуального права в системе действующих норм. Правое регулирование смежных (межотраслевых) правоотношений, которые вытекают из уголовно-процессуальных, должно осуществляться комплексно и поэтапно. Представляется, что можно выделить следующие этапы: первый- систематизирующий, в ходе которого законодательно определяется межотраслевые институты (например, преюдиция, реабилитация, возмещение еда потерпевшим, привлечение к ответственности малолетних, лишение права (временное) заниматься определенной деятельностью и занимать определённую должность, оперативно-розыскная деятельность, арест имущества, сохранность вещественных доказательств); второй – правоустанавливающий, в ходе которого необходимо законодательно установить права и обязанности участников межотраслевых отношений в сфере гражданского, уголовного, административного судопроизводств при реализации системы судебного контроля; третий – правоприменительный, в ходе которого определяется подсудность межотраслевых споров и значение судебных решений, их приоритетность и правовые последствия для разрешения смежных правоотношений; четвертый – правореализационный - введение в судебную систему России должности следственного и пенитерциарного судьи, полномочными разрешать правовые споры в правовом конфликте при применении мер принуждения или об ограничении конституционных прав и доступа к правосудию (проекты двух федеральных законов о след-

ственном судье и о пенитенциарном судье представлены автором при защите докторской диссертации в 2004году в качестве Приложений в работе).

Литература: 1. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики – Дисс…д.ю.н., Казань, 2004. – С.163-164. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики – Автореф…д.ю.н., Екатеринбург, 2004. – С.163-164; 2.Здесь и далее по сноскам применяется Информация КС РФ «"Развитие судебной системы Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты"(стр.1-34) : Постановления от 27 апреля 2001 года N 7-П, от 13 марта 2008 года N 5-П, от 27 мая 2008 года N 8-П, от 10 ноября 2009 года N 17-П, от 27 ноября 2009 года N 18-П и другие. (Определение от 17 января 2013 года N2-О) - Информация КС РФ «"Развитие судебной системы Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты" (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2012 - 2013 годов)//(подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации; одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2014). Документ предоставлен Консультант Плюс www.consultant.ru - Дата сохранения: 28.01.2015; 3.Определение от 24 декабря 2012 года N 2323-О, Постановление от 13 июня 1996 года N 14-П; определения от 25 декабря 1998 года N 167-О; от 15 мая 2002 года N 164-О; от 6 июня 2003 года N 184-О; от 16 ноября 2006 года N 547-О; от 19марта 2009 года N 271-О-О и от 18 октября 2012 года N 1904-О; 4.Определение от 5 марта 2013 года N 345-О; постановления от 23 марта 1999 года N 5-П и от 14 июля 2011 года N 16-П; определения от 27 декабря 2002 года N 300-О, от 22 октября 2003 года N 385-О, от 16 марта 2006 года N 79-О , от 23 июня 2009 года N 889-О-О, от 27 мая 2010 года N 633-О-О, от 20 октября 2011 года N 1430-О-О, от 1 марта 2012 года N 426-О-О и другие. Информация КС РФ, 2014. 5.Адвокатура в России / Под ред Демидовой Л.А., Сергеева В.И. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – С.221; 6.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009. №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст.125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; 7.Определение от 22 ноября 2012 года N 2052-О) См. также Определение от 27 мая 2010 года N 632-О-О); 8.Определение от 1 марта 2012 года N 426-О-О) См. также Постановление от 23 марта 1999 года N 5-П и определения от 2 июля 2009 года N 1009-О-О и от 17 декабря 2009 года N 1636-О-О; 9.Ярцев Р.В. Правовой мониторинг применения судами г.Нижнего Новгорода и Нижегородской области средств правовой защиты в порядке ст125 УПК РФ (извлечение) (С.334-354); Ярцев Р.В., Кузовков Д.С. Правовой мониторинг как средство регулирования института судебного контроля в ходе досудебного производства (С.-335-360); Ярцев Р.В., Терина В.А. Предварительная подготовка к судебному заседанию при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ (С. 261-264); Ярцев Р.В., Хутрин Д.О. Рассмотрение жалоб на решения суда первой инстанции, постановленные по правилам статьи 125 УПК РФ, в кассационном порядке (с.365-370) //Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования: Материалы Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция 28-29 мая 2012г./ Под редакцией А.В.Бондара, Р.В.Ярцева – Н.Новгород ,2013. – 374 с.

Олейник Е. Ю.
Иванченко Е. Д.
Морозов И. С.
Соколова И. Ф.
кандидат медицинских наук, доцент
Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДТП

Успешное расследование транспортных происшествий во многом определяется своевременностью назначения и проведения различного рода экспертиз, в том числе и судебно-медицинской.

Проблема увеличения автотранспортного травматизма продолжает оставаться актуальной, что связано, прежде всего с ростом автомобильного парка, а также с не соблюдением правил дорожного движения как водителями, так и пешеходами, наличием состояния алкогольного опьянения у всех участников дорожного движения и многими другими факторами (со-стояние дорог, скорость и т.д.).

Промедление в назначении судебно-медицинской экспертизы влечет за собой изменение или безвозвратную утрату признаков, представляющих ценность для установления наличия повреждений, их расположения, механизма образования и давности причинения [1].

Для того чтобы выполнить судебно-медицинскую экспертизу на вы-соком научно-методическом уровне и дать исчерпывающие и мотивирован-ные ответы на вопросы, интересующие следственные органы, судебно-медицинскому эксперту необходимо получить полноценную информацию об обстоятельствах происшедшего [2,3].

К серьезным недостаткам, лишающим возможности ретроспективно оценить механизм возникновения травмы по имеющимся телесным повреждениям, следует отнести случаи, когда выводы эксперта делаются без учета схемы дорожно-транспортного происшествия, протокола осмотра места происшествия, осмотра транспортного средства. Отсюда часто мы имеем дело со схематическими трафаретными выводами эксперта и, как правило, однотипным толкованием механизма образования повреждений. В своих выводах эксперт обычно указывает, что обнаруженные при исследовании повреждения могли возникнуть от воздействия частей движущегося транспортного средства, при этом не указываются фазы и последовательность травматизации, а также, какими частями автомобиля причинены те-лесные повреждения, в каком положении по отношению к транспортному средству находился потерпевший в момент ДТП.

Следователю при назначении экспертиз не следует ограничиваться лишь постановкой общих вопросов, важно сразу наиболее полно и четко определить задачи судебно-медицинского эксперта. В некоторых случаях предпочтительна версионная постановка вопросов перед ним. Если задаются вопросы о наличии заболеваний у потерпевшего, особенно зрения и слуха, необходимо предоставить эксперту медицинскую документацию на по-терпевшего, оформляющуюся в течение его жизни (амбулаторные карты, истории болезни)[4].

Важно отметить, что только присутствие следователя при проведении первичной судебно-медицинской экспертизы трупа в случаях неочевидных обстоятельств дает ему возможность непосредственного получения важной исходной информации, порой сразу направляющей следствие по верному пути.

При освидетельствовании живых лиц с повреждениями, которые были причинены в процессе ДТП, судебно-медицинский эксперт исследует повреждения на теле живого лица, определяет причиненный вред здоровью, а также механизм образования, что является

существенной деталью, кото-рая приводит в действие механизм расследования ДТП.

Важное значение для следователя при расследовании ДТП имеют данные, полученные в результате автотехнической экспертизы. К ним относятся: техническое состояние автомобиля, сведения о нагрузке автомобиля; установившееся замедление технически исправного (неисправного) автомобиля при торможении на горизонтальном участке дороги; время запаздывания срабатывания тормозного привода автомобиля; время нарастания замедления автомобиля; время реакции водителя автомобиля при выборе скорости движения по условиям видимости; видимость элементов дороги; видимость пешехода; максимально допустимая в данных дорожных условиях скорость движения автомобиля; время движения пешехода до наезда с момента выхода на проезжую часть с правого тротуара; ситуационное время реакции водителя автомобиля.

Анализируя все случаи расследования преступлений в отношении граждан, пострадавших в условиях ДТП, следует отметить, что осмотр транспортного средства после наезда на пешехода, проводится с нарушением действующих методик. В материалах дела, как правило, отсутствуют данные осмотра деталей днища автомобиля, внутренней поверхности колес с полным осевым прокручиванием их. Фактически поиск следов крови, во-лос, фрагментов одежды и иных вещественных доказательств, имеющих отношения к ДТП, следователем не проводится, а в целом, осмотр транс-портного средства является незавершенным. Осмотр днища автомобиля следует проводить всегда в случаях ДТП с участием пешехода. С учетом этих сведений, экспертами с большей степени достоверности решается вопрос о механизме травмы.

Следует отметить, что судебно-медицинскому эксперту не всегда предоставляются результаты автотехнической экспертизы. Мы считаем, вполне оправданным в сложных случаях ДТП назначать комплексные экспертизы с участием различных специалистов – это расширяет возможности экспертизы в плане решения корреляционных вопросов. Такая экспертиза позволяет выявить соответствие повреждений на теле и транспортном средстве, придать достоверность механизму травмы с моделированием фазности ДТП. Целесообразность такого подхода следователя к расследованию происшествий подтверждается объективностью принятых решений.

В 2015 году, по нашим данным, было проведено 43 комплексные экспертизы, то есть 15% от общего числа судебно-медицинских экспертиз отдела сложных экспертиз.

Комплексные экспертизы назначались как в случаях травмы, так и при неясных обстоятельствах конкретной травмы, когда имеются противоречия в показаниях участников ДТП, или сведения вообще отсутствуют. Часто к противоречивым показаниям водителя и свидетелей следует отнести направление движения пешехода, которое по сведениям очевидцев менялось в процессе приближения транспортного средства. Эти данные, часто выдвигаются водителями автотранспорта, которые отмечают, что причина столкновения автомобиля с пешеходом заключается в неадекватном поведении потерпевшего, изменившим в последний момент свое направление движения. Вынося подобный вопрос на рассмотрение судебно-медицинскому эксперту, следователь должен иметь в виду, что задачей судебно-медицинской экспертизы является установление положения потер-певшего по отношению к транспортному средству в момент столкновения. Объем повреждений, возникших при ударном травматическом воздействии выступающих частей автомобиля, относятся к достоверным судебно-медицинским признакам автотравмы пешехода. Факты (даже установленные следствием) изменения направления движения пешехода перед столкновением никаких судебно-медицинских признаков не имеют, в связи с чем, экспертной комиссией рассматриваться не могут.

Назначение комплексных экспертиз позволяет использовать возможности и знания специалистов, в том числе криминалистов, проводить следственные эксперименты, воспроизведение обстоятельств события и учитывать результаты других следственных действий.

Следственный эксперимент позволяет получить информацию: а) о возможности видеть появившееся препятствие (человека, автомашину и другое) в конкретной дорожной ситуации; б) о возможности слышать звуки транспортного средства, шум двигателя и тому подобное; в) скорости движения автомашины; г) о состоянии тормозов и других агрегатов транс-портного средства, влияющих на безопасность дорожного движения; д) о наличии или отсутствии у водителя определенных профессиональных навыков; е) направление движения пешехода; ж) направление отбрасывания пешехода при разных заданных различных движениях транспортного средства; з) возможность получения всего объема повреждений при конкретных условиях наезда. Путем воспроизведения обстановки дорожно-транспортного происшествия с учетом следов на транспортном средстве, дорожном покрытии и других объектах следственный эксперимент помогает установить механизм столкновения или переезда[5].

Таким образом, назначение комплексных экспертиз позволяет следователю решить все вопросы при полном взаимодействии специалистов раз-личного профиля и избежать длительных, а иногда и мучительных размышлений об истинных обстоятельствах ДТП. Конечно, залогом успеха сов-местной деятельности следователя и экспертов является взаимопонимание, умение слушать друг друга, а также их компетентность и высокий профессионализм.

Литература: 1. Дерягин Г.Б.. Транспортная травма Учебно-методическое пособие для юристов и врачей, Архангельск 1997; 2. Романов М. Коруам. – Судова автотехнічна експертиза. Питання теорії і практики. Право України. – 1999. - №8; 3. Стешиц В.К. Судебно-медицинская экспертиза при дорожно-транспортных происшествиях. Минск, 1976; 4. Солохин А.А. Судебно-медицинская экспертиза в случаях автомобильной травмы. М., 1968; 5. Доков Вил., И.Стоянов, В.Доков, Ст.Чуров - Анализ травматических повреждений при тяжелом ДТП с иностранными гражданами, 2007; http://www.medlinks.ru/article.php?sid=28856

Омельченко Т. В.
Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського
Таврійська академія, юридичний факультет
кандидат юридичних наук, доцент
(Сімферополь)

ДЖЕРЕЛА ДОКАЗІВ ЗА КРИМІНАЛЬНИМ ПРОЦЕСУАЛЬНИМ КОДЕКСОМ УКРАЇНИ

1. Реформування процесуального порядку вирішення кримінально-правових суперечок у суспільстві неможливо уявити без внесення змін у порядок доказування та визнання певних фактів доказами. Не є виключенням й Кримінальний процесуальний кодекс України, що набув чинності 20 листопада 2012 року. Як ознаку моделі кримінального процесу за КПК 1960 розробники Проекту КПК відзначали процесуальну та фактичну нерівність прав сторони обвинувачення та сторони захисту, за якої пріоритет надавався доказам, які подані до суду стороною обвинувачення, а сторона захисту або взагалі була позбавлена можливості ефективно збирати докази, або ж зібрані нею докази не допускалися до дослідження з суто формальних причин. «Ситуація, за якої на розгляд суду надходить справа та додані до неї докази, які сформовані виключно стороною обвинувачення, не дає підстав для висновку про змагальність кримінального процесу та рівність процесуальних можливостей його сторін» (Пояснювальна записка до проекту Кримінального процесуального кодексу України // http://w1.c1.rada.gov.ua/ pls/ zweb2/ webproc2). На думку авторів проекту, саме змагальна форма кримінального провадження, яку вони запропонували, змінить підходи до якості доказування винуватості особи у скоєнні кримінального правопорушення.

2. Змагальність кримінального провадження передбачає можливість надання доказів до суду сторонами. Так, підозрюваний, обвинувачений, виправданий, засуджений, захисник мають право збирати і подавати слідчому, прокурору, слідчому судді докази (п. 8 ч. 3 ст. 42, ч. 3 ст. 43, ч. 4 ст. 46, ст. 93КПК). З цього погляду набуває актуальності питання щодо правильного визначення не тільки поняття «джерело доказів», але й правил перевірки та оцінки саме джерел доказів. У 1981 році М. М. Михеєнко звертав увагу, що в юридичній літературі зазвичай йдеться лише про оцінку доказів, та не говориться про оцінку їх джерел, що обумовлено було різним тлумаченням поняття «докази». Питання про належність доказів вирішується з погляду їх змісту, питання про допустимість доказів вирішується з погляду на дотримання процесуальної форми залучення доказів до справи. М. М. Михеєнко вказував на три випадки, коли закон негативно вирішує питання про допустимість доказів саме виходячи з їх змісту: 1) фактичні дані, що надаються свідком чи потерпілим, які не вказують звідки про це їм відомо; 2) відомості, які стали відомі захиснику у зв'язку з виконанням функцій захисника 3) відомості, що повідомлені особою, яка через свої фізичні або психічні вади не може правильно сприймати факти, що мають доказове значення (Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981). Проте встановлення допустимості доказів – це є в значній мірі оцінка саме джерел доказів.

3. Відповідно до ч. 2 ст. 84 КПК процесуальними джерелами доказів є показання, речові докази, документи, висновки експертів. У КПК 1960 не розкривався зміст поняття «джерела доказів» і вказувалося, що доказами в кримінальній справі є всякі фактичні дані. «Ці дані встановлюються: показаннями свідка, показаннями потерпілого, показаннями підозрюваного, показаннями обвинуваченого, висновком експерта, речовими доказами, протоколами слідчих і судових дій, протоколами з відповідними додатками, складеними уповноваженими органами за результатами оперативно-розшукових заходів, та іншими документами» (ст. 65 КПК 1960). Усі джерела доказів повинні відповідати вимозі допустимості. Доказ визнається допустимим, якщо він отриманий у порядку, встановленому КПК. Недопустимий доказ не може бути використаний при прийнятті процесуальних рішень, на нього не може посилатися суд при ухваленні судового рішення (ст. 86 КПК). Статтею 87 КПК передбачаються й додаткові правила встановлення допустимості джерел доказів, при цьому майже усі вони стосуються саме процесуального порядку отримання доказів, тобто допустимості джерел доказів.

4. Як встановлюється у ст. 93 КПК збирання доказів здійснюється сторонами кримінального провадження, потерпілим у порядку, передбаченому КПК. Сторона обвинувачення здійснює збирання доказів шляхом проведення слідчих (розшукових) дій та негласних слідчих (розшукових) дій, витребування та отримання від органів державної влади, органів місцевого самоврядування, підприємств, установ та організацій, службових та фізичних осіб речей, документів, відомостей, висновків експертів, висновків ревізій та актів перевірок, проведення інших процесуальних дій, передбачених цим Кодексом. Сторона захисту, потерпілий здійснює збирання доказів шляхом витребування та отримання від органів державної влади, органів місцевого самоврядування, підприємств, установ, організацій, службових та фізичних осіб речей, копій документів, відомостей, висновків експертів, висновків ревізій, актів перевірок; ініціювання проведення слідчих (розшукових) дій, негласних слідчих (розшукових) дій та інших процесуальних дій, а також шляхом здійснення інших дій, які здатні забезпечити подання суду належних і допустимих доказів. Але на жаль, процесуальний порядок отримання стороною захисту доказів, за виключенням ініціювання проведення слідчих (розшукових) дій, негласних слідчих (розшукових) дій та інших процесуальних дій, у КПК не регламентовано. Таке положення може ставити під сумнів допустимість зібраних стороною захисту доказів, тому що відсутній процесуальний порядок їх отримання.

5. Аналіз джерел доказів за новим КПК дозволяє висловити критичні зауваження щодо доцільності існування деяких з них, з погляду на можливість встановлення їх достовірності. Так викликає сумніви необхідність використання показань з чужих слів – висловлювання, здійснене в усній, письмовій або іншій формі, щодо певного факту, яке ґрунтується на поясненні іншої особи – при врахуванні можливості допиту особи, яка надала первинні пояснення, або

причини неможливості такого допиту (ст. 97 КПК). Так, суд має право визнати неможливим допит особи, якщо вона: 1) відсутня під час судового засідання внаслідок смерті або через тяжку фізичну чи психічну хворобу; 2) відмовляється давати показання в судовому засіданні, не підкоряючись вимозі суду дати показання; 3) не прибуває на виклик до суду, а її місцезнаходження не було встановлено шляхом проведення необхідних заходів розшуку; 4) перебуває за кордоном та відмовляється давати показання. Думається, що обставини передбачені пунктами 2 і 4 не свідчать про неможливість допиту і сприятимуть використанню не достовірних доказів. Якщо особа відмовляється надати показання вона повинна притягуватися до відповідальності, за винятком реалізації принципу свободи від самовикриття та право не свідчити проти близьких родичів та членів сім'ї.

6. На жаль КПК не передбачає особливого статусу фактичних даних, що отримані за допомогою оперативно-розшукової діяльності. Так, відповідно до ч. 3 ст. 99 КПК матеріали, в яких зафіксовано фактичні дані про протиправні діяння окремих осіб та груп осіб, зібрані оперативними підрозділами з дотриманням вимог Закону України «Про оперативно-розшукову діяльність», за умови відповідності вимогам КПК, є документами та можуть використовуватися в кримінальному провадженні як докази. Але зібрані у ході ОРД матеріали потребують їх легалізації, тобто визнання такими, що не містять відомостей, які складають державну таємницю. Напевно закон повинен передбачити умови, за якими такі матеріали надаються в обмеженому вигляді, або не розкриваються шляхи їх отримання.

7. Потребує вдосконалення регламентація ч. 5 ст. 101 «Висновок експерта не може ґрунтуватися на доказах, які визнані судом недопустимими». По-перше, суд вирішує питання допустимості доказів під час їх оцінки в нарадчій кімнаті під час ухвалення судового рішення (ст. 89 КПК). Але як експерт повинен визначити чи є допустимими докази які надаються для дослідження? Обов'язком експерта є вирішення питань, які потребують спеціальних знань. Вирішення правових питань не може покладатися на експерта. По-друге, якщо суд визнає не допустимими показання свідка, на підставі яких було проведено експертизу, чи повинен суд визнавати недопустимим й висновок експерта?

8. КПК чітко не вирішує питання про те, яким чином докази та їх джерела надаються до суду. Так, у ст. 291 КПК розкривається зміст обвинувального акту та додатків до нього, вказується, що «надання суду інших документів до початку судового розгляду забороняється». Судовий розгляд кримінального провадження здійснюються після підготовчого провадження в порядку, передбаченим Главою 28 КПК. Проте, на суд покладений обов'язок після призначення справи до судового розгляду забезпечити учасникам судового провадження можливість ознайомитися з матеріалами кримінального провадження, якщо вони про це заявлять клопотання. Але жодна стаття КПК не передбачає процесуального порядку надання суду ні кримінального провадження, ні доказів. Думається, що це питання потребує негайного врегулювання.

9. Як зазначається у Пояснювальні записці до Проекту КПК, новий КПК покликаний удосконалити правове регулювання у сфері кримінального судочинства, привнести у нього європейські цінності та принципи, перетворити неухильне дотримання прав людини у ключову ідею всього кримінального процесу, а також забезпечити реальну, а не задекларовану рівність процесуальних можливостей сторін кримінального провадження та утвердити змагальність процесу (http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc2). Практична реалізації положень нового кримінального процесуального законодавства дозволить виявити прогалини у регулюванні діяльності з доказування та усунути їх. Але й теоретичний аналіз положень нового КПК дозволяє дійти висновку щодо недосконалості та недостатньої регламентованості окремих положень щодо оцінки джерел доказів.

Панько Н. А.

Донбасская юридическая академия,
(Донецк, ДНР)

ДОПУСТИМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На сегодняшний день в юридической науке достаточно подробно исследованы аспекты процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве, пределы их участия в проведении следственных и судебных действий, критерии оценки представляемых ими заключений и т.д. Однако в условиях вооруженного конфликта на территории непризнанного государства первоочередной задачей становится защита прав и интересов граждан. При невозможности привлечения органов национальной юрисдикции для защиты общественных интересов, особенно остро становится проблема доказывания событий, имеющих признаки военных или иного вида преступлений, в органах международной юрисдикции. В мире складывается практика по привлечению общественности к документированию такого рода событий [1]. В научной литературе комиссия по документированию преступлений определена как внепроцессуальный субъект доказывания [2, с. 256], поскольку представляет интересы общественности в органах международной юрисдикции.

Внепроцессуальный субъект доказывания, помимо иных функций [2, с. 257], вправе привлекать специалиста (эксперта) для проведения специальных исследований по материалам документирования. Заключение по результатам такого исследования, по нашему мнению, будет являться одним из источников доказательств при рассмотрении дел в органах международной юрисдикции. Как известно, ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, любое доказательство подлежит проверке и оценке на общих основаниях. Одним из критериев оценки заключения по результатам специального исследования является оценка его допустимости.

Целью нашей работы является уточнение критерия допустимости относительно результатов специального исследования.

Понятие допустимости доказательств, разработанное и признаваемое большинством отечественных ученых-процессуалистов, понимается как совокупность нормативно установленных (формальных) предписаний, образующих процессуальную форму доказывания,

в которой ключевое значение имеют конституционные права и свободы человека [3, с. 117]. На этапе документирования событий, содержащих признаки военных или иного вида преступлений, оценка допустимости заключения по результатам специального исследования производится внепроцессуальным субъектом доказывания, так как именно на него возложена обязанность собирания и закрепления доказательственной информации для дальнейшей передачи материалов документирования в органы международной юрисдикции.

Констатируем, что на территории вооруженного конфликта объективно не функционируют ни органы национальной юрисдикции, которые вправе проводить следственные и оперативно-розыскные мероприятия как представители признанного на международной арене субъекта, ни национальное законодательство, в рамках которого результаты данных мероприятий могут представляться в органах международной юрисдикции как доказательства нарушения прав граждан и посягательства на интересы людей, проживающих на территории конфликта. Именно поэтому внепроцессуальный субъект доказывания обладает правом равным праву защитника в уголовном судопроизводстве согласно национальному законодательству в части сбора доказательств путем истребования и получения от органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных и физических лиц вещей, копий документов, сведений, заключений экспертов, заключений ревизий, актов проверок, а также путем осуществления других действий, которые способны обеспечить представление суду надлежащих и допустимых доказательств (ч. 3 ст. 93 УПК Украины) [4]. Аналогичные права предоставляются стороне защиты и ч. 3 ст. 86 УПК РФ [5]. Однако конкретный механизм закрепления и процессуального оформления информации, полученной стороной защиты, не предусмотрен ни в указанных нормативно-правовых актах, ни в иных нормативных документах. Поэтому считаем рациональной предложенную в научных исследованиях технологию документирования событий, содержащих признаки военных или иного вида преступлений, внепроцессуальным субъектом доказывания [6]. Ключевой позицией в деятельности внепроцессуального субъекта доказывания считаем защиту конституционных прав, свобод и интересов людей, проживающих на территории вооруженного конфликта.

В научной литературе высказано мнение о неразумности отказа от доказательственной информации в условиях ее острого дефицита, если нарушение порядка собирания и закрепления доказательств не накладывает тень сомнения на их достоверность [7, с. 35]. Считаем рациональным вывод об установлении двух критериев признания доказательств недопустимыми: 1) если при собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией и нормами международного законодательства права человека и гражданина; 2) если были допущены нарушения установленного порядка их собирания и закрепления, влекущие неустранимые сомнения в достоверности полученных доказательств [7, с. 36]. Полагаем, что именно соблюдение критерия допустимости доказательственной информации в рамках указанных аспектов обеспечивает постановление законного и обоснованного судебного решения.

Поскольку внепроцессуальный субъект доказывания вправе привлекать специалиста (эксперта) для проведения специальных исследований, полагаем, что первоначальную оценку представленного заключения для приобщения к материалам документирования проводит именно внепроцессуальный субъект доказывания. Основную же оценку допустимости заключения по результатам специального исследования дает Международный уголовный суд, решая вопрос о его исключении либо принятии в качестве доказательства.

Поскольку заключения, основанные на проведении специальных исследований, являются специфическим источником доказательственной информации, то оценка субъектами доказывания таких заключений сводится к проверке полноты представленных выводов, их формы и соответствия другим доказательствам по делу. Стороны производства обычно могут оценить только полноту заключения, проверив, на все ли поставленные вопросы даны ответы, и уяснив характер этих ответов. Они также могут определить соблюдение установленных требований и наличие необходимых реквизитов. Устоявшаяся в практике форма заключения эксперта позволяет оценить компетентность специалиста (эксперта), проводившего исследование, поскольку предусматривает указание в заключении не только характера образования и стажа работы, но и специальность специалиста (эксперта) [8, с. 359-360]. Считаем целесообразным при составлении заключения по результатам специального исследования по поручению внепроцессуального субъекта доказывания использовать именно устоявшуюся форму экспертного заключения.

Так как заключение по результатам специального исследования относится к числу доказательств, которые ставятся под сомнения участниками процесса, считаем гарантией оценки допустимости проведение допроса специалиста (эксперта), представившего заключение.

Специалист (эксперт) является центральной фигурой при проведении специального исследования по результатам документирования событий, содержащих признаки военных и иного вида преступлений. Именно от квалификации специалиста (эксперта) и уровня проведенного исследования зависит качество представляемого заключения. Кроме того, ученые акцентируют, что заключения должны быть изложены языком, понятным не только для специалиста, но и любого участника судопроизводства [9, с. 161-162]. Специалист (эксперт) должен удовлетворять двум основным требованиям – компетентности и незаинтересованности в деле. Доказательственное значение по результатам специального исследования зависит от содержания заключения, качества описания в нем хода и результатов исследований [10, с. 412].

Целью допроса является получение информации об известных допрашиваемому лицу фактах [11, с. 187]. Однако допрос специалиста (эксперта), проводившего специальное исследование, ограничивается предметом проведенного исследования, то есть целью такого допроса является разъяснение и дополнение представленного специалистом (экспертом) заключения. Как правило, специалисту (эксперту), проводившему специальное исследование, могут быть поставлены вопросы относительно наличия у него специальных знаний и квалификации по исследуемым вопросам (образования, стажа работы, научной степени и т.д.), касающимся предмета проведенного специального ис-

следования; использованных методик и теоретических разработок; достаточности сведений, на основании которых подготовлено заключение; научного обоснования методов, с помощью которых специалист (эксперт) сделал определенный вывод, и другие вопросы.

Следует заметить, что далеко не все вопросы, которые ставятся специалисту (эксперту), проводившему специальное исследование, являются целесообразными и обоснованными. Так, сведения, касающиеся квалификации специалиста (эксперта), могут быть установлены путем обращения к Реестрам аттестованных судебных экспертов, в случае если специалист (эксперт) является аттестованным экспертом, либо данные сведения содержатся в материалах документирования. Вопрос использования методик и теоретических разработок специалистом (экспертом), проводившим специальное исследование, решается путем внимательного изучения заключения по результатам специального исследования, поскольку специалист (эксперт) при составлении заключения обосновывает выбор методики исследования, целесообразность применения иных исследовательских методов, а также промежуточные и результирующие выводы. Аргументация заключения специального исследования осуществляется путем описания хода и результатов исследования [12]. Достаточность сведений, на основании которых подготовлено заключение, можно проверить, ознакомившись с материалами документирования.

Следовательно, значение показаний специалиста (эксперта), проводившего специальное исследование, может состоять в: разъяснении текста заключения и придании ему большей четкости, облегчающей его понимание; приведении дополнительных аргументов (в том числе о надежности примененной методики) и повышение степени обоснованности выводов; установлении новых обстоятельств, которые могут иметь самостоятельное доказательственное значение (в ходе ответов на дополнительные вопросы) [13, с. 153-154].

Считаем, что при допросе специалиста (эксперта), проводившего специальное исследование, допустимым является уточнение предпосылок для сформировавшегося у него внутреннего убеждения [14, с. 24]. По нашему мнению, такой вопрос является обоснованным в условиях постоянного развития технологий, внедряемых в исследовательскую деятельность.

Таким образом, допустимость заключения по результатам специального исследования оценивается в два этапа. На первом этапе такую оценку заключению дает внепроцессуальный субъект доказывания, который привлекает специалиста (эксперта) для проведения специального исследования и приобщает данное заключение к материалам документирования. На втором этапе оценку дает Международный уголовный суд путем изучения представленных материалов документирования и, при необходимости, допроса специалиста (эксперта), проводившего исследование. Считаем, что такая двухступенчатая процедура оценки заключения по результатам специального исследования обеспечит его доказательственное значение в международном судопроизводстве.

Литература: 1. Хазиев Ш.Н. Международное право и судебная экспертиза. – М.: Спутник +, 2014. – 306 с.; 2. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5. – С. 250-261; 3. Терехин В.В. Допустимость уголовно-процессуальных доказательств: сущность, содержание, происхождение // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 117-121; 4. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 р. № 4651-VI (із змін. на 18.02.2016 р.) // Офіційний вісник України. – 2012. – № 37. – 25 травня. – Ст. 1370; 5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. на 02.03.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. – № 52. – ст. 4921; 6. Моисеев А.М. Криминалистический подход к документированию военных преступлений // Юристъ-Правоведъ: научно-теоретический и информационно-методический журнал. – № 1(74). – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2016. – С. 55-60; 7. Миронов В. Правила оценки допустимости доказательств // Законность. – 2006 . – № 5. – С. 35-36; 8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2007. – 528 с.; 9. Щербаковский М.Г. Судебные экспертизы: назначение, производство, использование: учебно-практическое пособие. – Харьков: Эспада, 2005. – 544 с.; 10. Панько Н. А. Доказове значення висновку експерта // Форум права. – 2009. – № 1. – С. 409-414; 11. Криміналістика: підручник / Кол. авт.: В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова, В.А. Журавель та ін.; за ред.проф. В. Ю. Шепітька. – 4-те вид., перероб.і доп. – Х.: Право, 2008. – 464 с.; 12. Моїсєєв О.М. Аспекти аргументації висновку експерта // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. – Харків: Право, 2006. – Вип. 6. – С. 136-143; 13. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: научное издание. – М.: Институт повышения квалификации Российского Федерального центра судебной экспертизы, 2005. – 264 с.; 14. Панько Н.А. Разъяснения эксперта как вид специального исследования в уголовном судопроизводстве // Russian Journal of Legal Studies. – 2016. – № 1 (5). – С. 21-28.

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

кандидат юридических наук

(Симферополь)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В соответствии с Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года, Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года 40/34), а также в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы "О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса" от 28 июня 1985 года N R (85) 11 важной функцией уголовного правосудия должна быть охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию [1].

Назначение УПК РФ отображено в ч. 1 ст.6 УПК РФ, и представляет собой защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения [2].Закрепив данное положение, законодатель руководствовался требованиями Конституции РФ, а именно, ст. 52 Конституции РФ, которая провозглашает защиту прав потерпевших от преступлений: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [3].

Ч. 1 ст. 42 УПК закрепляет статус потерпевшего: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и де-

ловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда...» [2]. Чтобы получить статус потерпевшего необходимо соблюдение таких оснований, как реальное причинение вреда и юридическое оформление его таковым. Следует обратить внимание, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

Основанием для признания лица в качестве потерпевшего считается причинение определенного вреда преступлением. Однако до сих пор остается дискуссионный вопрос: как быть при покушении на преступление, когда вред, который преступник хотел причинить потерпевшему, не наступил по независящим от виновного причинам [4, с.7]. Судебно-следственной практике в России известны случаи, когда лицам, заявившим о попытке совершения против них преступления, отказано в признании статуса потерпевшего. Примером может служить неудачное покушение на убийство, неоконченное преступление (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению). Пострадавшие от таких преступлений зачастую остаются без юридического признания в качестве потерпевших по причине отсутствия реального вреда от попытки совершения преступления. Такое понимание и толкование действующего уголовно-процессуального законодательства не может считаться правомерным и допустимым. Необходимо точное закрепление на законодательном уровне понятия «потерпевший». В одном из решений Пленума Верховного Суда РФ отмечалось, что существенной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного вреда служит право потерпевшего на участие в уголовном судопроизводстве [5]. Позиция В.П. Божьева также указывает на то, что потерпевшим должно признаваться не только физическое лицо, которому реально причинен моральный, физический или имущественный вред, но и лицо, чьи права и законные интересы оказались поставленными под угрозу при покушении или приготовлении к совершению преступления [6, с. 11]. Норма УПК, которая действует и сегодня, что закрепляет процессуальный статус потерпевшего, дублирует позицию Пленума Верховного Суда СССР, который в 1985 году в своем постановлении разъяснил, что «потерпевшим должен признаваться гражданин, которому моральный, физический и имущественный вред причинен преступлением непосредственно». На протяжении десятилетий ведется спор относительно расширения оснований признания лица потерпевшим, однако так и остался не разрешенным окончательно.

По мнению Н.В. Мазур понимание «потерпевшего» не соответствует принципу презумпции невиновности. Согласно которому, только суд устанавливает факт совершения преступления и наступление последствий в виде причинения вреда [7, с. 120]. Что свидетельствует о том, что следуя предписаниям закона, признать лицо потерпевшим может только суд одновременно с вынесением обвинительного приговора. Однако это будет неправильный вывод, поскольку потерпевший не может быть наделен правами и обязанностями лишь после вынесения приговора. В данном случае заслуживает внимания позиция А.М. Ларина: «основанием для признания лица потерпевшим должны служить сведения, с достаточной вероятностью указывающие на вред, причиненный ему преступлением» [8, с.41].

Следующий дискуссионный вопрос возникает в определении момента появления лица с процессуальным статусом «потерпевшее». Так, действующий УПК устанавливает, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Что законодатель понимает под «незамедлительно», к сожалению, не уточнено. Такая формулировка появления потерпевшего в уголовном процессе оказывает негативное влияние на своевременность решения о признании лица в качестве потерпевшего, и, следовательно, на реализацию принадлежащих ему полномочий. В уголовном судопроизводстве зачастую возникают ситуации, когда лицо нуждается в защите своих интересов, не являясь процессуально обозначенной фигурой. При обращении гражданина с заявлением в соответствующие правоохранительные органы, он является заявителем, поэтому согласно нормативным предписаниям, не наделен правами, предусмотренными ч. 2 ст. 42 УПК, в том числе «правом приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя…». В том случае, когда заявителю будет отказано в возбуждении уголовного дела, то «потерпевший» (выдел. автором) не сможет реализовать по сути вышеуказанного права. Признание лица потерпевшим не на ранних этапах предварительного расследования ущемляет права и интересы данного лица. Мы считаем, что лицо, так или иначе пострадавшее от преступления, независимо от того, на каком этапе оно пострадало от преступных деяний: покушение, приготовление либо оконченное преступление, должно признаваться потерпевшим. Так как лицу может быть причинен и моральный вред, в виде страха, стресса и иных негативных последствий.

Исходя из вышеуказанного, хотим отметить, что действующий УПК РФ не совсем точно и ясно закрепляет нормы относительно появления в уголовном процессе такого субъекта как потерпевший.

Литература: 1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 "О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве" (ред. от 09.02.2012); 2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2016); 3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). 4. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1963. – 169 с.; 5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 "О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве" (с изменениями и дополнениями); 6. Божьев В.П. Процессуальное положение потерпевшего//Советская юстиция. -1959. - № 9; 7. Мазур Н.В. Основания возникновения профессионального представительства потерпевшего в уголовном процессе / Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Материалы научно-практической конференции. Часть 2. – Барнаул: БЮИ МВД России,2002; 8. Ларин А.М. Конституция и уголовно-процессуальный кодекс// Государство и право. – 1993. - №10;

Позий В.С.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
кандидат химических наук, доцент

Соколова И.Ф.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат медицинских наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСГУМАЦИИ

Следственная и судебно-медицинская практика показывает, что эксгумация трупов и последующая их экспертиза не являются редкостью. Эксгумация (exhumation; ex – из, humus – земля) – слово, перешедшее в русский лексикон из латинского языка, означает извлечение трупа из земли.

С правовой точки зрения, эксгумация трупа может быть правомерной (официально разрешенной), случайной и преступной. К официально разрешенной относятся указанные ниже случаи. Случайные, встречаются при землеройных работах, разборке и сносе зданий. Преступные эксгумации имеют целью мародерство, надругательство, совершение половых актов, выкуп, месть, религиозные побуждения и др.

Эксгумация является следственным действием и проводится чаще всего для первичного или повторного вскрытия трупа либо для решения других задач: исторических исследований, перенос останков и т.п.

Следственное действие – эксгумация трупа – отражено в ст. 178 УПК РФ [1]. Оно связано со многими моральными и правовыми проблемами. Желательно получить согласие родственников захороненного, но это не является обязательным. Материальные затраты по эксгумации, приглашение рабочих для извлечения трупа из могилы, доставка трупа в морг и т. п. целиком и полностью входят в обязанности следствия.

Поводами для эксгумации являются:

1. Захоронение трупа без проведенного первичного судебно-медицинского или патологоанатомического исследования.

2. Наличие существенных недостатков первичного судебно-медицинского исследования трупа, установленных в ходе следствия или в судебном заседании (краткое и недостаточно четкое описание телесных повреждений или же отсутствие необходимых объектов для лабораторного исследования).

3. Вновь открывшиеся обстоятельства, имеющие важное значение для установления истины по делу.

4. Обнаружение трупа (или его останков), захороненного с целью сокрытия преступления, либо при случайном обнаружении его или в результате проведенных следственных действий. В таких случаях судебно-медицинская экспертиза эксгумированного трупа является первичной и часто связано с вопросами идентификации личности.

5. Необходимость произвести опознание личности захороненного трупа (не обязательно это связано с розыском ее по уголовному делу).

6. Исторические исследования, направленные, например, для установления обычаев, принятых при захоронении в различные исторические пери-оды, поисков подтверждений имеющихся сведений об исторических личностях.

7. Другие причины, которые не имеют следственного характера. Например, необходимость эксгумаций возникает в связи с переносом кладбищ с одного места на другое, в связи с переносом останков захороненного лица с одного кладбища на другое внутри города, в границах страны или перевоза их из одного государства в другое [2].

При эксгумации выполняются два самостоятельных действия: а) из-влечение трупа из земли; б) исследование трупа. Для проведения эксгумации трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление обязательно для администрации соответствующего места захоронения. В случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее про-ведение выдается судом: выносится постановление о возбуждении ходатай-ства о разрешении эксгумации. При проведении этого следственного действия следователем составляется протокол эксгумации и осмотра трупа, за-тем выносится соответствующее постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, во время которой производится судебно-медицинское исследование трупа, результаты которого отражаются в заключении эксперта.

Следствием должны быть предусмотрены все меры к бережной транспортировке трупа к месту его исследования. Иногда же, когда требу-ют обстоятельства, вскрытие трупа может быть произведено и на месте эксгумации. Давность захоронения не является препятствием для эксгумации.

Следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. Кроме того, при необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты. Могут присутствовать: понятые, родственники, сотрудники уголовного розыска.

Следователь уточняет по книгам регистрации захоронений на кладбище место могилы трупа, подлежащего эксгумации, уточняет эти же данные с родными, близкими умершего и, окончательно убедившись в достоверности необходимых сведений, дает указание начать эксгумацию трупа. В протоколе эксгумации и осмотра трупа указывается кладбище, участок его, лица, присутствующие при эксгумации трупа и принимавшие участие в опознании могилы, судебно-медицинский эксперт (врач) и понятые. В протоколе указывается, каким образом была установлена могила. Дается описание места расположения могилы, поверхность почвы и растительности на ней. Вид и характер могильного холма, высота его. Если на могиле плита или памятник – описывается материал, из которого он сделан, фотографируется могила, фотография прилагается к протоколу эксгумации в виде фотодокумента. В ходе разрытия могилы в протоколе указывается характер почвы (глина, песок, чернозем и т.п.), ее физические свойства (замороженная, сухая, влажная, комья, зернистость и т. п.), изменения характера почвы на различной глубине могилы.

Неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию. Неопознанные трупы также подлежат обязательной государственной геномной регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федера-

ции. Кремирование неопознанных трупов не допускается (ч. 2 ст. 178 УПК РФ).

Когда эксгумация производится с целью установления или исключе-ния возможно имевших место отравлений, производится забор почвы для судебно-токсикологического исследования, что должно быть отражено в протоколе эксгумации.

При обнажении крышки гроба необходимо указать глубину захоронения в сантиметрах. После извлечения гроба из могилы измеряется глуби-на могилы в целом, описывается дно, наличие в ней жидкости, если она имеется, ее количество и т. п.

Извлеченный из могилы гроб описывается в протоколе, причем обращается внимание на материал, из которого изготовлен гроб (дерево, металл и т. п.); украшения на нем, если металлические, то из какого металла, какой краской окрашены; материал, которым обит гроб и т. п. Необходимо отметить состояние целостности гроба, его изменений, связанных со временем. После того, как все это будет зафиксировано, снимается крышка гроба и производится опознание трупа родными, близкими, знакомыми. Вполне возможно, что трупные изменения могут значительно изменить труп, и по внешнему облику опознать его будет затруднительно. В таких случаях опознание производится по сохранившейся одежде, что также фиксируется в протоколе сотрудниками следствия. После того, как опознание произведено, гроб закрывается, и труп направляется в морг для судебно-медицинского исследования. На этом фактически заканчивается эксгумация трупа, когда она производится на кладбище.

В тех случаях, когда эксгумации подвергаются трупы лиц, тайно за-хороненных, в протоколе эксгумации указываются сведения, послужившие основанием к решению или подозрению на то, что именно в данном месте захоронен труп. В протоколе подробно описывается место и почва, в которую захоронен труп. Измеряется глубина могилы. Особое внимание должно придаваться описанию позы трупа на дне могилы. В ряде случаев поза трупа на дне могилы может свидетельствовать об обстоятельствах смерти: например, труп лежит спиной вверх, с наличием признаков огнестрельных повреждений на спине, затылке. В таких случаях возникают основания полагать, что жертва была уложена в заранее приготовленной могиле.

В тех случаях, когда производится судебно-медицинское исследование эксгумированных трупов, принадлежащих неизвестным лицам, с целью последующего опознания применяется словесный портрет, фотографирование, дактилоскопирование, восстановление гнилостно измененных тканей лица, восстановление облика по черепу, фотосовмещение черепа с фотографиями лиц, возможно, которым принадлежит труп, опознание но татуировкам, особым приметам, болезненным изменениям внутренних органов, рентгенограммам, одежде и т. п.

Исследование эксгумированного трупа необходимо начинать с тщательного изучения всех обстоятельств дела, в связи с которыми назначена судебно-медицинская экспертиза эксгумированного трупа [2,3]. Судебно-медицинский эксперт, исходя из обстоятельств дела, вопросов, которые перед ним поставлены на разрешение, составляет ориентировочный план экспертизы эксгумированного трупа. Впрочем, при любых условиях исследование должно быть предельно тщательным настолько, чтобы по мере возникновения новых вопросов у следствия, ответы на них можно было бы дать, исходя из данных, добытых при проведенном исследовании. Именно этим иногда определяется высокая квалификация судебно-медицинского эксперта, его талант, когда он, проявив внимание ко всему тому, что имеет значение непосредственно для ответов на поставленные перед ним вопросы, не упустит ничего другого, что в процессе дальнейшего следствия сможет иметь существенное значение.

Несмотря на то, что гроб, в котором было захоронено лицо, труп которого подвергается эксгумации, описывается сотрудником следствия, назначившим эксгумацию и производящим ее, судебно-медицинский эксперт, со своей стороны, должен самым тщательным образом исследовать гроб, произвести соответствующие исследования эксгумированного трупа. Иногда по различным причинам гроб с телом трупа после извлечения из могилы не открывают и сразу же доставляют в морг. В таких случаях экс-перт оказывает следователю помощь в подробном описании гроба, матери-ала, из которого он изготовлен, украшения на гробе, цвета и характера окраски или обивки текстильной ткани.

По вскрытии гроба в морге судебно-медицинский эксперт устанавливает положение трупа и делает подробное описание его в гробу, обращая внимание на наличие плесени, ее локализацию, насекомых, их личинок, ку-колок и т. п. После извлечения трупа из гроба начинается детальное исследование его, включая одежду.

Настоятельно рекомендуем применение фото–, видеосъемки в ходе всего процесса эксгумирования, оставление в качестве вещественных доказательств образцов поврежденной одежды, тканей, органов. Так, например, когда речь идет об установлении времени наступления смерти, судебно-медицинский эксперт обязательно возьмет для исследования насекомых, которых он обнаружил, для установления, на каком этапе цикла своего развития они находятся. Учтя эти данные, можно решить вопрос о возмож-ном времени смерти лица, труп которого эксгумирован. Если речь будет идти о смерти от утопления, эксперту необходимо будет изъять трубчатую кость для исследования на наличие в ней планктона и т. п.

В отдельных случаях не исключена возможность того, что при вскрытии могилы могут обнаружиться останки, решение вопроса о видовой принадлежности которых потребует специальных исследований. Это может быть в тех случаях, когда захоронению были подвергнуты отдельные части тела, когда после захоронения прошло очень много времени, и сохранилась только часть костей.

Если среди эксгумированных костей имеются такие, анатомические особенности которых не вызывают сомнений об их принадлежности чело-веку, их дальнейшие исследования на видовую принадлежность не обязательны. Все кости, находящиеся в состоянии, не дающем возможности по внешнему виду решить их видовую принадлежность, подлежат обязательному исследованию в лаборатории по исследованию вещественных доказательств для проведения реакции преципитации в гистологической лаборатории.

В ряде случаев при исследовании эксгумированных трупов возникает необходимость установления группы крови. Если трупные изменения не достигли такой сте-

пени, когда можно получить кровь, эксперт направляет последнюю в судебно-медицинскую лабораторию. Сказанное полностью относится не только к установлению групповых агглютиногенов, но и других биологических исследований. В настоящее время для решения этих вопросов все шире применяется метод генотипического исследования. Судебно-медицинский эксперт имеет возможность ответить на вопросы о давности наступления смерти, учесть темп и характер изменений трупа и одежды в могиле, влияние на посмертные изменения состояния трупа до захоронения, определить как почва, склеп, и другие факторы, влияют на темп развития и характер трупных изменений, в какой степени изменения на трупе зависят от флоры и фауны в месте захоронения, как они повлияли на развитие гнилостных изменений [4,5]. Судебно-медицинский эксперт использует комплекс лабораторных исследований для решения вопросов о применения лекарственных средств (до наступления смерти либо при бальзамации), а также наличие заболеваний и их осложнений. Судебно-медицинский экс-перт имеет возможность установления времени и внешнего облика трупа по состоянию костей и зубов, выявления татуировок на эксгумированных тру-пах.

Таким образом, при проведении следственного действия эксгумации, возможно решить вопросы, связанные не только с определением давности захоронения, давности и причины смерти, но и исследовании одежды, энтомофауны, вопросов идентификации личности.

Литература: 1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12125178/; 2. Судебно-медицинское исследование трупа / Под ред. А.П. Громова, А.В. Капустина. – М.: Медицина, 1991. – 320 с.; 3. Судебная медицина: Учебник / В.Н. Крюков, Л.М. Бедрин, И.В. Буромский, М.В. Кисин / Под ред. В.Н. Крюкова. – М.: Медицина,1998.– 464 с.; 4. Громов А.П., Капустин А.В. Судебно-медицинское исследование трупа – М.: Медицина, 1991. – 320 с.: ил.; 5. Томилин В.В. Медико-криминалистическая идентификация. (Настольная книга судебно-медицинского эксперта). – М., 2000.– 589 с.

Попова И. П.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет» (Иркутск)

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА*

Суд выступает одним из наиболее действенных средств испытания человеческой судьбы, и неслучайно, что «суд» и «судьба» –слова однокоренные
С.А. Пашин

Как участник уголовного судопроизводства, суд принимает участие в уголовном процессе, будучи наделен в установленном законом порядке правами и обязанностями (п. 58 ст. 5 УПК РФ). С учетом положений ч. 2 ст. 15 УПК РФ суд осуществляет функцию разрешения уголовного дела путем осуществления уголовного правосудия. А.Ф. Кони рассматривал в качестве задачи уголовного суда справедливое приложение к человеку, признанному виновным, карательного закона, подчеркивая, что «судья призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела»[1].

В Толковом словаре русского языка значение слова «правосудие» определено как «правый суд, справедливый приговор, решение по закону, по совести, или правда»[2]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова термин «правосудие» употребляют в двух значениях: «1) как деятельность судебных органов; 2) как справедливое решение дела, спора»[3]. Таким образом, уголовное правосудие включает в себя такие нравственные категории, как совесть и справедливость.

Студентов, начинающих изучать уголовный процесс, я иногда спрашиваю: «Как они полагают, есть ли в Уголовно-процессуальном кодексе России понятие «совесть»? Даже предлагаю поискать этот термин в ст. 5 УПК РФ, раскрывающей основные понятия, используемые в УПК РФ. Студенты добросовестно начинают искать это слово по алфавиту, открывая для себя азы новой для них науки. Если такой же вопрос задать судьям, осуществляющим правосудие по уголовным делам, то вряд ли содержание этого понятия будет единообразным. Дефиниций совести и справедливости уголовно-процессуальный закон не содержит.

Вместе с тем, судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению на основании совокупности имеющихся и исследованных непосредственно доказательств (ст. 240 УПК РФ). Принцип свободы оценки доказательств предопределяет осуществлять соответствующую оценку судье, руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Н.К. Панько в этой связи верно обращает внимание на то, что «объективные условия воздействуют на личность, преломляются через ее социально-психологические установки, правосознание, индивидуальный и профессиональный опыт… У человека с высоконравственным развитым сознанием совесть и справедливость существуют вместе, в неразрывном единстве»[4].

По мнению А.А. Тимошенко справедливость можно рассматривать как ценностную категорию уголовного процесса, которая определяет должное отношение к человеку, вовлеченному в уголовное судопроизводство со стороны государства в лице его должностных лиц, и как меру воздаяния за совершенное общественно-опасное деяние[5].

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

[1] Кони А.Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. М.: Изд-во СГУ, изд-е 3-е, 2008. 150 с. С. 6.

[2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 3. С. 628.

[3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1997. С. 577.

[4] Панько Н.К. О справедливости в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2015 . № 4. С. 58.

[5] Тимошенко А.А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4) С. 156.

Справедливость как феномен выступает неким социальным регулятором отношений в обществе. Чувство справедливости присуще как каждому индивиду (с рождения), так и обществу в целом. Н.А. Колоколов справедливость, обладающую качествами сложности, системности и многоаспектности, рассматривает и как признанную определенной общностью людей парадигму поведения в конкретном месте и в конкретный исторический период[1]. Ю.К. Якимович также полагал, что «несправедливым приговор может быть и с учетом мнения общественности, населения, в том числе, и того конкретного региона (населенного пункта), где совершено преступление»[2]. В.В. Рудич под справедливостью приговора рассматривает такие понятия как правильность и убедительность, именуемую «моральной достоверностью», под которой подразумевает состояние внутреннего убеждения судьи, которое должно быть включенным в мир морали и нравственности, общий для всего общества3.

Справедливость, как мера должного, закреплена в уголовном судопроизводстве. В частности, назначение справедливого наказания рассматривается как назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Требование справедливости предусмотрено и к итоговому акту правосудия – приговору (ст. 297 УПК РФ).

Но в отсутствие дефиниции справедливости приговора, из основания к отмене приговора в связи с его несправедливостью усматривается, что законодатель связывает понятие справедливости приговора лишь с соразмерностью назначенного наказания содеянному и личности виновного. На основании чего, представляется, и возникают предложения при постановлении приговора расценивать как справедливый приговор, вынесенный с соблюдением принципов состязательного уголовного процесса, в котором назначено наказание, соразмерное совершенному общественно опасному деянию[4].

Однако такое понятие справедливости приговора предполагает, что справедливым может быть только такой итоговый акт правосудия, в котором наказание назначается. С учетом указанной позиции обвинительный приговор без назначения наказания и оправдательный приговор не могут обладать свойством справедливости. Тогда как итоговым актом производства по делу могут быть и такие судебные решения, которые, как результат судопроизводства, также должны соответствовать требованию справедливости.

В уголовно-процессуальном законе нет определения понятия «обвинительного приговора». Тогда как такой вид приговора имеет ряд существенных особенностей, обусловленных его содержанием. В Толковом словаре русского языка значение слова «обвинять» определено как «винить, взводить на него вину; считать причинным, виновным»[5]; значение слова «приговор» - как «судебное постановление, определение, решение; или чье-либо решительное заключение, не допускающее иного мнения»[6]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова термин «обвинять» употребляют в двух значениях: «1) счесть виновным, упрекнуть, укорить; 2) считая виновным, привлечь к суду»[7]; термин «приговор» также имеет два значения: 1) решение суда после слушания уголовного дела; 2) осудительная оценка, осуждающее решение, мнение»[8].

Приведенные значения терминов подчеркивают суть в понятии обвинительного приговора: 1) вынесение решения судом, 2) после рассмотрения уголовного дела, 3) основной вопрос, который разрешен в обвинительном приговоре – признание виновным лица, привлеченного к суду. Таким образом, можно высказаться о справедливости назначенного обвинительным приговором наказания, если наказание соответствует тяжести преступления и личности осужденного, и по своему виду или размеру наказание не является как чрезмерно мягким, или чрезмерно суровым (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

В обвинительном приговоре без назначения наказания и оправдательном приговоре вопрос о размере наказания не рассматривается. А потому для определения справедливости приговоров как актов правосудия, вне зависимости от видов приговоров, необходимо разграничить понятия справедливости как принципа уголовного судопроизводства, который действует как в досудебных, так и в судебных стадиях, и справедливости назначенного обвинительным приговором наказания, которое фактически в настоящее время закреплено законодателем в УПК РФ.

В юридической литературе на протяжении долгих лет обсуждаются предложения о необходимости законодательного закрепления принципа справедливости в уголовном судопроизводстве[9]. При этом высказываются обоснованные позиции о справедливости не только наказания и приговора, но и каждой стадии, как судебного разбирательства, так и досудебного производства[10]. Т.С. Дворянкина считает, что закрепление такого нравственного требования как справедливость по отношению ко всем судебным решениям в уголовном судопроизводстве, подчеркнет их значение как с правовой, так и с моральной стороны[11].

У общества есть потребность в реализации справедливости при осуществлении правосудия как механизме реализации судебной власти, призванной разрешать возникший между сторонами уголовно-правовой кон-

---

[1] Колоколов Н.А. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н.А. Колоколова. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 8.

[2] Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: Учебное пособие. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2015. С. 119.

[3] Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 27. 33с.

[4] Джаноян Г.Р. Справедливость судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 95.

[5] Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 933.

[6] Даль В.И. Указ. соч. Т. 3 С. 675.

[7] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. указ. соч. С. 425.

[8] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 589.

[9] Нажимов В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Межвузовский тематич. Сб. науч. трудов. Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. Калининград, 1989. С. 3–12; Гладышева О.В Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Краснодар: Изд-во «ЭДВИ», 2008. 340 с.

[10] Подольный Н.А., Коваль Е.А. Концептуализация принципа справедливости в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 157–164.

[11] Дворянкина Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства. М.: Компания Спутник+, 2007. С. 88. 117 с.

фликт в целях реализации задач уголовного судопроизводства. Поскольку справедливый приговор не только выражает от имени государства нравственную, моральную оценку совершенного и личности виновного, но и связывается обществом с правосудием[1], рассматривается в качестве критерия эффективности правосудия.

Как показывают исследования, в обществе на первом месте эффективность уголовного процесса ассоциируется с восстановлением справедливости, далее – с защитой прав и законных интересов участников процесса, и лишь третье место занимают вопросы возмещения причиненного преступлением вреда[2].

Для признания судебного решения законным и обоснованным, а отсюда и справедливым с точки зрения справедливости судебного разбирательства, суд должен выполнить стандарты доказанности по данному делу. Кроме того на суде лежит и бремя убеждения (onus proferendi)3, заключающееся в обязанности суда проверить и оценить представленные доказательства, мотивировать свои выводы в приговоре. Поскольку справедливость зачастую выступает не только основной целью граждан, обращающихся за защитой своих нарушенных прав и законных интересов, но является критерием оценки качества уголовного правосудия4.

Американский судья С. Уильямс в своей работе следующим образом указывает на значение содержания судебного решения. С одной стороны, «чем легче читать текст судебного решения, тем больше вероятность того, что оно будет прочитано и, соответственно, окажет влияние». С другой стороны, те судебные решения, «которые наиболее изящно написаны, имеют большую вероятность привлечь внимание будущих судей (и их помощников), а иногда – даже широкой публики», так как судьи «не хотят быть безликими бюрократами». Судебное решение должно убедить: во-первых, что суд стороны выслушал стороны, и суду понятны приведенные ими доводы в обоснование своих позиций; во-вторых, иного судебного решения и быть не могло, так как «каждый честный, ответственный и разумный судья пришел к такому же выводу»5.

Однако, даже если обвинительный приговор будет обоснованным и мотивированным, но в ходе досудебного производства имели место нарушения прав участников уголовного правосудия, либо процедуры судопроизводства, то такой приговор нельзя признать законным и справедливым. Досудебное производство по уголовному делу также должно быть организовано таким образом, чтобы соблюдался принцип справедливости при осуществлении этой государственной деятельности и при оформлении полученных результатов.

Итогом реализации нравственных начал при постановлении обвинительного приговора является справедливый приговор, когда в результате справедливой процедуры судопроизводства будет осужден только виновный. При этом его виновность будет установлена в ходе справедливого уголовного судопроизводства (в досудебных и судебных стадиях). При этом соразмерность назначения наказания содеянному и личности свидетельствует о справедливости назначенного наказания, тогда как справедливость принятых судом решений должна соответствовать нравственным представлениям современного общества. Нормативное закрепление справедливости как принципа уголовного судопроизводства будет способствовать достижению задач уголовного правосудия.

Литература: 1. Бозров В.М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // Уголовный процесс. 2013. № 2. С. 70–77; 2. Гладышева О.В Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Краснодар: Изд-во «ЭДВИ», 2008. 340 с.; 3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т.; 4. Дворянкина Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства. М.: Компания Спутник+, 2007. С. 117 с.; 5. Джаноян Г.Р. Справедливость судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 92–95; 6. Дорошков В.В. Правосудие для большинства населения всегда связывалось с вынесением справедливого приговора // Уголовный процесс. 2014. № 12. С. 26–29; 7. Калиновский К.Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. С. 59–65; 8. Колоколов Н.А. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н.А. Колоколова. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с. 9. Кони А.Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. М.: Изд-во СГУ, изд-е 3-е, 2008. 150 с.; 10. Нажимов В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Межвузовский тематич. Сб. науч. трудов. Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. Калининград, 1989. 126 с.; 11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.; 12. Панько Н.К. О справедливости в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2015 . № 4. С. 56–58; 13. Подольный Н.А., Коваль Е.А. Концептуализация принципа справедливости в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 157–164; 14. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.; 15. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2011. 352 с.; 16. Тимошенко А.А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 151–157; 17. Уильямс С. Смысл сказанного: о чем думают американские судьи, когда пишут судебные решения // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 33–40; 18. Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: Учебное пособие. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2015. 124 с.

---

[1] Дорошков В.В. Правосудие для большинства населения всегда связывалось с вынесением справедливого приговора // Уголовный процесс. 2014. № 12. С. 26–29.

[2] Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 130.

[3] См.: Калиновский К.Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. С. 59.

[4] См. подробнее: В.М. Бозров Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // уголовный процесс. 2013. № 2. С. 70–77.

[5] Уильямс С. Смысл сказанного: о чем думают американские судьи, когда пишут судебные решения // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 33–40.
Указ соч. С. 33.

Потудинский В. П.

Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
кандидат юридических наук, доцент,
(Ставрополь)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ БУКВ ИМЕЮЩИХСЯ В УКРАИНСКОМ АЛФАВИТЕ

Согласно ст. 10 ч. 1. Конституции Республики Крым, государственными языками на полуострове являются русский, украинский и крымско-татарский языки [1].

Рассмотрим современный украинский алфавит, существующий с конца XIX века, в украинском алфавите используется та же азбука, что и в русском – кириллица [2], алфавит, как и русский, содержит 33 буквы и незначительно отличается от него (в нем отсутствуют четыре буквы «ё», «ъ», «ы» и «э»), но зато имеются буквы «Ґ ґ», «Є є», «І і», и «Ї ї», имеющие иное графическое начертание и специфическое произношение [3].

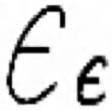
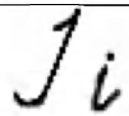
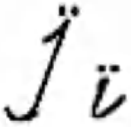
В украинском языке есть апостроф [4], он используется после губных согласных и «р» перед йотированными [5] гласными для обозначения сочетаний [j] и гласных звуков [а], [у], [э], [и], также имеется еще одна характерная особенность украинского языка – наличие аффрикативных [6] согласных [дж], [дз] и [дз'], на письме эти звуки передаются, соответственно, сочетаниями «дж», «дз» и «дзь» [7].

Исследование рукописей и подписей, выполненных на украинском языке, с целью установления их исполнителей принципиально не отличается от исследования таких же объектов, выполненных на русском языке, так как большинство букв украинского алфавита аналогичны по графике русской письменности, поэтому в данном случае экспертами-почерковедами применяется действующая методика производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, но в то же время изучение рукописных текстов и подписей, выполненных на украинском языке, позволяет выявить дополнительные признаки, как письменной речи, так и почерка, обусловленные особенностями украинского языка и алфавита, наличием специфических букв выражающих специфические фонетические особенности украинского языка, неизвестные русскому языку, или, например, исследуемые подписи малоинформативные и выполнены по транскрипции в основном только специфическими буквами, а так как приложения и дополнения к вышеуказанной методике с учетом вышеописанных специфических букв отсутствуют (идентификационная значимость признаков, обусловленных написанием данных букв и их сочетанием, не исследовалась и не вошла в методику), то в данном случае результаты исследований подписей, подвергшихся сомнению, необходимо считать неполными и недостоверными.

В связи с этим, чтобы рассмотреть вопросы произношения и правописания вышеописанных специфических букв, нами было создана таблица их графического изображения (см. приложение № 1):

Приложение № 1

Правописание на русском языке специфических букв украинского алфавита не имеющих аналогов в русской письменности

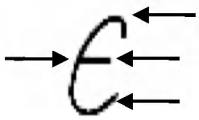
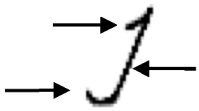
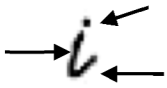
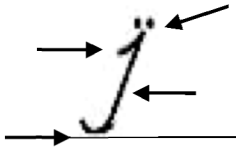
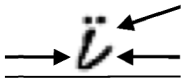
п/п	**Печатные буквы**	**Графическое начертание рукописных букв**	**Произношение**
1	*2*	*3*	*4*
1.	**Ґ ґ**		(гэ) - ближе к русскому «г»
2.	**Є є**		(йэ) - ближе к русскому «е» и (э) после мягкого согласного (jэ)
3.	**І і**		(и) - ближе к русскому «и», но произносится несколько мягче
4.	**Ї ї**		(йи), [ji] - не имеет соответствия в русском языке, читается как звук (йи) образованный слиянием двух звуков (й) и (и)

Деление на элементы и штрихи, характеризующие данные специфические буквы украинского алфавита, ниже дано по последовательности их выполнения в соответствии с конструктивными составляющими прописных и строчных букв русского алфавита, изображенных в пособиях П.М. Кошманова и М.П. Кошманова «Идентификационные признаки буквенного, цифрового и подписного почерка» и А.П. Моисеева, О.С. Мурашовой и И.С. Юркова «Таблицы признаков почерка», с учетом справочной литературы и прописями для 1-го класса на украинском языке, которые мы взяли за основу [8] (см. приложение № 2).

Таким образом, нами была рассмотрен элементный состав специфических прописных и строчных букв украинского алфавита, составлено описание их конструктивного строения, что в дальнейшем, мы надеемся, послужит приложением к действующей методике производства почерковедческих экспертиз рукописей, выполненных на русском языке (кириллице), с учетом специфических букв украинского алфавита.

Литература: 1. Конституция Республики Крым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_ publication/ 20140412/271132606.htm – (Дата обращения 02.03.2016); 2. Кириллица - одна из старославянских азбук, легшая в основу русского и некоторых других славянских алфавитов. См.: Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов /С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. С. 352; 3. Терлак, З., Сербеньска, О. Украинский язык для начинающих: Изд. 2-е, доп. /З. Терлак, О. Сербеньска. – Львив: Свит, 1999. С. 6; 4. Апостроф - надстрочный знак в виде запятой, обычно обозначающий пропуск гласной буквы. Толковый словарь Ефремовой. См.: http://lib.deport.ru/slovar/efr/f/faringalnyj1-m.html - (Дата обращения 02.03.2016); 5. См.: там же: Йотированный – произносимый со звуком; 6. Аффриката - согласный звук, состоящий из взрывного (смычного) и фрикативного (щелевого) элементов. Большой энциклопедический словарь. См.: http://vslovare.ru/slovo/affrikata - (Дата обращения 02.03.2016); 7. Клименко, Н.И. Особенности исследования рукописей, выполненных на украинском языке /Н.И. Клименко //Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР: справочник следователя и эксперта

/Под ред. Пинхасова Б.И. – М.: «Юрид. лит.», 1973. С. 4-5; Сохранич, Т.В. Об особенностях методики исследования почерков учащихся украинской и русской школ, обучающихся в современных условиях /Т.В. Сохранич //Криминалистика и судебная экспертиза: Междуведомственный научно-методический сборник. Вып. 50 /Отв. ред. Б.С. Стычинский. – К.: Министерство юстиции Украины, 2001. С. 107; 8. Кошманов, П.М., Кошманов, М.П. Идентификационные признаки буквенного, цифрового подписного почерка /П.М. Кошманов, М.П. Кошманов. - Волгоград: ВА МВД России, 2006; Моисеев, А.П., Мурашова, О.С., Юрков, И.С. Таблицы признаков почерка /А.П. Моисеев, О.С. Мурашова, И.С. Юрков //Под ред. В.А. Снеткова. – М: ВНИИ МВД СССР, 1984; Довідник з українського правопису. 5-е вид. – К.: НАУ, Діал, 2006; Джемула Г.П. та інші. Прописи: Частина 2 /Г.П. Джемула, Т.С. Островська, А.О. Філіна. – К.: Махаон- Україна, 2001.

п/п	Графическое начертание рукописных букв	Описание конструктивного строения специфических прописных и строчных букв украинского алфавита
1	*2*	*3*
1.		Заглавная и строчная буквы «Ґ ґ»» состоят из (1) начального дугового штриха, (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) заключительного дугового штриха
2.		Заглавная и строчная буквы «Є є» состоят из (1) начального дугового штриха, (2) полуовального элемента, (3) прямолинейного горизонтального элемента, (4) заключительного дугового штриха
3.		Заглавная буква «І» состоит из (1) начального прямолинейного наклонного штриха, (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) заключительного дугового штриха
4.		Строчная буква «і» состоит из (1) надстрочного элемента (точки), (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) заключительного дугового штриха
5.		Заглавная буква «Ї» состоит из (1) надстрочного элемента (точек), (2) начального прямолинейного наклонного штриха, (3) прямолинейного вертикального элемента, (4) заключительного дугового штриха
6.		Строчная буква «ї» состоит из (1) надстрочного элемента (точек), (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) заключительного дугового штриха

Rahmonova S. M.

Senior science researcher
Ph.D., associate professor of
Taskent state university of Law
(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

SOME ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO MONEY LAUNDERING

Today, in the modern world, corruption is not only a negative social phenomenon but also enormous generator of problems which threats to the stability and security of societies, undermining democratic institutions, ethical values and justice arising detrimental consequences to sustainable development and the rule of law in all countries.

Corruption is no longer a local matter but a transnational phenomenon that affects all societies and economies of countries, resulting in crucial international cooperation to prevent and combat it.

The international community is particularly concerned about the links between corruption and other forms of crime, in particular, organized crime and economic crime, including money-laundering, including cases of corruption that involve vast quantities of assets, which may constitute a significant proportion of the resources of States, and which undermine threat to political stability and sustainable development of these countries.

The United Nations Convention against Corruption (hereinafter - the Convention), to which the Republic of Uzbekistan joined 7 July 2008, was adopted in order to deal with the abovementioned motives.

Without wishing to analyze and interpret all the provisions of the Convention, I would like to consider some rules concerning legalization of criminal income, that is, money laundering.

Thus, Article 23 of the Convention is called "money laundering" and it provides that State as a member shall, in accordance with the fundamental principles of its domestic law, such legislative and other measures as may be necessary to establish as criminal offenses, when committed intentionally:

a) i) The conversion or transfer of property, knowing that such property is the proceeds of crime with the purpose of concealing or disguising the illicit origin of the property or of helping any person who is involved in the commission of the predicate offense to evade from liability for their actions;

ii) the concealment or disguise of the true nature, source, location, disposition, movement, rights to property or its ownership, knowing that such property is the proceeds of crime;

b) when following the basic concepts of its legal system:

i) the acquisition, possession or use of property, knowing, at the time of receipt, that such property is the proceeds of crime;

ii) participation in, association or conspiracy to commit any of the offenses established in accordance with this article, attempts to commit, and aiding, abetting, facilitating and counseling the commission of the offense.

Uzbekistan as a member State, taking into account the legal system undertakes implementation of standards of the Convention relating to money laundering into national legislation.

It is important to note that the Uzbek law, even before the accession to the Convention, provides mechanism to counter this type of corruption crimes.

So, on August 26, 2004 was adopted the Law "On Countering legalization of proceeds from crime and terrorist financing" and it was amended in the criminal law and other regulations.

In the criminal law of the Republic of Uzbekistan offenses similar to either the elements of legalization referred to in sections: crimes against public security and public order; crimes against public order; crimes in economic activity, crimes against the foundations of the economy. However, this is only the similarity of some individual features.

Legalization is a new offense, defining characteristics which are found in-depth analysis of financial transactions and the administrative actions.

Thus, under article 243 of the Criminal Code, the legalization of proceeds derived from criminal activity - it is a ttransferring, conversion or exchange of property derived from criminal activity, as well as the concealment or disguise of real values, source, location, disposition, movement, rights in respect of ownership or affiliation, if such property is derived from criminal activity.

It is believed that legalization is divided into two forms: simple and complex. In this simple form in its structure only difficult stage of legalization, which is a multi-pass financial operation, which involved legitimate commercial financial and banking institutions.

It should be borne in mind that the process of denationalization and privatization of state lack of legal regulation in the early stages of transition to a market economy has created certain conditions for the illicit accumulation of capital (cash and other property) in the hands of individuals and legal entities, known as the "shadow" of capital, the use of which were designated by the term "shadow" economy. That is, the "shado"" capital is formed as a result of criminal activity, and concealed from taxation. Thus, the "shadow" capital ("dirty money") can not legally be used in legitimate economic activities so as not to "light up" in their different forms of government accounting. At its core is the legalization of criminal activity on the removal of funds ("dirty money") from the scope of the "shadow" of capital and introduce them into the sphere of legitimate treatment, ie, give them (money and property) legal ownership status of a particular person or entity.

The complexity of detection and investigation of offenses containing elements of Article 243 of the Criminal Code providing for liability for the legalization of proceeds from crime, is that the methods of legalization are very diverse and difficult to accurately systematize and thus adversely affect the development of specific tactical and methodical bases of disclosure and the investigation of criminal cases in this category. However, in the legal literature attempts to organize these crimes by their methods, which can be divided into the following groups where legalization is accomplished by: 1) financial transactions; 2) transactions of sale and purchase, loan, loan; 3) business activities; 4) false economic activity (opening of fictitious companies, enterprises).

A variety of methods shown in the immediate legalization of their connection with terrorism, organizing a criminal group, bribery, abuse of power or official authority, extortion, fraud, tax evasion and many other crimes, the compositions of which are represented by criminal law. Of course, a variety of ways to legalize and its connection with other crimes, which have a separate structure, virtually eliminates the possibility of a typological methods of investigation, and allows only to determine aggregate (sets, lists) of various forms, methods and tactical methods aimed at rapid and complete disclosure of this crime categories.

Thus, we can assume a certain extent, some organizational and tactical recommendations to the investigator in typical situations of criminal cases in accordance with the characteristics of their excitation and emerging investigative situations:

1. Important role is played by a comprehensive analysis of available materials;

2. Continuation of close cooperation with investigators investigating body to collect the missing evidentiary material by separate cottages orders;

3. In view of the collected body of inquiry and the investigator of data necessary to determine the general direction of the investigation and promotion of investigative and operational versions associated with the current situation of investigation, the most-specific specific area of financial, business and economic activity under investigation;

4. Actually investigative actions to build the evidence base, ie, consolidation of procedural details, sufficient for the formation of the indictment and the preparation of materials of the criminal case to be transferred to the judicial authorities.

Referring to our recommendations, it should be noted that in the criminal procedure and criminal science is generally accepted point of view that the preliminary investigation of crimes of any category is divided into several stages: the initial stage of production investigation and subsequent stages of the investigation.

As the study of the practice in criminal cases involving money laundering, to the Initial investigations typically include seizure, search, designation and production expertise, interrogate suspects and witnesses. Features of the criminal case may also cause conduct other investigative actions (confrontation, inspection documents and others.).

The nature of the original investigation depends on the following search criteria for the establishment of organizations through which the money laundering: the type of criminal activity, because it largely determines the possible schemes and ways of legalization; the volume of illegal production in the period of criminal activity, because if these operations are not systematic, it is the proceeds of crime is most often injected into the legal turnover through "mixing" with legal income through commercial organizations operating legally. It should be borne in mind that the kind of criminal activity is not always leads to the use of a particular scheme of legalization.

Money laundering refers to the most latent crime, which was caused by the fact that having a lot to do with the category of economic crime, detection and investigation of

criminal cases on money laundering are among the most difficult to detect and investigate, to ensure its completeness and comprehensiveness, establishment and return of the put damage, criminal responsibility of all participants legalization.

However, it should be noted the importance of improving the criminal and criminal procedural law, the training of qualified specialists and their expertise, the need to further strengthen the public prosecutor's supervision, coordination with various investigation agencies, including financial and monitoring organizations.

The above are some aspects and some recommendations, in our view, allow more attentive to the issue of combating money laundering, which resulted in considerable damage is caused economic interests of the state.

In conclusion, it should be noted that today money laundering is one of the modern and sophisticated forms of crime, for which effective prevention requires a comprehensive and multidisciplinary approach. The international community is supposed to endeavor to develop and promote global, regional, subregional and bilateral cooperation among judicial, law enforcement and financial regulatory authorities in order to combat such corruption phenomenon.

References. 1. The UN Convention against Corruption // Information searching system. www.lex.uz; 2. The law "On Countering legalization of proceeds from crime and terrorist financing" // Information Searching system. www.lex.uz; 3. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan // Information Searching System. www.lex.uz.

Рожняк П.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

Корецки З.

Отделение по вопросам администрации
Университет обороны
(Брно, Чешская Республика)

Йуржичек Л.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

Войтеховска О.

Кафедра безопасности и правосудия
Колледж регионального развития в Праге
(Прага, Чешская Республика)

АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЕВРОПУ

Мотто: Наводнения, разрушительный торнадо, времена года перевёрнутые вверх ногами, взрывы на химических заводах и атомных электростанциях, задолженность государственных финансов, коварные террористические атаки, радикальный исламизм, эпидемия неизвестных болезней, катящееся человеческое цунами... У вас также такое ощущение, что на нас надвигается слишком много?

Введение. Толчком к написанию этой статьи было несколько серьезных обстоятельств: с 2008 года продолжается кризисная ситуация, хотя и с различной интенсивностью, а также ухудшается ситуация в области международной безопасности, в долговой, в институциональный, а также миграционный кризис и не только в еврозоне. Наше настоящее социально-политическое и экономическое существование выходит из традиционного понимания безопасности. Второе десятилетие 21-го века, однако, показывает политическим и военным консерваторам зеркало, в котором отражается образ процветания и безопасности под другим углом, а не так, как это было в предыдущие годы. Процветание и безопасность сейчас находятся под угрозой ещё недавно "забытых опасностей", таких как терроризм, сепаратизм и радикальный исламизм, будь то глобального или регионального характера.

Европейское сообщество, опьяневшее от своих успехов, расширилось и углубилось. Открылся путь к историческому триумфу, но, к сожалению, приоткрылись двери к кризису этого сообщества. Уже сейчас видно, что расширение и углубление ЕС (2004) превышает возможности некоторых государств-членов.

Кажется, в контексте с цунами беженцев, наполняющими Эдем Европы сегодня, что страны ЕС с большей части вместе живут, а не интегрированы.

Эта статья предлагает аргументы о том, что сегодняшние экономические и общественные угрозы, а также угрозы безопасности и риск мира и Европы имеют глубокие причины, вытекающие из часто необдуманных решений политических (не)авторитетов, их непримиримости и нежелания искать компромисс.

Цель состоит в том, чтобы показать, что одни и те же интересы ещё не означают автоматическое наличие общей политики безопасности и обороны Европейского Союза. Самовидение ЕС как сверхдержавы и укрепление иллюзий относительно своей силы, а также постоянные попытки открыто или подспудно сбалансировать демократию, не гарантирует безопасность мира и Европы. Авторы пытаются сообщить о продолжающейся трансформации рисков безопасности для Европейской сверхдержавы, составной частью которой мы являемся, которая возникает после распада биполярного мира, где безопасность, являющаяся субъективным состоянием, зависит от социальной среды, на восприятии угроз и их интерпретации, и что сегодня это далеко не просто "атомная бомба или химические или другие средства, предназначенные для уничтожения себе подобных все более уменьшающихся, но в глобальном и воюющим мире является опасной и глупая словесная языковая политика. Примеров таких заявлений, угрожающих безопасности на местном, региональном и глобальном уровнях, начиная с начала нового тысячелетия, не сосчитать. Политики, интеллектуалы и широкая общественность начинают воспринимать, что, несмотря на ликвидацию реальной угрозы войны между Востоком и Западом, мир, к сожалению, не становится безопаснее[1].

1. Принципиальные изменения в восприятии опасности

Мы находимся в сложной ситуации. Очевидна неутешительная экономическая ситуация, продолжаю-

[1] Политические споры, ослабление механизма правового государства, природная и вульгарная демократия, в которой все позволено, коррупция, клиентелизм, «алкогольные афёры», мафианские методы не только в политике, но и в экономике, упадок культуры и нравственности, неправильная интерпретация одной из основных демократических норм «что не запрещено,то разрешено», отсутствие политического самоопределения - все это и многие другие явления, являются в конечном счете элементами, разлагающими и опорожняющими государство изнутри, угрожая его безопасности.

щаяся до сих пор и лишь изредка прерываемая намёками на улучшение экономических показателей. Между «старыми» и «новыми» странами и отдельными государствами-членами Европейского Союза не уменьшается разница и экономические различия государств-членов Европейского Союза поразительны. Высокоскоростой Европейский Союз просто существует. Кажется, что мечта о процветающей Европе без войн исчезла. Только не закрывать глаза перед надвигающимся цунами иммигрантов на южном крыле проницаемых границ ЕС из Африки, перед ситуацией в соседней Украине, не говоря уже о так называемом Исламском государстве (ISIS) и радикальном политическом исламе. Более того, Европа умирает. Серьезность ситуации никоим образом не уменьшает факт, что глубину и масштабы кризиса не подпускаем близко к телу или недооцениваем. Участие в настоящей ситуации, без сомнения, принимают СМИ и люди на различных менеджерских позициях, страдающие от заблуждения. Многие консультанты заместителей министров в министерствах и ведомствах не знакомы с проблемами ведомств и людей в них, не понимают их, потому что они не прошли этим «романовской», «батёвской», «чубовской» или, если угодно «армейской» системой «снизу-вверх», и таким образом наблюдают и оценивают возложенные на них обязательства как путешественник пассажирского поезда из купе наблюдает за пейзажем. Им не хватает деталей – знание ведомства, опыта и сочувствия. И так «нам» не важно, что «третьей стороне» раскрываем ранее невозможную действительность, раздеваясь до гола.

Апеллирующий Андор Шандор[1], выделяет много профессиональных проступков, но припоминает зов бедуина, потерянного в пустыне. Мир вокруг нас меняется. У нас есть два варианта: бездействовать или быть активным. К сожалению, чиновники Европы загоняют граждан в порочный круг новых идеологий и беззаботного материализма. Чешское общество является ясным доказательством. В этом контексте однозначно интерпретируется снижение демократии в последних муниципальных, парламентских и особенно европейских выборах. Неактивный, но радикализующийся и недовольный гражданин у пива снова доминирует, из этого парадоксальным образом профилирует так называемое неполитическое меньшинство. Политические партии не допускают собственный кризис. Они не против того, чтобы политические партии в Чехии сегодня были больше похоже на политические дискуссионные клубы. Достаточно внимательно посмотреть на их членский фундамент и на то, какие проблемы они решают.[2]

Возникающие «неполитические движения» с простыми лозунгами решения неразрешимых ситуаций по всей Европе умело с помощью СМИ «промывают головы европейцев». Странные движения, члены которых «трудятся без устали» и «везде были и всё знают» начинают «проезжать» на автострадах Европы на зеленый. Петр Фиала в своем эссе под названием «В конце беззаботности» метко гласит: "Это очевидный парадокс. С одной стороны, утверждаю, что Европейский Союз развивается в неправильном направлении, в настоящее время у него нет правильных ответов ни на экономическо-социальные проблемы, ни на вопросы безопасности, а Запад в целом реализует мало последовательную политику защиты для защиты своих интересов. Но в то же время я утверждаю, что Чехия должна твердо, четко и активно быть составной частью этого «проблемного» западного сообщества»[3].

Несмотря на настойчивые убеждения со стороны верующих в европейский постмодернистский и транснациональный рай, суверенитет и легитимность национального государства постепенно вместе с их безопасностью растворяется в наднациональных структурах.

О позиции на лестнице процветания и безопасности общества решает квалификация и образование населения. Сегодня и каждый день мы можем наблюдать и быть участниками «агрессивной войны» за квалифицированную рабочую силу и «мозги». «Утечка мозгов» является бескровной борьбой за настоящее и будущее благосостояние и безопасность всех нас. В этой "утечке мозгов" играют свою роль, как всегда и во всем: (1) деньги, но и (2) всё больше и больше «качество жизни».

Эта статья о «новой (не) безопасности» в более широком контексте связанна с распадом биполярного мира, с изменениями в международной обстановке за последние два десятилетия, когда, как говорится, «исчез противник» и «появился победитель» холодной (War III World) войны - США. Следование внешней политики Соединенных Штатов Америки через розовые очки и слепое повиновение к введению санкций против одной из ядерных держав и одной из самых больших стран в мире, России, несомненно, является ошибкой. Для Чехии желательно сосредоточиться на странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Эти страны составляют 40 процентов населения земного шара и представляют собой пятую часть мировой экономики. Лодеводы ЕС и политики государств-членов ЕС должны бы подумать о том, почему страны БРИКС возмущены: а) повторяющимися толчками на рынках и б) изменчивостью цен на нефть. Далее, о том, почему страны динамично развивающихся экономик уже решили на саммите в Уфе (июль 2015): 1. О создании общего фонда в объёме 100 миллиардов долларов и 2. О новом банке развития, т.е. о инструментах по борьбе с валютными кризисами и создание финансовой системы не зависящей от Запада, в первую очередь от США (!).

Можно задать вопрос, что такое собственно безопасность и что означает быть в (не) безопасности. Как будто после распада СССР не существовали большие объединительные темы. И таким образом всё пробуется и пробуется. Вызывается джин из бутылки, но никто не знает, как вернуть его обратно. Большие вопросы дня, такие как экология, терроризм, искоренение нищеты,

---

[1] Шандор, Андор. (Генерал- бригады в отставке). Ведущий чешский специалист с опытом работы в области государственного управления, с опытом деятельности в межведомственном кризисном штабе ЧР, антикризисном управлении, управлении крупными организациями, с опытом работы в международных организациях за рубежом. Наделён необыкновенной способностью анализировать вопросы международной безопасности. Способен лаконично оценить ситуацию в военной области и безопасность в мире с акцентом на кризисные районы и военные конфликты.

[2] Один из примеров - реклама SPO в газете «Право». Вызов! Увеличьте долю вещания моравских студий ЧТ на 30% ". Мой бывший асистент сказала бы «босс, кого это интересует.!?». Подробнее «Право» Суббота, 23 мая 2015, Новости, стр.5.

[3] ФИАЛА, Петр. В конце беззаботности: что не желаем слышать о Европе, национальных интересах и о внешней политике. 1-е изд Брно. Barrister, 2015, стр.8, ISBN 978-807-4850-387.

миграционные волны, радикальный исламизм, ISIS, к сожалению, не вызывают согласованные действия всех государств.

Перед выборами они все за ликвидацию нищеты (или, по крайней мере, сокращению безработицы) и за укрепление безопасности, но после выборов это не может быть, даже в небольшой мере, в ущерб их собственному благосостоянию. Растут требования на гибкость и адаптируемость государств, общества и политиков в турбулентной окружающей среде и в процессах глобализации в 21 веке. Текущие локальные вооруженные конфликты, происходящие про подавляющее большинство общества на телевизионных экранах и в безопасности домов - изменяет мышление людей и их отношение к своей собственной безопасности.

Ранее фрагментированная Европа превратилась в сверхдержаву, к которой постепенно переходят ранее неотъемлемые компетенции национальных государств, касающиеся безопасности и обороны. Мы являемся свидетелями фундаментальных изменений и европеизации в восприятии безопасности, а также и изменяющихся отношений между государствами. Мечта европейцев о свободном перемещении границы лицами без таможенного контроля и унизительных личных обысков стала действительностью при образовании Шенгенской зоны[1]. Она включает в себя площадь большинства европейских стран, где люди могут пересекать границы договорившихся государств в любом месте, без необходимости проходить пограничный контроль. Это же относится и к иностранцам, имеющим так называемую Шенгенскую визу. Это большое преимущество стало самым большим недостатком европейцев. Следствием беззубой оборонной политики ЕС является невозможность защиты границ ЕС и непосредственным следствием является фактически открытая Европа для волн иммигрантов. Привлекательность Европы и высокий уровень жизни европейцев, живущих в экономически сильных государствах, является мечтой о рае, в который, логически, закатываются волны миграции людей, протягивающих свои руки к европейскому богатству. Благодаря оппортунистическому лицемерию и безответственной политике «Брюсселя», Шенген оказывается в огромном кризисе. Путь к национализму в странах ЕС приоткрыт. Оказываемся «в конце беззаботности», обращает к этому внимание, без особого ответа, профессор Петр Фиала.2 Кроме того, сила тяжести, к большому негодованию французов (победителей большой последней войны), перемещается из Парижа в Берлин (к проигравшим). Если в краткосрочной перспективе не будут приняты важные и жесткие защитные меры, лишимся в относительно короткий промежуток времени одного из самых больших достижений - свободного передвижения лиц между государствами-членами ЕС. Это больше, чем уверенность, что если супер ЕС не будет способен защитить свой суверенитет, сделают это сами государства-члены. А от этого конструкция пространства свободы и свободного передвижения развалилась бы как карточный домик. Политики должны серьезно и со всей силой реагировать на СМИ, социальные сети и даже на пабы, которые полны дискуссий о беженцах. Некоторые говорят о необходимой солидарности, другие указывают на экономические и социальные последствия, которые могли бы быть катастрофическими.

Оптимальным решением было бы:

(1) в полной мере осознать, что одно исключает другое, что? То, что «Шенген» исключает квоты и квоты исключают «Шенген» (свободное передвижение людей),[3]

(2) принять четкие и жесткие меры, чтобы защитить внешние границы Европейского Союза,

(3) улучшить условия возврата,

(4) уменьшить социальные льготы для беженцев,

(5) работать со странами соответствующих регионов,

(6) ужесточить санкции против торговцев людьми и контрабандистов.

Без политического мужества и принятия жестких мер и власти приходит конец свободному и неограниченному передвижению граждан- европейцев по всей Европе, да и сама демократия будет под угрозой.

Чехи и словаки знают, что независимость может быть утрачена без единого выстрела, что свобода и безопасность находятся под угрозой, если "злоумышленник" перестанет поддерживать деловые отношения, заблокирует доставку важного сырья (нефть, газ, продукты питания, вода) и энергии, или ограничит доступ к важным международным организациям. «Экономические и политические войны» осуществляются без единого выстрела, но от этого не становятся гуманнее.

Центр тяжести национальной безопасности смещается в сторону создания новой международной концепции безопасности. В процессе сближения победителей и проигравших национальное государство постепенно

---

[1] Пространство получило название по деревне Шенген в Люксембурге, где было подписано 14 июня 1985 года Шенгенское соглашение, а 19 июня 1990 года подписан договор о осуществлении Конвенции. В настоящее время в Шенгенскую зону входят государства-члены ЕС, за исключением Ирландии и Великобритании. О отсрочке полного членства попросил Кипр. Не включены еще Болгария и Румыния. С другой стороны, включает в себя Исландию и Норвегю (2001), с 2008 года отменила контроль в аэропорту Швейцария, в 2011 году государством-членом Шенгенского пространства стал Лихтенштейн, с 2007 года Чехия и Словацкая Республика, а также ещё семь других новых стран ЕС. Пространство включает в себя Азорские острова, Мадейру и Канарские острова. С другой стороны, не включены сюда все заморские территории Франции, норвежский Шпицберген, испанский Сеута и Мелилья в Африке, данская Гренландия и Фарерские острова, нидерландские Арубы, Кюрасао, Сант-Мартин, Бонайре, Саба и Сант-Эстатиус, британские коронные зависимые территории.

[2] ФИАЛА, Петр. В конце беззаботности: что не желаем слышать о Европе, национальных интересах и о внешней политике. 1-е изд Брно. Barrister, 2015, стр.8, ISBN 978-807-4850-387.

[3] Установленные квоты на беженцев не нравятся ни большей части политиков, ни общественности. В этом году в Европу прибудет миллион лиц, ищущих убежища, в 2014 году было 626 000 заявлений, только четверть получила убежище. Это огромный натиск. А он будет увеличиваться - в непосредственном европейском соседстве - 25 миллионов человек в движении. В Африке скоро будет благодаря демографической кривой два миллиарда жителей, а потому что условия их жизни в Африке плохи, они будут двигаться в сторону Европы. «Это не дебата о том, до какой степени мы проявляем солидарность с беженцами, это не дебата о исламизме, это дебата о огромных числах. Естественно, к этому не относится тезис о необходимости в рабочих силах, так как речь идёт в основном о бедных, необразованных людях без знания языков, по вполне понятным причинам ищущих лучшее будущее. Достаточно взглянуть на показатели безработицы и, возможно, конкретно, безработицы среди молодежи в некоторых странах ЕС». Подробнее на.: http://zahranicni.eurozpravy.cz/eu/122750-kdo-muze-za-problem-s-uprchliky-schengen-bude-tezko-udrzitelny-varuje-analytik

теряет свое уникальное положение. Согласно высказыванию Барри Бузан, Олло Юаувер и Яап де Вильде «угрозы безопасности не имеют уже характер военных угроз»[1]. Источником угроз являются также в значительной степени некомпетентные решения и речи людей, активных в политике и реакция СМИ на них[2].

В этом контексте, мы задаемся вопросом: «Что является более опасным: благие намерения в сочетании с глупостью или злоба, связанная с интеллигенцией? Политики с помощью мощных средств массовой информации и часто скоррумпированных редакторов вымывают миллионам людей их головы. Принимают решения, имеющие далеко идущие последствия для жизни этих людей.

В «Молитве врачей» сэра Роберта Хатчисон[3] напоминается, что их первая обязанность не ухудшать еще больше состояние больного. Если мы заменим слово "пациенты" словом "избиратели" могла бы быть эта молитва врача и молитвой политика[4]. Политики обязаны вмешиваться только тогда, когда такое вмешательство имеет реальный шанс улучшить текущее состояние и противостоять искушениям своекорыстных вмешательств. Таким образом, основными качествами врачей и политиков должны быть: 1. компетентность и 2. способность реальной оценки того, что может и не может быть достигнуто. Все, что может такой оценке препятствовать, может нанести значительный ущерб.

Возможно, самой неудачной, однако, является попытка воспитать «нового европейского человека». Попытка некоторых брюссельских архитекторов провести перемены в мышлении европейцев с помощью силы политических аргументов сильно смахивает на знакомое коммунистическое воспитание и неудачную попытку создать нового социалистического человека, выполняющего MOKOBUKO = моральный кодекс строителей коммунизма. Как и тогда в странах СЭВ, так и сегодня живут граждане ЕС в соответствии со своими национальными традициями, которые сопротивляются усилиям объедин.

2. Гибрис-синдром

Дэвид Оуэн[5] исследовал, среди прочего, и деятельность политических лидеров, у которых без проблем функционировали познавательные (когнитивные) процессы, но у них появилось и кое-что другое, что он описал как синдром высокомерия гибрис-синдром.[6] «Гибрис-синдром неразрывно связан с обладанием и осуществлением власти. Если человек лишен власти, синдром мощи обычно проходит», констатирует Оуэн. «В этом смысле речь идет о заболевании связанном как с человеческой личностью, так и с определенной функцией. А обстоятельства, в которых эта функция осуществляется, влияют на вероятность того, что лидер ему поддастся».[7] Одной из черт гибрис-синдрома является неспособность изменить направление политики, потому что было бы необходимо признать ошибку. Оуэн в этом контексте говорит о так называемой гибристической карьере, а гибрис-синдром понимает как определенную потерю способностей: «Политические лидеры приобрели благодаря своим собственным успехам высокомерие и начали отклонять советы, которые противоречили их убеждениям, иногда и все советы, и начали вести себя так, как будто бы хотели воспротивиться данной действительности.»[8] Обычно, хотя и не всегда, их за это постигла месть.[9] Вершиной в искусстве правления, в соответствии с высказыванием носителя Пулитцеровской премии Барбары У.Таухмановой, сдерживать свои собственные амбиции и держать глаза открытыми. К сожалению, мы не понимаем, что власть порождает глупость и приносит неспособность мыслить. Структурно возбужденная

---

[1] Бузан, Барри, Оле Ваевер и Яап де Вильде. Безопасность: новые рамки для анализа. 1-е изд. Перевод Иво Лукаш. Брно: Центр стратегических исследований, 2005, стр. 6 Современная теория международных отношений. ISBN 80-903-3336-2.

[2] ЗЕМАН, Милош: Признания информированного оптимиста. Интервью с Петрем Жантовским. Ритка 2012, Издательство ЧАС, стр. 137-140, ISBN: 978-80-87470-85-5. К сожалению, особенно чешские журналисты не проявляют необходимой степени профессионализма. Большинство из них характеризуется сочетанием невежества и огромной уверенности в себе. Каким-то образом не понимают, что журналистский профессионализм заключается в двух вещах: Во-первых, в отфильтровании личных симпатий или антипатий, которые не отражены в комментариях. Во-вторых, в том, что писатель (комментатор) в деле разбирается. Вот я на самом деле подозреваю, что многие журналисты (модераторы) не являются профессионалами. Наоборот, они более способны на «ректальный альпинизм», и пусть их к этой «производительности» ведёт что-угодно (кроме денег, собственной видимости, это «благодарность» тому, кто им платит). В чешском медиапространстве, в ущерб культивированию социальной среды, не существует такой журналист, как Майкл Мур. И так, в конечном счете, способствуют созданию опасной среды, постепенно способствуют деградации базовых столбов-ценностей, на которых держится не только демократия, но прежде всего: национальная безопасность. Из сторожевого пса демократии становятся «ленивые кошки», медленно разъедающие политическую систему и её безопасность.

[3] Сэр роберт хатчинсон: (1871-1960), Молитва врача. Перед неспособностью сохранить здоровых здоровыми, от чрезмерного энтузиазма по поводу нового и от презрения к искусству и образованию за пределами здравого смысла, и чтобы мы не обращались с пациентами как просто со случаем, и чтобы наше лечение болезни как таковой не было более болезнено, чем течение болезни, дай нам Бог.

[4] Оуен Дэвид. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия. Пасека, Прага - Литомышль , 2011, 416 с.

[5] ДЭВИД ОУЕН (* 1938) в 1976-79, министр иностранных дел Великобритании, соучредитель партии лейбористов, в настоящее время - независимый член Палаты лордов, как психолог уже давно занимался исследованием влияния заболеваний на решения мировых политических лидеров. Подробнее: ДЭВИД ОУЕН. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия. Пасека, Прага - Литомышль , 2011, 416 с..

[6] Не является медицинским термином, был разработан в Древней Греции, речь идёт о описании конкретного действия. Гибрис-синдром проявлялся тогда, когда влиятельный человек, наполненный бессмысленной гордостью и уверенностью в себе, вёл себя гордо и недоброжелательно. Это своего рода «высокомерие по профессии» или «мощь желаний» (Платон). Молодые люди и люди богатые, как правило, имеют тенденцию к надменности (презрительность, т.е. презрительные). Гибрис (высокомерие) - это также определённая потеря способности, собственный успех порождает гордыню с последующим отказом от советов, которые противоречат его убеждениям. И чем выше положение человека, тем больше синдром набирает обороты. Больше всего этот синдром влияет на человека на позиции главы государства. Гибрис (англ.) - высокомерие, гордость, арогантность. Гибрис-синдром проявляется даже тогда, когда человек находится у власти, после определённого периода у мощи власти, после потери мощи данный синдром может пройти. Это связано с человеком – с определенной функцией.

[7] ДЭВИД ОУЕН. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия, Пасека, Прага – Литомышль, 2011, 416 с.

[8] По словам Оуэна страдали от синдрома высокомерия следующие демократические главы государств: Джордж В. Буш, Тони Блэр, Маргарет Тэтчер, Невелл Чемберлен, Линдон Джонсон и Теодор Рузвельт. Подробнее: ДЭВИД ОУЕН. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия, Пасека, Прага – Литомышль, 2011, 416 стр., ISBN: 978-80-7432-124-5.

[9] Возмездие, греческий.

глупость характеризует поведение отдаленных правящих слоев. К сожалению, это весьма актуально и повсеместно. Элита, которая теряет связь с большинством подданных, хочет управлять (и управляет) обществом без того, чтобы действительно знала, что в нем происходит.

Общество сегодня (часто) состоит, с одной стороны, из небольшой элиты, а с другой стороны, из большинства населения. Обе группы резко отличаются друг от друга как образом жизни, так и мышлением и интересами. И лишь немногие понимают, что в конечном итоге речь идет о дестабилизации хрупко сбалансированной внутренней безопасности государства. Какие последствия может иметь глупое поведение политиков и элиты для внешней безопасности – об этом лучше не думать. Политик - государственный деятель, несет ответственность за благополучие своего народа и должен действовать в соответствии с другими правилами, чем интеллектуал в кафе. Такой политик становится государственным деятелем. К сожалению, различные игроки на чешской политической сцене играют в игры ложные, а их поведение является непосредственным риском безопасности для всех.

За небольшим исключением политики не делают то, за что им платят. Эти «высокопоставленные змеи в костюмах», как метко характеризуют их Роберт Гаре и Паул Бабияк, подстраивающие абсолютно все свои действия «Эффекту Люцифера» (дайте мне власть и я дам вам процветание и безопасность) являются политическими психопатами и паразитарными хищниками. Основными источниками дохода, не только чешских политических предпринимателей, является несоответствие его производительности и вознаграждения, получаемого от избирателей.

3. Высокомерное поведение, угроза безопасности

Типичной чертой гибристического поведения является неспособность своевременно отойти от пойла. Уже в книге книг[1] говорится, что концепция смирение связана со способностью принятия истины. Там, где гордость безгранична, а ограничения гордости спадет, идет такой человек неумолимо по пути к интоксикации власти. Кажется, что нет ничего невозможного и опасность эфемерна. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что гибристическое поведение, создающее угрозу безопасности, осуществляется в соответствии с регулярно повторяющейся схемой:

А. Человек получает славу и восхищение, и вопреки ожиданиям достигает неожиданного успеха.

Б. Этот опыт вскружит ему голову.

В. С остальными начинает вести себя высокомерно и предвзято.

Г. Получает веру в свои способности, и начинает думать, что он способен сделать что угодно.

Д. Это высокомерие может привести к неправильному восприятию реальности и совершению ошибок.

Е. Наконец, он встречает свою богиню возмездия (Nemesis), которая его уничтожит.[2]

Синдром –гибнис влияет на людей у власти, синдром является тем, что у человека проявится, является проявлением естественных процессов, набором черт, признаков или симптомов поведенческих эффектов в функции. Человек, совершающий гибристический акт часто воображает, что он всех превосходит и имеет право на силу Божью (он наделен «провидением» - превосходит). Люди, страдающие от этого синдрома, появляются, когда у них есть 3 или 4 симптома из следующего списка:

1.	Самовлюбленная тенденция видеть мир в первую очередь в качестве арены, на которой может осуществлять власть и искать славу, а не как место с проблемами, которые требуют прагматического подхода, а не эгоцентричного.
2.	Тенденция принимать участие в событиях, которые его, вероятно, покажут с плохой стороны, бросят на него тень, не улучшать его имидж.
3.	Чрезмерная заинтересованность в собственной личности и презентации.
4.	Мессианский стиль речи при описании своих собственных поступков и тенденция к преувеличению.
5.	Слияние с государством в той степени, что перспективы и интересы обоих образований считаются идентичными.
6.	Тенденция говорить о себе в третьем лице, или с помощью королевского "мы".
7.	Чрезмерная вера в свои собственные суждения и презрение к рекомендациям или критике других.
8.	Чрезмерное себялюбие, граничащее с чувством всемогущества, если речь идет о том, чего может достигнуть лично.
9.	Убеждение, что не должен отвечать на «светские» судебные инстанции и на суждение коллег, а также на общественное мнение, что судить его будет кто-то гораздо выше - Бог.
10.	Непоколебимая вера, что вышестоящий суд узнает его правым.
11.	Беспокойство, безрассудство, взрывоопасность.
12.	Потеря контакта с реальностью и постепенная изоляция.
13.	Упорный отказ изменить направление, когда в интересах «широкой перспективы» (читай: собственные убеждения о моральной правильности предложенной стратегии) перестает быть необходимым вариант рассмотрения других аспектов, например, практичность этой стратегии, затраты на внедрение и возможность нежелательных результатов.
14.	Так называемой гибристической некомпетентностью называют ситуацию, когда речь пойдет не так именно потому, что лидер находился под влиянием своего высокомерия и не удосужился решить практические аспекты. Появляется невнимательность к деталям и нелюбознательный характер.[3]

К внешним ключевым факторам, влияющим на поведение человека, явно принадлежат:

1) преобладающий успех в получении власти и при ее удержании,

2) политическая обстановка, где существуют минимальные ограничения личного авторитета лидера,

3) время, которое будет оставаться у власти[4].

Заключение. Огромной угрозой про Европу является сегодня сама Европа. Безопасность Европы уменьшает-

[1] Библия.

[2] Йуржичек Л., Рожняк П. Безопасность, угрозы и риск в 21 веке. Острава: Key Publishing, 2014, стр. 35.

[3] ДЭВИД ОУЕН. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия, Пасека, Прага – Литомышль, 2011, 416 стр.,

[4] Таухман, Б.В. Письмо историку Манделлу Трейгтону, автору книги A hitou of the Papag during the Period of the Reformation. 5.4.1887, 7 и 33.

ся и наиболее ей угрожает ее разобщенность, неединство, нерешительность и своего рода тяжело определяемая показная человечность некоторых ее представителей. Добавим ли к этому посольству безрассудный и глупый «спрос» на мигрантов из исламского мира (например, канцлер Германии Меркель или господин Юнкерсе), так не надо удивляться, что миграционный кризис ударил летом 2015 года, и его дальнейший прогресс и воздействие на европейцев трудно предсказать. 2016 год будет годом упорного испытания оперативных возможностей не только брюссельской элиты. Иммигранты, приезжающие в Европу представляют собой опасность в новом виде. Без сомнений к этому можно отнести: высокий уровень преступности, насилие, неравенство между мужчинами и женщинами, различное восприятие цивилизационных ценностей и их проникновение в общество. К тому же исчезающую толерантность, растущее высокомерие, меняющееся лицо демократии, бурную бюрократическую структуру, простодушную элиту и средства массовой информации, эскалацию агрессии и большее стремление к власти политических партий и их представителей, глупые, высокомерные решения политиков и деятельность СМИ, клиентелизм (кумовство) и коррупцию. Все это логически влечет за собой изменение точки зрения на роль исследований безопасности. Экономические и цивилизационные угрозы намного реальнее, чем те военные, и вероятность того, что общество будет угрожать себе самому, существенно выше, чем риск,что будет подвержено военному нападению извне.[1] Европу может подорвать только ее собственная слабость.

Литература: 1. Бузан Б., Ваевер Оле И Яап Де Вильде. Безопасность: новые рамки для анализа. 1-е изд. Перевод Иво Лукаш. Брно: Центр стратегических исследований, 2005; 2. Оуэн Д. История болезни. Недуги мировых лидеров последнего столетия. Пасека, Прага - Литомышль 2011, 416 стр.,; 3 Фиала П. В конце беззаботности: что не желаем слышать о Европе, национальных интересая и внешней политике. 1-е изд. Брно. Барристер, 2015; 4. Клаус В., Вейгл Й. Перемещение Наций: Краткое руководство для понимания текущего иммиграционного кризиса. Первый. Велки Пржилепы:. Олимпия, 2015, 88 с. 5. Робейшек П. Взгяд на мир с Ржипа: внешняя политика для каждого из нас. 1-е изд. Иллюстрация Владимир Йиранек. Прага: Alfa Publishing, 2006, 48 с. 6. Таухман Б. В. Письмо историку Манделло Трейгтону, автору книги A hitou of the Papag during the Period of the Reformation. 5.4.1887, 7 и 33. 7. Земан М. Признания информированного оптимиста. Интервью с Петрем Жантовским. Ритка: Издательство ЧАС 2012.

Рыбак С. В.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Республики Беларусь «Международный университет «МИТСО»

кандидат юридических наук, доцент

(Минск, Республика Беларусь)

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Демократизация общества и становление правового государства предполагают усиление гарантий прав и законных интересов личности.

Повышенное внимание к защите прав человека в сфере уголовного процесса обусловлено, прежде всего, тем, что именно здесь под давлением всей мощи государственного аппарата наиболее зримо и остро ощущается уязвимость правовой защиты лица. Именно уголовно-процессуальная деятельность в силу объективной необходимости немыслима без вторжения в личную жизнь граждан и применения к ним государственного принуждения, что сопровождается ограничением конституционных прав и свобод. Созданный комплекс гарантий в данной сфере правоотношений предполагает своевременное приобретение лицом соответствующего процессуального статуса, что детерминирует наделение этого лица совокупностью прав.

Следует признать, что до настоящего времени орган уголовного преследования Республики Беларусь, преследуя собственные интересы чаще всего тактического характера, пользуясь несовершенством уголовно-процессуального законодательства, прибегает к ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Так, в отношении гражданина С. в 2014 году Следственным комитетом Республики Беларусь проводилась доследственная проверка, в ходе которой названный гражданин проверялся на причастность к совершению преступления, предусмотренного ст. 233 ч. 3 УК Республики Беларусь (незаконная предпринимательская деятельность, совершенная организованной группой). После проведения оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий орган дознания направил собранный материал в Следственный комитет Республики Беларусь для дачи правовой квалификации и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Получив уведомление о принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела, гражданин С. обратился в следственный орган с просьбой ознакомить его с материалами проверки.

В удовлетворении ходатайства гражданину С. было отказано. В соответствующем письме за подписью заместителя начальника главного управления, акцентировалось внимание на том, что лицо, в отношении которого проводится проверка и принимается решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, не является участником уголовного процесса, а, соответственно, это лицо не наделено правом на ознакомление с материалами проверки.

Комментируя принятое решение, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Определение понятия «участники уголовного процесса» содержится в п. 49 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). В соответствии с данной нормой участники уголовного процесса – это «судья, прокурор, государственный обвинитель, начальник следственного подразделения, следователь, начальник органа дознания, дознаватель, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители и представители, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания - помощник судьи), свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахож-

[1] РОБЕЙШЕК, Петр: Взгяд на мир с Ржипа: внешняя политика для каждого из нас. 1-е изд. Иллюстрация Владимир Йиранек. Прага: Alfa Publishing, 2006, 48 стр., Политология (Alpha Publishing).

дением в международном розыске с целью выдачи, и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с УПК».

В результате принятия Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам» от 04 января 2008 г. № 308-З перечень участников уголовного процесса приобрел признак открытости: добавлена фраза «и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с настоящим Кодексом». Таким образом, согласно действующему законодательству участником уголовного процесса признается любое лицо, принимающее участие в уголовном процессе.

Правоприменителю следует понимать, что закрепление в УПК норм, регламентирующих права и обязанности индивидуально каждого участника уголовного процесса, представляется трудновыполнимым. Поэтому законодатель в сконцентрированном виде закрепил права и обязанности лишь некоторых из них. Тем не менее, все субъекты уголовно-процессуальной деятельности наделяется такими общими правами, как право на заявление жалоб, ходатайств, право на пользование услугами переводчика и т.д.

В ходе проверки в отношении гражданина С. следователем проводились такие следственные и процессуальные действия, как осмотр жилища, осмотр места происшествия, получение объяснений, осмотр предметов и документов и т.д. В процессе их проведения гражданину С. разъяснялись соответствующие права и обязанности.

В этой связи утверждение должностных лиц Следственного комитета Республики Беларусь об отсутствии у гражданина С. процессуального статуса выглядит, по меньшей мере, странными и ничем не обоснованными.

До указанных выше изменений в УПК, в теории уголовного процесса действительно велись дискуссии о том, следует ли признавать участниками уголовного процесса лиц, не включенных в перечень п. 49 ст. 6 названного нормативного правового акта. Вместе с тем, теоретические разногласия и споры в понимании того или иного вопроса могут иметь место лишь до тех пор, пока они не затрагивают конституционные права и свободы личности.

УПК действительно не закрепляет конкретной нормы, обязывающей ознакомить лицо, в отношении которого проводилась доследственная проверка, с материалами проверки (одновременно и не исключая такой возможности). Вместе с тем, в соответствии со ст. 34 Конституции Республики Беларусь государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Сложно отрицать то, что в ходе доследственной проверки ограничиваются (а значит и затрагиваются) в первую очередь права и свободы лица, в отношении которого эта проверка проводится. Поэтому, правомочие на ознакомление с материалами в полной мере, относится к лицу, в отношении которого проводится (проводилась) проверка.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормы Конституции Республики Беларусь имеют высшую юридическую силу по отношению к иным нормам законодательства (в том числе и УПК).

Обратим внимание, что в условиях дефицита подобных предписаний в УПК Российской Федерации Конституционный Суд России в своих решениях от 18.02.2000 года № 3-П и от 06.07.2000 года № 191-О признает за лицом, чьи законные интересы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, право на ознакомление с материалами проверки, проведенной по заявлению или сообщению о преступлении.

Думается, правоприменитель Республики Беларусь способен самостоятельно сделать аналогичные умозаключения, не дожидаясь аналогичного решения Конституционного Суда Республики Беларусь.

Ввиду убежденности в высокой квалификации сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь разумно исключить такое объяснение незаконного отказа в ознакомлении гражданина С. с материалами доследственной проверки, как незнание изменений в УПК или незнание правил применения законодательства в случае противоречия правовых норм.

Напрашивается вывод об умышленном, в угоду собственным тактическим соображениям, нарушении прав лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Анализируемые действия сотрудников не так давно созданного государственного органа (Следственный комитет Республики Беларусь функционирует с 2011 года) а также нежелание законодателя конкретизировать правомочия лиц в рамках специального отраслевого нормативного правового акта затрудняют доступ граждан к информации о деятельности государственных органов и не способствует решению приоритетной задачи уголовного процесса по защите прав, свобод и законных интересов личности.

Рыжаков А. А.

генеральный директор ООО «Юридический» Альянс», (Симферополь)

Рыжаков А. П.

Тульский филиал Международного юридического института
кандидат юридических наук, профессор
(Тула)

ПРОТИВОРЕЧИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВА НА ОДИН ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР ЗАДЕРЖАННОГО

Федеральный закон от 30 декабря 2015 года № 437-ФЗ внес изменения в ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 96 УПК. Теперь «Подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения». Появилось ли у задержанного соответствующее право? Или это его имитация?

Попробуем ответить на поставленный вопрос.

Теперь согласно ч. 3 ст. 46 УПК «в случае, предусмотренном» п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК, «подозреваемому предоставляется право на один телефонный разговор…

в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения». В ч. 1 ст. 96 УПК законодатель, с одной стороны, повторил закрепленное в ч. 3 ст. 46 УПК правило, с другой, стремился дополнить и уточнить его. В частности, он попытался установить срок, в течение которого следователь (дознаватель), оформляющий протокол задержания, обязан обеспечить доставленному к следователю (в орган дознания) после фактического задержания лицу возможность одного телефонного разговора. Полагаем, это главная идея установленного в ч. 1 ст. 96 УПК срока. Этот срок не может превышать 3 часов с момента доставления «подозреваемого» к следователю (в орган дознания). Хотелось бы верить, что ни «подозреваемый» «имеет право» 3 часа с момента его доставления к следователю (в орган дознания) «на один телефонный разговор...», а следователь (дознаватель) обязан обеспечить ему реализацию этого права — предоставить возможность телефонного разговора на описанных в ч. 1 ст. 96 и ч. 3 ст. 46 УПК условиях.

Однако, вынуждены признать, что, буквально, в ч. 1 ст. 96 УПК речь идет все же не об этом. Ею предусмотрен срок, в течение которого «подозреваемый... имеет право на один телефонный разговор...». Закрепив в законе именно эту формулировку, думается, законодатель хотел предотвратить возможные злоупотребления искомым правом со стороны задержанного. Сделать так, чтобы он, пользуясь правом на телефонный разговор, не мог затягивать процесс оформления протокола задержания и таким образом не в состоянии был влиять на момент начала самого задержания в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК. Право на телефонный звонок у «подозреваемого» имеется лишь определенное время — самое большее три часа после доставления к следователю (в орган дознания). Если «подозреваемый» в течение этих трех часов отказывается реализовывать свое право на один телефонный разговор, то он его лишается. Причем утрачивает «подозреваемый» искомую возможность не по решению следователя (дознавателя), а в соответствии с требованием закона — истечением установленного ч. 1 ст. 96 УПК срока действия рассматриваемого права.

Это, конечно, понятно. Но все ли получилось так, как было задумано?

Согласно ч. 1 ст. 92 УПК после доставления «подозреваемого» к следователю (в орган дознания) «в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания». В этот же срок у «подозреваемого» имеется право, хотя подозреваемого еще может не быть. О чем речь? Да о том, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК, на которую ссылается ч. 3 ст. 46 УПК, подозреваемым является лицо, которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК. А задержано оно в соответствии со ст. 91 и 92 УПК лишь после письменного оформления данного решения в протоколе задержания. В том самом, который должен быть составлен в срок не более 3 часов после доставления задержанного.

Выходит, если в течение 3 часов подозреваемому не дали возможности реализовать возможность телефонного разговора на условиях, предусмотренных ч. 3 ст. 46 УПК, или, того хуже, не оформили протокол задержания и тем самым не наделили его статусом подозреваемого, доставленное к следователю (в орган дознания) после фактического задержания лицо «лишается» рассматриваемого права. Буквальное толкование несовершенной новой формулировки ч. 1 ст. 96 УПК сводит задумку законодателя к абсолютному нулю. У следователя (дознавателя и др.) появляется простая, легко осуществимая и, главное, основанная на законе возможность «лишить» лицо, доставленное в орган предварительного расследования после фактического его задержания, права на предусмотренный ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 96 УПК один телефонный разговор. Для этого достаточно закончить оформление протокола задержания ровно через три часа после доставления фактически задержанного к следователю (в орган дознания). В уголовном процессе появится подозреваемый. Но он будет лишен права на телефонный разговор, так как искомые три часа истекли. А согласно ч. 1 ст. 96 УПК, повторимся, «подозреваемый... не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор...». А фактически задержанное лицо пока оно не стало подозреваемым вообще и не было наделено правом на один телефонный звонок.

А как много было выступлений по поводу того, что законодатель, якобы, ввел в УПК новую норму. Она же на деле оказалась «пустышкой». И, по меньшей мере, требует существенного совершенствования законодательной формулировки. А пока следователи (дознаватели и др.) вполне могут применять «наше толкование» в мотивировочной части своих объяснений, почему они не представили задержанному возможности осуществить один телефонный разговор, о котором идет речь в ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 96 УПК.

Садовник Н. Г.

Полехина Ж. Ю.

Смуглова Н. В.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы»
(Симферополь)

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ БИОЛОГИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СЛЕДОВ СПЕРМЫ

Современное состояние судебно-биологической науки позволяет оказывать действенную помощь следственным органам в установлении истины. На службу следствию поставлены как традиционные цитологические и морфологические методы исследования, основанные на обнаружении сперматозоидов, так и последние достижения науки: иммунологические и генотипоскопические методы, позволяющие работать с микроследами биологического происхождения.

Целью данной публикации является систематизация представлений, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, о возможностях судебной биологии в подготовке доказательной базы при расследовании половых преступлений.

Оперативные действия при осмотре места происшествия.

Каждый этап оперативно-следственных мероприятий требует глубокого осознания процессов, протекающих в следах биологического происхождения под влиянием окружающей среды, и возможных последствий неосторожных действий при проведении данных

мероприятий, влекущих за собой изменение основных свойств либо полное уничтожение объектов исследования ещё до направления их в лабораторию.

Лицу, непосредственно контактирующему с вещественным доказательством, необходимо помнить о высокочувствительных методах исследования (анализ ДНК) и принимать меры по предотвращению загрязнения объекта исследования собственным биологическим материалом: работать в одноразовых резиновых перчатках и маске.

Осмотр места происшествия в случаях совершения противоправных действий сексуального характера необходимо проводить при ярком естественном или искусственном освещении. Поверхности предметов и одежды рекомендуется осматривать в косопадающем свете с помощью криминалистической лупы, а также использовать переносные источники ультрафиолетового излучения «Флу-отест», «Квадрат», «ОЛД-41», «УК-1», «КД 33-Л» для выявления следов подо-зрительных на сперму.

Выявления следов спермы на месте происшествия можно проводить с по-мощью реактива «Фосфотест», который нанесен на подложку специальной пластины. Появление через 20-30 секунд на подложке пятна яркой фиолетовой окраски указывает на присутствие фермента кислой фосфатазы, характерной для следов спермы. [1,2].

Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств.

На вооружении эксперта имеются предварительные и доказательные методы исследования [5].

Целью предварительных (ориентировочных) методов исследования явля-ется нахождение пятен, похожих на сперму, которые затем подлежат обязательному морфологическому исследованию. Используются следующие ориентиро-вочные методы исследования:

- осмотр невооруженным глазом или с помощью лупы;
- исследование в ультрафиолетовом свете.
- реакция с картофельным соком (или фитоагглютинационный метод).

Активным компонентом спермы, блокирующим агглютинирующее действие витамина С в реакции фитагглютинации, является тестостерон, который содержится в сперматозоидах и в семенной плазме. О присутствии спермы мы предполагаем, когда получаем полную, либо значительную задержку агглютинации[7]. По этой реакции мы можем высказаться лишь о возможном присутствии спермы, а не о ее наличии, т.к. реакция не строго специфична. Данная ре-акция позволяет в течение одного рабочего дня исследовать большое количество объектов, исследовать которое морфологическим способом было бы затруднительно.

2. Доказательные методы исследования. Доказательством семенного происхождения пятна может служить обнаружение клеточных элементов спермы - сперматозоидов или головок сперматозоидов, которые содержатся только в сперме, имеют весьма характерный вид (состоят из головки, шейки и хвоста), позволяющий уверенно отличать их от других морфологических элементов. Метод абсолютно специфичен. Морфологическое исследование подразделяется на две группы:

- окраска сперматозоидов без извлечения их из пятна. Используются раз-личные методы окраски (0,5% раствор эритрозина в 25% аммиаке по методу Корен-Стокиса; 1% раствор кислого фуксина и 1% раствор метиленового сине-го по методу Баэкки; обработка концентрированной серной кислотой и др.) вы-резок, взятых непосредственно из подозрительного пятна;- окраска сперматозо-идов после их извлечения из пятна. Концентрированное извлечение сперматозо-идов из пятна по методу Серапяна: из подозрительного пятна делают вырезки на площади около 1 см2, которые экстрагируют, центрифугируют, затем из осадка готовят препараты, которые окрашивают и подвергают исследованию. Существует также метод отпечатков на предметных стеклах, предложенный Девятки-ной и Юдиной. Он применяется в случае отсутствия разрешения на проведение исследований, могущих повлечь полное или частичное уничтожение объектов (в соответствии со ст. 61 ч.3 УК РБ). Морфологический метод исследования спер-мы, несмотря на свои положительные стороны, имеет и серьёзные недостатки. Он чрезвычайно кропотлив: поиски сперматозоидов в пятнах на вещественном доказательстве нередко требует многих часов, а иногда и дней. При половых преступлениях или при подозрении на них изымают содержимое влагалища, прямой кишки и ротовой полости. При наличии на кожных покровах потерпевших следов, подозрительных на сперму, их изымают путем смыва на марлю. Обязательно направление контрольного кусочка марли.

В эякуляте здоровых мужчин имеется граммположительная флора (стафилококки, энтеробактерии, микрококки), являющаяся представителем нормальной микрофлоры репродуктивной системы. Так называемый биопрофиль микрофлоры здоровых фертильных мужчин и его влияние на сохранность сперматозоидов, также имеет значение в судебно-медицинской практике. 6. К тому же, по данным российских исследователей, среди контингента жертв оконченных изнасилований ввиду некоторых их психосоциальных особенностей изначально имеет место высокий фон сексуально передаваемых инфекций: 41,5% из них перенесли трихомоноз, хламидиоз, гонорею, сифилис и т.д.[6].

Для судебных медиков представляет интерес вопрос о сохранности сперматозоидов в половых путях у женщин при жизни и посмертно. Зарубежные и отечественные исследователи на большом материале установили, что сперматозоиды во влагалище живых женщин сохраняются не более 7 суток после сношения [2]. В органах трупа менее чем через 1 сутки активизируются аэробные бактерии, имеющиеся при жизни (кишечная палочка, протей, сенная палочка, кокки). Синегнойная палочка полностью разрушает сперматозоиды в пятнах, хранившихся во влажной среде в течение 2 - 3 суток. При хранении пятен в сухом виде разрушение сперматозоидов, как правило, не наступает. О длительных сроках сохранения спермы сообщалось в судебно-медицинской литературе, в основном в качестве казуистических наблюдений: во влагалище трупа она мо-жет сохраняться до 62 суток, во рту трупа - до 60 суток (в условиях, препятствующих разложению тела) и на трусах, хранившихся в банке - до 1 года. Имеются сообщения о значительном количестве головок и хвостиков сперматозоидов, обнаруженных во влагалище трупа, захороненного в зимнее время, спустя 107 суток после смерти. Исследованиями, проведенными Дмитриевой О.А. (Российский центр судебно-медицинской экспер-

тизы МЗ и СР РФ, Москва), до-казано, что изменения в структуре сперматозоида во влагалище трупов, находившихся в оптимальных условиях (при температуре +4° С), начинались со 2-ой недели, к концу 6-ой недели почти все головки были разрушенными. Следовательно, при обнаружении трупа через 1,5-2 месяца после события нет оснований отказываться от установления наличия в полостях спермы и дальнейшего ее исследования [5].

Сперматозоиды могут быть разрушены в следах спермы не только под действием микрофлоры влагалища, но и в результате воздействия на пятно различных внешних факторов.

В случаях, когда судебный биолог не выявляет морфологически различимых элементов спермы в подозрительных пятнах, либо найдены только единичные головки сперматозоидов, применяются иммунологические методы.

В настоящее время находит широкое применение мембранный диагностический тест для судебно-медицинского анализа, позволяющий обнаружить присутствие спермы (семенной жидкости) путем полуколичественного определения PSA (простатического специфического антигена). Преимущества определения PSA: возможность установить наличие спермы, когда сперматозоиды отсутствуют (мужчины с азооспермией, вазэктомией); возможно установление наличия PSA даже в малом количестве спермы; PSA характеризуется хорошей устойчивостью. В вагинальном секрете происходит постоянное разложение PSA. Определить PSA в вагинальном секрете можно в среднем спустя 14-47 часов после полового акта. Зафиксированы случаи, когда PSA был определен в пятнах с семенной жидкостью 30-летней давности; PSA - признак, более специфичный, чем определение кислой фосфатазы; тесты просты, удобны в обращении.

Проблема исследования смешанных пятен.

Выявление группоспецифических антигенов системы АВО в смешанных пятнах представляет собой сложную проблему, так как в основном исследуются выделения из открытых полостей тела человека: ротовой, вагинальной, аналь-ной. В таком материале всегда содержится большое количество микрофлоры, обладающей серологической активностью, способной искажать истинный фено-тип индивидуума, обуславливая в ряде случаев кажущееся несовпадение анти-генных характеристик крови и выделений одного и того же человека. Кроме то-го, в разных участках одного и того же пятна может находиться различное ко-личество клеточного материала. С этой целью было предложено применение техники дифференцированного лизиса, ранее используемого при ДНК-анализе для выделения генетического материала сперматозоидов из «смешанных» сле-дов. Этот метод основан на разнице в химическом строении клеточных оболо-чек сперматозоидов и эпителиальных клеток.

После вышеописанной обработки пятен проводится определение группоспе-цифических антигенов системы АВО спермы, сохранившейся в пятне, общепринятой методикой реакции абсорбции-элюции. Этот метод не требует более тон-ких расчетов реактивов и выдержки временных параметров, выходящих за пределы обычных при проведении классических серологических реакций.

Таким образом, нами освещены диагностические возможности судебной биологии в исследовании следов спермы при расследовании половых преступлений на современном этапе развития судебно-биологической науки. Идентификационные вопросы наиболее достоверно и эффективно разрешаются с помощью генотипоскопического исследования следов спермы.

Литература: 1. Барсегянц Л. О., Левченков Б. Д. «Судебно-медицинская экспертиза выделений организ-ма», М.: Медицина, 1978; 2. Дергай Г. Б. «Современные возможности судебных экспертиз»: учеб. пособие. Акад. МВД Республики Беларусь, 2000; 3. Кривда Г.Ф., Демиденко А.Н. «Осмотр трупа и вещественных доказательств на месте про-исшествия», Херсон 2012, 207с.; 4. «Полное руководство по применению мембранных иммунологических тестов на выявле-ние простатического специфического антигена (PSA)»; 5. Барсегянц Л. О. «Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств», М.: Медицина, 1999; 6. Свирский М. С., Зайцев В. В. «Определение компонентов и изолированная диагностика групповых антигенов спермы и влагалищных выделений в смешанных пятнах» // Суд.-мед.эксперт, 1980, № 2; 7. Туманов А. К. «Основы судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств», «Медицина», М., 1975;

Самищенко С.С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский технологический университет»
кандидат медицинских наук, доктор юридических наук, профессор
(Москва)

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА – ОСНОВА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА

Диагностика и прогнозирование свойств человека по папиллярным узорам интересное и достаточно новое направление в криминалистике. Аналогичное направление имеет место и в дерматоглифике.

В дактилоскопической диагностике достаточно четко выделяются три направления. Первое – диагностика свойств следообразующего объекта. Примером могут служить задачи установления руки и пальца, которыми оставлен след. Второе – диагностика свойств человека в целом, например определение пола и возраста по отображениям папиллярных узоров. Третье – диагностика обстоятельств отображения папиллярных узоров и работы с ними. В этом направлении из всех выделяются две важные практические задачи, в частности, установления давности образования следов рук и диагностика подделки или подлога следов рук.

Прогнозирование, в общем понимании этого термина, это предсказание, предвидение развития какого-то события, явления. Дактилоскопическое прогнозирование, это прогнозирование на основе исследования дактилоскопической информации.

И диагностика и прогнозирование должны строится на научной основе, то есть на результатах научных наблюдений, исследований, умозаключений.

В основе диагностики и прогнозирования некоторых свойств человека по папиллярным узорам лежит знание о взаимосвязи последних с особенностями анатомии и физиологии человека. Папиллярные узоры, как известно, есть у всех наших предков – приматов, и даже у более ранних видов лемуров, тупай, долгопятов и некоторых других видов, обладающих хватательной функцией лап. Параллельное развитие кисти, ее тактильного аппарата – папиллярных узоров, и высших отделов

мозга, и является основой для научных исследований в дактилоскопическом прогнозировании.

Все прогрессивные характеристики развития человеческого мозга в сравнении с его ближайшими предками – человекообразными обезьянами, сводятся к следующим: сильное увеличение головного мозга; выраженное развитие новой коры и ассоциативных зон; увеличение лобной и теменной долей; увеличение численности борозд «третьего порядка», которые и позволили увеличить площадь коры мозга без значительного увеличения объема; увеличение связей между полушариями мозга в сочетании морфофункциональной межполушарной асимметрией; количественный рост межнейрональных контактов.

Отличительные характеристики человеческого мозга, в сравнении с высшими приматами, формировались под воздействие усложнения трудовых навыков работы руками и звуковой речи. В этот же период, под воздействием фактора труда и звуковой коммуникации изменялись социальные отношения в группах предков человека. Поэтому степень отличия папиллярных узоров человека, как основной сенсорной системы, функционирующей в ходе выработки и осуществления трудовых операций, от папиллярных узоров высших приматов, будет маркировать в определенной части особенности высшей нервной деятельности человека и ее социально-адаптационную реализацию.

Учитывая сказанное выше можно с высокой степенью достоверности предположить, что папиллярные узоры человека и в частности узоры концевых фаланг пальцев рук могут выступать как маркеры различных вариантов мышление человека, реализуемых в социально-адаптационных свойствах человека, и, следовательно, их можно использовать в различных ситуациях для дактилоскопической диагностики и дактилоскопического прогнозирования.

Подобные научные гипотезы уже высказывались в литературе. Например, В.Г. Солониченко и Делоне Н.Л. размышляя об адаптивных фенотипах человека, подчеркнули, что общность эмбрионального, а, следовательно, и филогенетического, происхождения папиллярной кожи и центральной нервной системы, позволила предположить связь признаков дерматоглифики с особенностями функционирования нормальной ЦНС. В подтверждение этому приводятся исследования, установившие взаимосвязь некоторых характеристик папиллярных узоров с определенными параметрами электроэнцефалограмм [1].

Богданов Н.Н. с соавторами установили, что папиллярные узоры большинства серийных убийц маньяков имеют признаки «скрытого левшества», что выражается в наличии более сложных узоров или (и) узоров с большим гребневым счетом на левой руке [2].

Исследования дерматоглифики лиц, злоупотребляющих психотропными средствами, показало у них некоторые статистические отличия характеристик папиллярных узоров. Эти отличия от популяционной нормы проявились: повышенной частотой встречаемости дуг и радиальных петель на отдельных пальцах, высокими средними значениями гребневого счета различных узоров и повышенным суммарным гребневым счетом [3].

Публикаций, подобных представленным выше, в которых увязываются различные свойства личности со строением папиллярных узоров, в научной литературе значительное количество. Основным недостатком такого рода публикаций является статистическая ограниченность исследованных материалов и отсутствие данных о популяционной норме.

Если гипотеза о маркировании социально-адаптационных свойств человека папиллярными узорами хотя бы в некоторой степени права, то соответствующими исследованиями можно подтвердить эти предположения или опровергнуть их.

А.С. Самищенко проведены специальные исследования в указанном выше аспекте [4]. Основной целью проведенного исследования было достоверное установление частоты встречаемости различных вариантов распределения по десяти пальцам рук человека четырех основных типов папиллярных узоров: завитковых, петлевых ульнарных, петлевых радиальных и дуговых. Такое распределение узоров названо им дактилоскопической формулой человека.

В первую очередь требовалось установить нормальные популяционные характеристики дактилоскопических формул.

Для этого из массива дактилокарт АДИС «Папилон» были отобраны дактилокарты молодых мужчин в возрасте от 18 до 27 лет. Расовый состав был пропорционален расовому составу молодого (до 27 лет) мужского населения России. В указанном массиве папиллярные узоры разделены на четыре основных типа, указанных выше. В случаях, когда АДИС «Папилон» сталкивалась с переходными формами узоров учитывался только один вариант – наиболее сложный узор.

После предварительной обработки исходного массива и очистки его от «неполноценных» и двойных дактилокарт для исследования остался массив в 2.849.318 дактилокарт. Для анализа массива была разработана специальная программа, в результате использования которой, была получена информация об общем количестве дактилоскопических формул и частоте встречаемости каждой из формул. Впервые установлено, что в указанном массиве дактилокарт встретилось 32.342 вариантов дактилоскопических формул. Теоретически (чисто математически) четыре типа папиллярных узоров на десяти пальцах должны были составить 410 или 1.048.576 вариантов дактилоскопических формул. Следовательно, из теоретически возможной совокупности вариантов дактилоскопических формул (100%) на практике встретились только 3,084%. При этом частоты встречающихся формул значительно отличаются друг от друга, они колеблются в пределах от максимальной 4.31127% до 0.

Очень важным моментом для понимания закономерностей, лежащих в основе распространения дактилоскопических формул среди людей, имеет тот факт, что 90% исследованных индивидов имеют, примерно, 1200 формул. Остальные формулы (более 31 тысячи) встречаются лишь у 10% индивидов.

Проведенные исследования дали представление о популяционной норме распределения папиллярных узоров среди населения России. Принцип оценки выявленных фактов с позиций социальной адаптации достаточно прост: чем чаще встречается та или иная дактилоскопическая формула, тем социально адаптированнее ее носители, точнее социально адаптивнее антропологическая группа, из которой он происходит.

Следующим этапом исследований стало сравнительное исследование дактилоскопических формул некоторых социально дезадаптированных, в той или иной

степени, групп населения. Все исследования больших массивов дактилоскопических материалов проводились с использованием специальных компьютерных программ.

Первой исследованной группой были 804.894 дактилоскопических формул лиц, осужденных за "хранение и распространение наркотиков", подавляющая часть из которых, с большой долей вероятности, сами являются наркоманами. Этот массив дактилокарт условно назван база "наркоманы".

В результате сравнения дактилоскопических формул «наркоманов» с популяционной нормой получены интересные и статистически достоверные результаты. Так установлено, что дактилоскопические формулы с преимущественным расположением завитков на левой руке в базе наркоманы примерно в 96% случаев, то есть в подавляющем большинстве, встречаются чаще, чем в основной базе, отражающей популяционную норму. Такую же выраженную тенденцию к увеличению по частоте встречаемости демонстрируют формулы с преимущественным расположением дуговых узоров на левой руке.

В базе «наркоманы» установлено наличие дактилоскопических формул, которые вообще не встречаются в норме. И таких формул 20, 86% от общей численности.

С популяционной нормой распределения дактилоскопических формул можно сравнивать любые более или менее представительные группы дактилоскопических формул и даже единичные. Например, было проведено сравнение 35 дактилокарт серийных маньяков-убийц с «основной базой» и получены достоверные различия. Так 68,6% маньяков имеют формулы, располагающиеся на половине редких формул списка, а 28,6% маньяков имеют формулы, входящие в группу самых редких формул.

Еще одной группой индивидов с низкой социальной адаптацией являются граждане, чьи неопознанные трупы обнаруживаются правоохранительными органами и долгое время остаются таковыми.

Были исследованы дактилоскопические карты, полученные от 72 неопознанных трупов. Сравнивали частоту встречаемости четырех основных типов узоров и частоту встречаемости дактилоскопических формул от этих индивидов с популяционной нормой. В результате было установлено, что в группе «неопознанные трупы» отмечается существенный рост завитковых узоров на 5,16% и существенное снижение ульнарных петель – на 5,45%. Количественные изменения радиальных петель и дуговых узоров лежит в пределах одного процента.

Частота встречаемости редких формул в группе «неопознанные трупы» на 13.88% больше чем формул с высокой частотой встречаемости, что весьма существенно.

Нами проведены предварительные исследования группы детей с девиантным поведением (всего 90 человек, далее обозначаются как «дети»). Установлено, что в сравнении с нормальным распределением дактилоскопических формул («норма») в этой группе имеются значительные отличия. В частности, редких формул у «детей» практически в два раза больше чем в «норме», средних по частоте встречаемости формул у «детей» в 5,7 раза меньше чем в «норме», и, более того 11% формул «детей» вообще не встречаются в «норме», они специфичны для этой группы. Необходимо отметить, что специфических формул нет даже у «маньяков». Редких и специфических формул у «детей» в 1,4 раза больше чем в группе «маньяков».

Выявление значительных отличий количественных и качественных характеристик дактилоскопических формул в группах индивидов с измененной социальной адаптацией в сравнении с популяционной нормой, свидетельствует о наличии четкой взаимосвязи дактилоскопических формул человека с уровнем социальной адаптации индивидов.

Отмеченное уже сейчас может являться научным основанием для диагностических и прогностических исследований, а так же создает предпосылки для дальнейших исследований, результаты которых позволят проводить научно обоснованные дактилоскопическое и дерматоглифическое прогнозирование и диагностику.

Литература: 1. Солониченко В.Г., Делоне Н.Л. Адаптивные фенотипы человека в физиологии и медицине // Успехи физиологических наук. – 1999. - № 2. С. 56.; 2. Богданов Н.Н., Самищенко С.С., А.И. Хвыля-Олинтер Дерматоглифика серийных убийц / Вопросы психологии, № 4, 1998. С. 61-65.; 3. Ким В.В., Тупицина Л.С., Гнусарева Е.С. Особенности пальцевой дерматоглифики у мужчин, систематически употребляющих психоактивные вещества // Теория и практика физической культуры. № 8, 2005. С. 53-55.; 4. Самищенко А.С. Сравнительные исследования дактилоскопических формул человека // Закон и право. № 11, 2014. С. 136-138.

Седова Г. И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Саратовская государственная юридическая академия"

кандидат юридических наук, доцент (Саратов)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Законодательная практика в России не пошла по пути, определенному Концепцией судебной реформы, предусматривавшей ликвидацию дознания как особой (самостоятельной) формы расследования. Дознание, как самостоятельная форма расследования не только не было упразднено, не только не была сужена сфера деятельности органов дознания по делам, по которым предварительное следствие необязательно, но напротив, подследственность органов дознания стала существенно расширяться. 29 мая 1992 года Законом Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальные кодексы РСФСР» к подследственности органов дознания дополнительно были отнесены составы преступлений, предусмотренные 57 статьями УК РСФСР [1]. В этот период, складывающиеся в России новые социально-экономические отношения, повлекли за собой рост преступности, увеличение объема уголовных дел. Отсюда возникла необходимость высвобождения следственных органов от работы по преступлениям, не относящимся к категории тяжких.

Расширение подследственности органов дознания выявило необходимость решения вопросов, связанных с обеспечением процессуальных гарантий для участников процесса расследования уголовных дел в форме дознания.

Закон не устанавливает особых правил производства следственных действий и принятия решения в процессе дознания, а распространяет на них правила производства предварительного следствия в ч. 1 ст.223 УПК РФ. Именно они отражают процессуальную природу дознания как одной из форм предварительного расследования.

На сегодняшний день к подследственности органов дознания дополнительно отнесено более 32 статей УК РФ, которые входили в компетенцию, как следователей МВД, так и других правоохранительных органов.

Пункт 8 статьи 5 УПК РФ однозначно определяет дознание как форму расследования, осуществляемую дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно [2]. По сути, органы дознания в соответствии с данным определением, должны заниматься только расследованием преступлений, по которым предварительное следствие необязательно. Но пункт 24 указанной статьи закона, в формулировке понятия «органы дознания» помимо этого, говорит об иных процессуальных полномочиях, закрепленных в УПК за органами дознания. Такое же понимание их полномочий содержится в ч.2 ст. 40 УПК РФ. Следовательно, дознание нельзя рассматривать только как форму предварительного расследования. Представляется, что содержание этого понятия должно включать в себя и указание на иные формы деятельности органов дознания. Не удивительно, что и перечень органов дознания в УПК не является исчерпывающим, их количество, наименование достаточно сложно определить по той регламентации, которая предложена законодателем. Так , ч. 1 ст. 40 к органам дознания в Российской Федерации относит: 1) органы внутренних дел, 2) органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, 3) органы Федеральной службы судебных приставов, 4) органы государственного пожарного надзора, 5) начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, 6) командиров воинских частей, соединений, 7) начальников военных учреждений и гарнизонов.

Кроме того, пункт первый данной нормы УПК РФ при обозначении принадлежности органов исполнительной власти к органам дознания, отсылает нас к закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: «К органам дознания относятся: 1)...иные органы..., наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». В соответствии со статьей 13 этого нормативного акта, число органов дознания возрастает за счет: 8) органов Федеральной службы безопасности, 9) Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны, 10) таможенных органов Российской Федерации, 11) Службы внешней разведки Российской Федерации, 12) Федеральной службы исполнения наказаний [3].

Таким образом, положения ст. 40; ч.3 ст.150УПК РФ определяют объем полномочий органов дознания: 1) осуществление расследование в форме дознания, в порядке, установленном главой 32 УПК РФ; 2) возбуждение уголовных дел в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ; 3) проведение неотложных следственных действий (ст.157 УПК РФ).

Следовательно, с учетом объема полномочий органы дознания можно дифференцировать на 2 группы. К первой относятся те, которые обладают всей полнотой предоставленных законом прав, имеющих в своей структуре аппараты расследования (дознавателей). Согласно ч. 3 ст.151 УПК - это шесть органов исполнительной власти: 1) органы внутренних дел, 2) органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, 3) органы Федеральной службы судебных приставов, 4) пограничные органы Федеральной службы безопасности, 5) таможенные органы РФ, 6) органы государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы.

Во вторую группу входят должностные лица, которые одновременно являются и органом дознания и начальником органа дознания. Причем, эта группа органов дознания по своей компетенции делится на две категории. Первую образуют те, кто имеет право: возбуждать уголовные дела и проводить неотложные следственные действия только в пределах своей компетенции. К ним относятся: 1) органы Федеральной службы безопасности; 2) начальники органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, 3) командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов.

Вторую категорию таких органов дознания составляют лица, которые могут действовать только в пределах своей территории, указанные в ч.3 ст.40: 1) капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах; 2) руководители геологоразведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; 3) главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации [4].

Следует отметить, что законодатель в тексте указанной нормы закона не называет этих лиц органами дознания, тогда как наименование статьи 40 УПК РФ говорит об обратном. С другой стороны, процессуальная деятельность таких исполнительных органов как Федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, наделенных в соответствии с п.1 ч.1 ст. 40 УПК статусом органа дознания [3] не отражена в тексте уголовно-процессуального закона.

Известно, что успешное применение закона и обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина определяется четким обозначением лиц, на которых возложено производство по уголовному делу, их обязанностей и полномочий. Между тем, в УПК РФ по отношению к органам дознания, это положение не полностью учтено, - один и тот же участник уголовного судопроизводства обозначается разными понятиями, которые не совпадают, «государственные органы» (п. 24 ст.5) и «органы исполнительной власти» (ст.40), которые не могут быть идентичны. Причем, определяя полномочия органов дознания, законодатель смешивает в одно: процессуальную деятельность (возбуждение уголовного дела, производство дознания, проведение

неотложных следственных действий) и оперативно-розыскную.

Исходя из определения органов дознания, содержащего в ч.1 ст. 40 УПК РФ можно сделать вывод о том, что ими являются органы внутренних дел и иные органы исполнительной власти в целом. Частично это подтверждено ст.151 ч.3 УПК и прямо указано в ст.157 УПК. В данной норме закона в качестве органа, который возбуждает уголовные дела и осуществляет неотложные следственные действия названы и органы федеральной службы безопасности, но тогда следователи этого ведомства тоже входят в органы дознания, что не является приемлемым. В этой связи следует отметить и несовершенство конструкции п.7 ч.3 ст. 151 УПК РФ, в которой следователь наделен полномочиями органа дознания.

Представляется, что надуманность подобной системы субъектов, их нечеткий правовой статус может негативно повлиять на качество обеспечения прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, являющийся единственным кодифицированным законом уголовно-процессуального права и регламентирующий положения по осуществлению уголовного преследования государственными органами и должностными лицами, должен содержать конкретные указания на такие органы, а не отсылать к иным законам и ведомственным нормативным документам. Разрешить данную ситуацию могло бы создание единого органа расследования преступлений, осуществляемых единым субъектом – следователем. Ныне существующее предварительное следствие и дознание как формы предварительного расследования мало чем отличаются друг от друга. С правовой точки зрения, дознание – это рассмотрение сообщений о преступлении (ст. 144 УПК), а не форма предварительного расследования (ст.150 УПК). В этом случае может пригодиться опыт правовых систем зарубежных стран, где существует формализованное досудебное производство. При появлении информации о преступлении открывается дознание. Его цель – выяснение наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного преследования (уголовного дела, публичного иска и т.д.). После его возбуждения либо начинается предварительное следствие, либо дело передается непосредственно в суд [4].

Литература: 1. Закон РФ от 29.05.1992 № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» / [Электронный ресурс], URL: http://news-city.info/akt/lawmaking-17/tekst-yy-pravitelstvo-prawo.htm, (дата обращения 26.03.2016 г.); 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016 г.). / [Электронный ресурс], URL: http: www.consultant.ru/documen t/ cons_doc_LAW_34481 (дата обращения 26.03.2016 г); 3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) "Об оперативно-розыскной деятельности" / [Электронный ресурс], URL: профессиональные справочные системы «Техэксперт», http://docs.cntd.ru/ document /9012676, (дата обращения 26.03.2016г.); 4. Седова Г.И., Степанов В.В. Дознание: функции и организация деятельности. М. 2003. С.19.

Смирнова И. Г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет» доктор юридических наук, профессор (Иркутск)

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ*

Вопрос о политике не нов для российской науки. Так, в своей работе «Проблема уголовной политики» профессор А. Маклецов справедливо указывал, что из славянских государств уголовная политика теоретически больше всего разрабатывалась в России, где благодаря М. П. Чубинскому курс уголовной политики был введен в учебный план университетов[1, с.359].

Анализ специальной литературы, посвященной политике, позволяет утверждать, что наиболее обсуждаемыми являются вопросы уголовной политики, ее понятия, соотношения с иными смежными категориями, видов, предмета, методов, форм реализации, субъектов, наделенных соответствующими полномочиями.

Вместе с тем, проблемы уголовно-процессуальной политики характеризуются новизной, и, следовательно, относительно невысокой степенью разработанности. Тем более, в литературе не исследовались проблемы того, насколько уголовно-процессуальная политика отражает социальную сущность уголовного судопроизводства и насколько следует ей.

Прежде чем остановиться на анализе правовых позиций Конституционного Суда РФ, хотелось бы изложить ряд умозаключений о природе современной уголовно-процессуальной политики.

Во-первых, уголовно-процессуальная политика является самостоятельным направлением государственной социальной политики и ввиду своего производного характера должна рассматриваться как самостоятельный элемент уголовной государственной политики во взаимосвязи и с политикой уголовно-правовой, и с уголовно-исполнительной политикой.

Во-вторых, следует признать, что уголовное судопроизводство одновременно выступает в двух ипостасях: как следствие такого социального явления, как преступность, а также как механизм, в сфере реализации которого проявляются иные последствия преступности.

В-третьих, с учетом политической, экономической, культурной и даже спортивной изоляции государства на мировой арене, а также в связи с появлением и развитием новых форм преступности и совершенствования способов совершения преступлений, развитием международного, транснационального характера современной преступности, полагаем, что идея исключительно защиты прав и свобод личности, т.н. приватной идеологии, является законодательной и доктринальной утопией, которая не в состоянии обеспечить удовлетворение

* Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 29.1247.2014/К на выполнение научно-исследовательских работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части. Проект №1247 «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ».

национальных интересов страны. Тем более, что нынешняя уголовно-процессуальная политика (со ссылкой на ст.6УПК РФ) ориентирована изначально не на охрану, а на защиту законных интересов, т.е. уже в самом законе заложена возможность ограничения прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовного преследования. К тому же, уголовно-процессуальная политика и на законодательном уровне, и на этапе фактической реализации должна быть ориентирована на обеспечение национальной безопасности, должна быть пригодна как средство не только защиты, но, в первую очередь, охраны жизненно важных интересов личности, общества, государства.

Наконец, можно констатировать, что уголовно-процессуальная политика наглядно демонстрирует отсутствие четкого вектора собственного развития, разбалансированность усилий фактических субъектов формирования и реализации политики, неспособность удовлетворить потребности общества и личности в безопасности и оправдать их ожидания.

В таких условиях влияние Конституционного Суда трудно переоценить.

Справедливо отмечает Е.А.Зайцева: «Одним из базовых положений, определяющих сущность правового государства, является принцип разделения властей, согласно которому законодательная, исполнительная и судебная ветви власти осуществляют свои функции самостоятельно, не подменяя одна другую, не выполняя несвойственные им функции» [2, с.22]. Указанное означает, что функция суда не может быть связана с правотворчеством. Вместе с тем, особое место, которое занимает Конституционный Суд РФ в действующей судебной системе, обусловливает специфику его функций. В настоящее время следует признать, что de facto Конституционный Суд РФ активно участвует в определении вектора современной уголовно-процессуальной политики.

Каким образом это происходит, можно проиллюстрировать на примере одного из последних постановлений Конституционного Суда РФ, вынесенного 17 декабря 2015 года [3]. Предыстория вынесенного решения такова. Октябрьским районным судом г. Новосибирска 5 октября 2014 года было удовлетворено ходатайство следователя о производстве обыска в помещениях некоммерческой организации «Новосибирская городская коллегия адвокатов» с целью отыскания и изъятия документов, подтверждающих оплату юридической помощи по уголовному делу, а также личного обыска адвокатов и иных лиц, которые могли находиться в данном помещении на момент производства соответствующих следственных действий.

По факту такого обыска заявители обратились в Конституционный суд, поскольку, по их мнению, УПК РФ позволяет суду удовлетворять ходатайства следователя об изъятии у адвоката, осуществляющего защиту подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, и в помещении адвокатского образования составляющих адвокатскую тайну материалов адвокатских производств в отношении доверителей, что создает возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и препятствует профессиональной деятельности адвоката.

Доводы Конституционного Суда РФ, проверявшего конституционность норм УПК РФ, допускающих возможность проведения обыска, связанного с доступом к материалам адвокатского производства сводились к слеюущему:

–только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну. И это обусловлено специфическим характером содержащейся в изымаемых предметах и документах информации;

– отсутствие в ст. 182 УПК РФ прямого указания на необходимость вынесения судебного решения о производстве обыска с целью изъятия (выемки) предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, не означает, что ею устанавливается иной, нежели предусмотренный п.7 ч.2 ст. 29 УПК РФ, порядок выемки и изъятия материалов, составляющих адвокатскую тайну;

– предварительный судебный контроль в отношении производства обыска в целях обнаружения и изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, а также предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, в частности в случаях, когда такие предметы и документы содержат охраняемую федеральным законом тайну, включая адвокатскую;

– при этом, гарантии конфиденциальности должны распространяться на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом;

– не все сведения, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. Режим адвокатской тайны не распространяется на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также сведения, свидетельствующие о совершении правонарушений, имеющих уголовно противоправный характер, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому оказывается юридическая помощь, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката).

Таким образом, проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката допускается только по судебному решению, отвечающему требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ) с указанием, с одной стороны, конкретных объектов поиска и изъятия в ходе данного следственного действия, а также сведений, служащих законным основанием для его проведения, с другой стороны.

Интересно отметить, что в иных государствах действует иной режим обеспечения сохранности адвокатской тайны. Так, например, во Франции согласно положениям Внутреннего регламента (унифицированного) адвокатов всех французских палат адвокатская тайна характеризуется рядом содержательных и нормативных особенностей:

– абсолютность профессионального секрета адвоката и его неограниченность во времени;

– невозможность освобождения адвоката от обязанности по хранению адвокатской тайны ни своим клиен-

том, ни каким-либо органом власти, ни в целом кем бы то ни было;

– распространение адвокатской тайны на все, что связано с консультациями адвоката либо с оказываемой им защитой, независимо от используемого типа носителей информации, и в частности, на: пояснения, адресованные адвокатом клиенту либо клиентом адвокату; переписку между адвокатом и клиентом, а также между адвокатами; внутренние записи адвоката и в целом все документы, относящиеся к адвокатскому досье по делу; все сведения и конфиденциальную информацию, собранные и полученные адвокатом в связи с осуществлением профессиональной деятельности; имена клиентов и распорядок дня адвоката; любое движение денежных средств, вытекающее из адвокатской деятельности; финансовую отчетность адвоката перед уполномоченными органами (информация, которую адвокат может предоставить только своему клиенту);

– активная позиция самого адвокатского сообщества в отстаивании корпоративных интересов в виде незыблемости профессиональной тайны.

Таким образом, с учетом фактического изменения приоритетов в системе охраняемых законом ценностей данное Постановление Конституционного Суда РФ следует признать обоснованным и отвечающим современным реалиям.

Литература: 1. Маклецов А. Проблема уголовной политики // Рос. криминолог. взгляд. – 2009. – № 1. – С. 359; 2. Зайцева Е. А. К вопросу о законодательной власти в России, или как «правят» УПК РФ // Рос. судья. – 2007. – № 3. – С. 22; 3. По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 52 (часть I). – Ст.7682.

Соколова И. Ф.

кандидат медицинских наук, доцент

Иванченко Е. Д.

Ботенко В. Н.

Олейник Е. Ю.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Научный и практический интерес к проблеме преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (сексуальных), посягающих на достоинство, психическое и физическое здоровье человека возрастает, в особенности, если учесть их частоту. Как свидетельствуют данные статистического анализа исследователей, они составляют около 22% всех выявленных преступлений, причем регистрируется, только одно из восьми совершенных сексуальных преступлений. При этом более 1/3 сексуальных преступлений совершаются повторно, что отражает недостаточную эффективность мероприятий, направленных на профилактику сексуальной преступности. Проблемы, связанные с преступными посягательствами сексуального характера, рассматриваются представителями семейного и уголовного права, криминалистики, криминологии, сексологии, психологии и социологии [1,2].

При расследовании половых преступлений, касающихся самых интимных сторон жизни человека, возникает немало вопросов, для разрешения которых требуется проведение судебно-медицинской экспертизы. Помимо слабого освещения теоретических основ проведения судебно-медицинских экспертиз по преступлениям сексуального характера, сама по себе данная процедура включает множество проблемных аспектов. Одним из которых, является временной фактор проведения судебно-медицинской экспертизы, как потерпевших, обвиняемых, так и подозреваемых в совершении половых преступлений, особенно против несовершеннолетних. Половые преступления против несовершеннолетних являются одним из самых проблемных пластов современного общества. К сожалению, в последние годы количество подобных преступлений значительно выросло, не считая огромного количества незарегистрированных преступлений. Вещественные доказательства имеют также временный характер, поскольку могут быстро исчезать или легко быть уничтожены. Эффективность результатов экспертного осмотра потерпевших при половых преступлениях тем выше, чем раньше после происшествия оно проводится. Производство экспертизы необходимо именно на стадии возбуждения уголовного дела. После совершения преступления сексуальной направленности его следы могут остаться на теле человека: кровоподтеки, ссадины, следы спермы, крови и иных биологических выделений. Все они могут исчезать или быть уничтожены в течение нескольких часов, в последующем восстановить их будет невозможно.

В настоящее время проведение судебно-медицинской экспертизы осуществляется только по письменному предложению следствия и суда в соответствии с действующим законодательством РФ (уголовным, уголовно-процессуальным, гражданским и гражданско-процессуальным кодексами), Приказом № 346н от 12.05.10 «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ», инструкциями и нормативными актами [3].

Учитывая социальную значимость результатов расследования этого сложного вида преступлений, особенно на стадии предварительного следствия, в условиях перехода Республики Крым в правовое поле РФ, при проведении судебно-медицинских экспертиз учитывается, что ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности предусмотрена статьями 131—135 УК РФ, отличающимися от трактовки преступлений в Украине: ст. 131—изнасилование; ст. 132 — насильственные действия сексуального характера; ст. 133 — принуждение к действиям сексуального характера; ст. 134 — половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; ст. 135 — развратные действия [4,5].

Учитывая особенности проведения подобного рода экспертиз, включающие решение не только медицинских вопросов, но хотя и косвенно, социальных, экономических, философских (причинно-следственных), мы

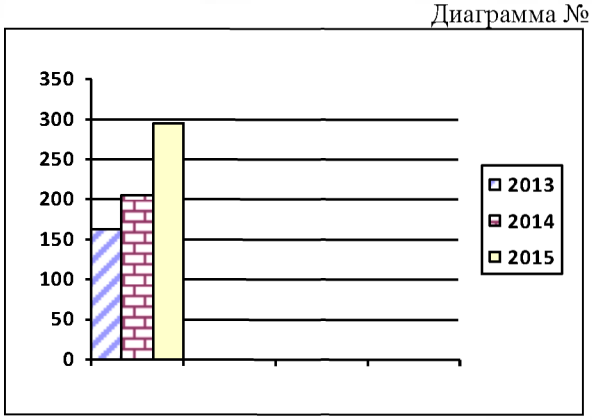
провели краткий анализ судебно-медицинских экспертиз по половым состояниям по материалам ГБУЗ РК «КРБ СМЭ» за 2015 год.

За 2015 год нами изучено 93 судебно-медицинских экспертиз по отделу потерпевших, обвиняемых и других лиц КРБ СМЭ по Симферополю и Симферопольскому району.

Всего за 2015 год по Республике Крым было проведено экспертиз 295, в 2014 - 205, 2013 - 162.

По сравнению с 2013, 2014 годами за три последних года количество экспертиз возросло (Диаграмма № 1).

Диаграмма № 1



Как видно из таблицы, количество экспертиз по Республике Крым, так и по отделу г. Симферополя и Симферопольскому району в течении трех лет имело тенденцию к увеличению. Так, наибольшее количество экспертиз произведено по отделу в 2015 году – 93, что составило 31,5% от общего количества экспертиз, в 2014 – 27,8%, в 2013 – 27,7%.

Распределение свидетельствуемых по полу было следующим:

- всего за 2015 год было освидетельствовано 93 человека, из них 35% лиц мужского пола и 65 % женского пола.

- по возрасту распределение было следующим образом: от 0 до 7 лет – 8%; от 7 до 14 лет – 21%; от 14 до 18 лет – 21%; от 18 до 30 лет – 15%; старше 30 лет – 24%.

Анализируя обращаемость потерпевших, обвиняемых и других лиц в бюро судебно-медицинской экспертизы, следует отметить, что раннее освидетельствование (до суток) составило всего 19 случаев, преобладал осмотр потерпевших в период 1-3 суток – 22 случая, но были экспертизы и при обращении потерпевших свыше 5 суток, даже после 1 месяца – 32 случая после совершенного преступления. Именно на эти показатели следует обратить внимание сотрудников следствия на предварительном следствии.

При анализе поводов для проведения экспертиз по половым состояниям было выявлено преобладание изнасилования – 39%; развратные действия с несовершеннолетними – 13%; установление девственности – 20%; определение половой зрелости – 15%; мужеложство – 12%. Сексуальные действия насильственного характера в отношении несовершеннолетних составили 62, что составило 66,6% из общего количества экспертиз.

Анализ экспертиз по месту происшествия показал, что совершение преступления на улице было в 42% случаев, дома 21%, в машине 6%, в лесополосе, парке 14%, прочие (в сауне, пансионат) 17%.

В 2015 году телесные повреждения при этом виде экспертиз были обнаружены в 21,5 % случаев, из них преобладали легкие телесные (20,4%), средней тяжести 1% и «повреждения не обнаружены» встретились в 77 % случаев. Анализ данных исследования девственной плевы и результатов лабораторных исследований показал, что количество свежих разрывов составило 4,3 %, старых 43%, растяжимая девственная плева составила 3,2%. По лабораторным показателям соотношение обнаружения и не обнаружения сперматозоидов составило или 1:4, то есть в 80 % случаев сперматозоиды обнаружены не были.

Таким образом, анализ судебно-медицинских экспертиз по Симферополю и Симферопольскому району за 2015 год показал увеличение количества изнасилований среди других поводов судебно-медицинских экспертиз, преобладание места происшествия на улице, возрастной показатель находится в границах 7 до 18 лет, при определении тяжести причиненного вреда здоровью преобладают случаи, когда повреждений не обнаружено, затем повреждения, не причинившие вред здоровью и причинившие Легкий вред здоровью, очень мало случаев свежих разрывов девственной плевы, и крайне мало положительных результатов лабораторных исследований по обнаружению сперматозоидов в исследуемом материале, что с одной стороны может быть связано с поздней обращаемостью, с другой – широким применением противозачаточных средств.

В заключении хочется отметить, что предложенный анализ имеет большое значение для проведения мер как медицинского характера в системе здравоохранения, так и для разработки предупредительных мер правоохранительными органами (санитарно-просветительная работа с подростками, инспекторов отделов по делам несовершеннолетними и т.п.).

Литература: 1. Дмитриева О.А. Совершенствование судебно-медицинских методов диагностики бывшего полового сношения по делам об изнасиловании: Автореф. дис. … канд. мед. наук – М., 2001. –27 с.; 2. Дмитриева О.А. Смирнова Е.В. Анализ насильственных действий сексуального характера, повлекших повреждения аноректальной области// Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. — Хабаровск, 2010. — №11. — С. 105-108; 3. Приказ № 346н от 12.05.10 «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ», 2010; 4. Уголовный кодекс Российской Федерации с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 [№ 8-П, от 13.07.2010 N 15-П); 5. Бабанин А.А., Соколова И.Ф. Судебно-медицинская экспертиза половых состояний. Симферополь, 2001. – 202 с.

Соловьев О. Д.

кандидат юридических наук, доцент

Ежова Ю. И.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород)

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Судебно-экспертное исследование алкогольной продукции ставит перед собой ряд задач, основной из

которых является идентификация алкогольной продукции. Такое исследование предполагает установление соответствия показателей, принятых государственными стандартами. Так, например, на исследование и для проведения экспертизы на соответствие требованиям ГОСТ 7190-2013 [1] от ликеро-водочных изделий от¬бираются пробы в соответствии с ГОСТ Р51135–2010 [2].

Стоит отметить, что характеристика напитков не ограничивается стандартными показателями. В своем составе они содержат множество специфических веществ, некоторые из которых являются типичными для данной группы изделий и могут использоваться для подтверждения подлинности продукции.

Таким образом, можно выделить следующие показатели идентификации алкогольных напитков: органолептические; физико-химические, предусмотренные стандартами; специфические, не предусмотренные стандартами, но используемые или рекомендуемые для подтверждения соответствия продукции ее наименованию.

На данный момент существующая нормативная база и методы идентификации алкогольной продукции не всегда позволяют с высокой степенью достоверности идентифицировать видовую или типовую принадлежность алкогольных напитков, особенно когда на исследование поступают образцы зарубежной алкогольной продукции.

Возникает спорный вопрос о том, по каким нормативным документам осуществлять экспертизу образцов зарубежной алкогольной продукции. Российское законодательство действует в пределах нашего государства, а зарубежные страны имеют свои нормативные документы, зачастую различающиеся с российскими по многим параметрам. Налицо проблема стандартизации и унификации правил, по которым необходимо проводить исследования алкогольной продукции.

В Российской Федерации есть Постановление Госстандарта РФ от 28.04.1999 № 21 (ред. от 18.06.2002) «О Правилах проведения сертификации пищевых продуктов и продовольственного сырья» [3], где в Приложении 9 перечислены порядок сертификации, а также перечень показателей, подлежащих подтверждению при обязательной сертификации напитков, вин, коньяков, спирта этилового питьевого и ликероводочной продукции.

Самым приближенным зарубежным аналогом является проект Технического регламента Евразийского Таможенного союза о безопасности алкогольной продукции, но опять же речь идет о согласовании пяти стран ближайшего зарубежья.

Для противодействия контрабанде, обороту контрафактной и фальсифицированной алкогольной продукции, а также для повышения уровня безопасности жизни или здоровья граждан, технической и информационной совместимости, взаимозаменяемости продукции, повышения конкурентоспособности продукции, сопоставимости результатов исследований и измерений, технических и экономико-статистических данных необходимо создать единый международный документ, который будет регулировать проведение исследования алкогольной продукции и порядок ее идентификации.

Литература: 1. ГОСТ 7190-2013. Межгосударственный стандарт «Изделия ликероводочные. Общие технические условия»: принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации, протокол от 7 июня 2013 г. № 43 // М.: Стандартинформ, 2014; 2. ГОСТ Р51135–2010 «Изделия ликероводочные. Правила приемки и методы анализа», утвержденный Приказом Ростехрегулирования от 24 ноября 2010 года № 515-ст // М.: Стандартинформ, 2010; 3. О Правилах проведения сертификации пищевых продуктов и продовольственного сырья. [Постановление Госстандарта РФ от 28.04.1999 № 21 ред. от 18.06.2002]// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 21.06.1999. № 25

Суденко В. Е.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет путей сообщения»
юридический институт
кандидат юридических наук, доцент
(Москва)

ИДЕИ Р. С. БЕЛКИНА О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Окружающий нас мир осознаётся нами посредством категорий, являющихся формой отражения в мысли законов мира. Человек осознаёт объективный мир с помощью понятий, а потому все категории – суть понятия (в то же время категориями являются далеко не все понятия). Знаниям об окружающем мире, окружающей действительности свойственны определённые категории. Есть категории общие для всех отраслей знания, для всех отраслей науки. Исследованием таких категорий, всеобщих законов, связей между ними занимается философия. Проблема развития и содержания категорий их взаимосвязи с другими науками имеет отношение и к криминалистической науке.

Криминалистика, относящаяся к общественным наукам, непосредственно связана со многими из них, но в первую очередь, не только по нашему мнению, с философией. С философских позиций проведено весьма значительное количество научных исследований диалектических категорий, создан богатый потенциал идей и подходов, в которых довольно глубоко и обстоятельно рассмотрены философские проблемы категорий диалектики [1]. В уголовно-правовой науке проведено ряд научных исследований отдельных категорий диалектики, в том числе причины и следствия, сущности и явления и других [2]. К сожалению, проблема методологического потенциала философских категорий в криминалистике относится к числу наименее разработанных, таких исследований с позиции криминалистики явно недостаточно [3.].

О значимости исследования философских категорий, в том числе категорий диалектики, применительно к науке криминалистики в своё время говорил профессор Р. С. Белкин [4.].

Рассмотрение диалектических категорий криминалистической наукой, применительно к её предметному и познавательному своеобразию, продиктовано потребностью утвердиться в том, что особенности науки криминалистики – это диалектика особенного и всеобщего, составная часть всеобщего, это не случайное в контексте всеобщего. Все парные категории диалектики, так или иначе, проявляются в криминалистике – причина и следствие в закономерных связях механизма

преступления (причина) и его следов (следствие); необходимость и случайность в том, что следы преступления с необходимостью возникают в результате совершённого преступления, а вмешательство каких-то случайностей (обстоятельств) нередко приводит к их утрате, уничтожению. Сущность и явление проявляются в том, что явление – следы преступления - существенно, а сущность является - закономерно проявляется в объективном мире посредством механизма преступления и т.д.

В свете сказанного криминалистика осваивает другую предметную область, выходя за границы своей базовой сферы.

Наука криминалистики концентрирует свой познавательный интерес на исследовании философской стороны категорий, на обнаружении познавательных возможностей и эвристического потенциала конкретной диалектической категории в области криминалистики. Эвристический потенциал диалектических категорий в области криминалистики – это та их часть, которая отражает возможность продуктивной криминалистической деятельности, сопровождающейся созданием криминалистического продукта. Эвристический потенциал категорий диалектики включает в себя, с одной стороны, возможности философии, с другой – возможности криминалистики (криминалистической техники, тактики, методики).

Существенное значение при этом отдаётся содержательной конкретизации конкретной категории применительно к специфике криминалистики, осмысливанию и объяснению принципов и закономерностей криминалистики в русле данной определённой категории, в русле её аксиологии и методологии. Анализируя конкретное преступление сквозь призму категорий особенного и общего, мы устанавливает его совпадение и различие с иными преступлениями. Осмысливая через призму категорий причинность и необходимость криминалистические закономерности механизма совершения преступления, мы понимаем их причинную обусловленность и как необходимые, так и случайные свойства и связи. Рассматривая данное преступление в свете категорий количества и качества, мы уясняем количественные и качественные характеристики возможных и действительных следов данного деяния и при определённых условиях переход количественных характеристик в качественные, и взаимосвязи между ними. При этом всегда доминируют криминалистические мотивы, ориентиры и направления научного исследования.

Философский профиль криминалистики обусловлен потребностями самой этой науки в её философском осмыслении.

Познание диалектических категорий благоприятствует более плодотворному сотрудничеству между представителями различных конкретных наук при раскрытии и расследовании преступлений, а также между представителями различных разделов одной и той же науки. Система категорий диалектики является основой языка межнаучного и внутринаучного общения. Диалектический метод учитывает всеобщую связь явлений природы и общества в их постоянном развитии. Относительно криминалистики категории диалектики применяются при реализации положений криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики в судебной и следственной практике.

Профессор Р. С. Белкин отмечал, что связь криминалистики и философии представляет собой частный случай взаимоотношения специально-научного и философского исследования [5]. Считаем необходимым заметить, что в нынешнее время значительно выросло значение философии как мировоззрения и научной методологии, являющейся основой для интеграции наук и для комплексного исследования жизненно важных задач, стоящих перед современной практикой и научным познанием. Философия, являясь наукой о всеобщих законах не только природы, но и общества человеческого мышления, есть суть база для построения частнонаучной методологии, в том числе криминалистических техники, тактики, методики.

С этой точки зрения философия выполняет как особую мировоззренческую функцию, которой не обладает криминалистика, так и функцию философского метода познания. А материалистическая диалектика – есть основа всех методов криминалистики, всей системы её методов.

Важнейшие вопросы определённой частной науки, а данная статья – это наши рассуждения о науке криминалистика, получают философское значение, и, тем самым, становятся философскими проблемами конкретной области знания - криминалистики. И вопрос в том, что, на основе решения этих философских проблем, раскрыть диалектико-материалистический смысл науки криминалистики, иными словами, изучить исследовать ее философские основы. А это осуществимо только с позиций материалистического мировоззрения, с позиции теории отражения.

Как известно природе присуща универсальная закономерность вечного движения и развития. Раскрывая эту универсальную закономерность, показывая ее проявление в криминалистике, мы не переносим механически категории философии в эту науку, а раскрываем механизм их действия в данной отраслевой науке, решая криминалистические общетеоретические проблемы на базе материалистической диалектики.

Современный прогресс научного знания с острой необходимостью выдвигает задачу по методологическому использованию категорий философии, представляющих наиболее общие отражения закономерностей развития объективного мира и, вместе с тем, познавательного процесса. В своей познавательной деятельности исследователь использует категории философии как средство познания с целью более глубоко и как можно точнее разобраться в сложной системе явлений окружающей действительности.

Философские категории как мыслительные формы выражения наиболее общих связей и свойств материального мира отражают отношения и связи общие для всех без исключения объектов, а потому любая наука не только исходит из них, но и опирается на них. Категории философии в своей всеобщности отражают наиболее существенные стороны и связи действительности, они устойчивы и незыбле¬мы в бесконечных сменах и изменениях конкретных представлений и понятий отдельных наук [6, с, 424]. Однако при этом необходимо иметь в виду, что и философские категории изменениям и развитию. Но никакие конкретные изменения, происходящие в специальных отраслях знания, не смогут отменить, сделать ненужными рассмат-

риваемые философские понятия, поскольку они несравнимы с существующими в определённый момент частными научными представлениями об их конкретном содержании.

Предельная общность философских категорий и проявляется в их необходимой гибкости и, одновременно, незыблемости [7, 121-128].

Методологическое значение диалектических категорий для частных наук в том, что без них вряд ли можно сформировать и истолковать принципы и основные понятия конкретных областей знания. Построение методологии конкретной науки невозможно без анализа особенных для данной науки проявлений категорий диалектики, поскольку через методологию специальных наук на них влияет философия. Методологическое значение диалектических категорий для специальных наук заключается и в том, что они используются и на фундаментальном, и на любом ином уровне конкретной науки при решении любых задач [8]. И хотя в данной статье мы рассуждаем о науке криминалистика, но сказанное относится и к другим правовым наукам, в том числе к уголовному праву, в котором диалектические категории также имеют немаловажный методологический потенциал [9].

Категории диалектики предоставляют возможность понять роль и место научного факта в процессе познания истины, они отражают новые, пока еще науке не известные отношения и связи между явлениями, изучаемыми данной конкретной наукой. Кроме того, без обращения к категориям диалектики вряд ли возможно формулирование категорий частной науки, то есть наиболее общих понятий, в которых как бы сосредоточивается основная сущность содержания отдельной отрасли научного знания. К подобным категориям, помимо приведённых выше, в науке криминалистики признаются понятия криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики, криминалистических приема и рекомендации и некоторые другие.

Литература: 1. Ивлев В. Ю. Методологический анализ категорий необходимость, случайность и возможность. – Дис. … канд. философ. наук. М., 1997; Колтышев А. Н. Проблема причинности (История и теория). – Дис. … докт. философ. наук. СПб., 1994; Орлов Е. В. Проблема особенного у Аристотеля. – Дис. … канд. философ. наук. М., 1997 и др.; 2. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963; Малинин В. Б. Философские, исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. СПб., 1999; Векленко С. И. Методологическое значение закона отрицания отрицания для познания вины в уголовном праве // Онтология и аксиология права. Материалы международной научной конференции, 27-28 сентября 2003 г. – Омск: Изд-во Ом. Акад. МВД России, 2003. – С. 189-192; 3. Колотушкин С. М. Категории, принципы и законы криминалистики как критерии ее научности // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия: Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Декларации прав и свобод человека и гражданина и 15-летию Конституции РФ. - Элиста: Изд-во КГУ, 2009. - С. 217-221; 4. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х томах. М., 1997; 5. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х томах. Том 1. М., 1997; 6. Розенталь М. М. Ленин и диалектика. М., 1963. С. 424; 7. Суденко В. Е. К вопросу о реализации методологического потенциала философских категорий «сущность» и «явление» в уголовно-правовых исследованиях и судебно-следственной практике // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3 (87). С. 121-128; 8. Якубович Н. А. Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Вып. 5; 9. Суденко В. Е. Проблемы квалификации транспортных преступлений // Транспортное право. 2012. № 3. С. 43-45.

Сыромля Л. Б.

Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института
МВД России
(Владивосток)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Ни один случай выявления и расследования преступлений не обходится без такого важного средства получения уголовно-релевантной информации, как специальные знания сведущих лиц [1, с.121]. Так в 2014 году специалисты-криминалисты экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю, принимали участие в 1449 следственных действиях по преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, из них: в 565 осмотрах мест происшествий, в 117 получениях образцов для сравнительного исследования, в 2 допросах, в 1 проверке показаний на месте, в 1 обыске (выемке), в иных следственных действиях [2].

Из приведенного перечня видно, что чаще всего специалист-криминалист привлекается для участия в осмотре места дорожно-транспортного происшествия (ДТП). Проведенные нами исследования уголовных дел, возбужденных по ст. 264 УК РФ показали, что следователи не всегда привлекают специалистов-криминалистов для осмотра места ДТП, когда существовала реальная возможность обнаружения следов преступления, что в свою очередь приводит к невосполнимой утрате доказательств. Для определения реальной возможности обнаружения следов на месте происшествия следователю необходимо:

-истребовать от оперативного дежурного исчерпывающую информацию о происшедшем (к примеру, при совершенном ДТП необходимо уточнить сведения о его характере (столкновение транспортных средств, наезд на пешехода и т.д.), его координаты, присутствуют ли все участники на месте ДТП или виновник скрылся и т.п.);

- проанализировать совместно со специалистом-криминалистом полученную информацию и используя метод мысленного моделирования представить обстановку места происшествия, характерную для данной категории преступлений, какие типичные следы и объекты могут быть обнаружены на месте происшествия;

- принять обоснованное решение о том, что есть реальная необходимость привлечения специалиста-криминалиста или возможно обойтись и без его участия (в случаях, когда необходимо проведение только фото- или видеосъемки, применение различного рода поисковых приборов (металлоискателей, щупов, тралов и др.). Так Т.В Демидова, справедливо отмечает, что следователи зачастую, не желая (или не умея) использовать криминалистическую технику самостоятельно, неоправданно прибегают к помощи специалистов-криминалистов при производстве следственных дей-

ствий, используя их только в качестве фотографа [3, с. 61-62].

Согласно части 1 ст. 179 УПК РФ, к участию в освидетельствовании при необходимости следователь может привлечь врача или другого специалиста. Анализ изученной нами уголовно-процессуальной практики показывает, что роль специалиста-криминалиста при проведении данного следственного действия явно недооценивается. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 2014 году специалисты-криминалисты экспертно-криминалистических подразделений Приморского края не участвовали ни в одном освидетельствовании по делам данной категории.

Практика расследования уголовных дел по ДТП показывает, что освидетельствование проводится, как правило, в тех случаях, когда водитель, совершивший ДТП (наезд на пешехода), скрылся с места происшествия и при его установлении отрицает свою причастность к случившемуся (к примеру, утверждая, что его транспортное средство было угнано) или в салоне автомобиля при совершении ДТП находилось несколько человек, каждый из которых отрицает свое местонахождение за рулем во время совершения преступления. У следователя возникает необходимость осмотреть тело и одновременно провести осмотр одежды водителя (нескольких лиц) с целью обнаружения телесных повреждений и других следов преступления, возникших в результате ДТП (к примеру, ссадины, кровоподтеки, раны на голове, ступнях ног и других частях тела, возникшие от ударов о лобовое стекло, рулевое колесо, панель приборов управления, педаль и другие части транспортного средства; микрообъекты (к примеру, осколки стекла в волосах или на теле водителя). Кроме того, Торбин Ю.Г, достаточно точно отметил, что в результате ДТП на теле потерпевшего могут возникнуть следы воздействия отдельных частей транспортных средств и консультация специалиста по автотранспорту, участвующего в освидетельствовании, поможет при решении вопроса об установлении того или иного вида транспортного средства, которым могли быть образованы следы, что обеспечит более целенаправленный розыск транспортного средства [4, с. 163-179].

В законодательной регламентации освидетельствования на наш взгляд существует пробел, связанный с участием специалиста-криминалиста. При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если это следственное действие сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом, при этом закон прямо не указывает, может ли работу врача сопровождать специалист. Протокол со слов врача оформляется следователем (дознавателем).

Так, исходя из изученных материалов уголовных дел установлено, что довольно часто для освидетельствования привлекается не врач - судебно-медицинский эксперт, который хотя бы в некоторой степени осведомлен о криминалистических приемах и методах обнаружения на теле следов преступления, особых примет и телесных повреждений, а врач медицинского учреждения - больницы или поликлиники (особенно это касается отдаленных районов Приморского края). В связи с этим полагаем, что специалист-криминалист должен участвовать в освидетельствовании при необходимости совместно с врачом, так как это будет способствовать получению более полной криминалистически значимой информации, при этом по морально-этическим соображениям он, соответственно, должен быть одного пола с освидетельствуемым. Считаем целесообразным внести в редакцию ч. 4 ст. 179 УПК РФ изменения, дополнив фразу «в этом случае освидетельствование проводится врачом» словами «и при необходимости специалистом одного пола с освидетельствуемым».

По изученным делам по ст. 264 УК РФ специалисты-криминалисты принимали участие в обысках (выемках) в единичных случаях, что составило лишь 0,5%. Представляется, что для оптимизации деятельности специалиста-криминалиста при производстве обыска его необходимо приглашать еще на подготовительном этапе для участия в «рекогносцировке» обстановки - в обязательном предварительном ознакомлении совместно со следователем с документами, видеозаписями, фотографиями и другими материалами, по которым можно получить представление о местности, условиях, и других особенностях, в которых предстоит провести планируемое следственное действие (к примеру, по делам о ДТП это ознакомление с документами, содержащими информацию о гаражном кооперативе, стоянках, придомовой территории автовладельца, авторемонтными мастерскими и т.д, где располагается разыскиваемый автомобиль, его части и т.п).

Е.В. Назаркин справедливо отмечает, что для проведения обыска целесообразно приглашать специалиста (эксперта - криминалиста) участвовавшего в осмотре места происшествия [5, с. 159]. По делам о ДТП рекомендуем приглашать специалиста-криминалиста, участвовавшего ранее в осмотре места ДТП (проводившего предварительное исследование на месте происшествия), так как он может оказать неоценимую помощь при поиске: разыскиваемого автомобиля на стоянках, в гаражном кооперативе и т.п; объектов со следами удаления следов преступления или с помощью которых удалялись следы (к примеру, фрагменты ткани, которыми удалялась кровь с автомобиля, осколки стекла, частицы ЛКП; карандаши-эмали (лаки) с помощью которых водитель производил маскировку следов - подкраску царапин автомобиля и т.п); одежды, в которой находился водитель транспортного средства и т.д. Данный специалист хорошо ознакомлен со следами, обнаруженными на месте ДТП и может отчетливо представить какие следы преступления (царапины, задиры, сколы ЛКП, кровь, мозговое вещество и т.п) могли соответственно остаться на разыскиваемом автомобиле или в каких местах автомобиля могут быть локализованы следы их удаления (к примеру следы подкраски, перекраски автомобиля и т.п).

При производстве выемки специалист-криминалист также может оказать существенную помощь в отыскании нужного предмета или документа, принадлежащего обвиняемому, в общей массе (к примеру, специалист может выбрать из коллекции транспортных средств, принадлежащих автовладельцу, именно участвовавшее в ДТП и т.д); изъятии, осмотре и, если необходимо, обнаружении и фиксации следов на предметах и документах.

Практика изученных 185 уголовным дел по ДТП показывает, что при проведении следственного эксперимента специалист - криминалист привлекался только в 1,6%, при проведении допроса - в 1,08%, проверки показаний на месте -0,54%, в предъявления для опозна-

ния специалисты-криминалисты вообще не участвовали.

Так, 96% опрошенных нами специалистов-криминалистов отметили, что к участию в данных следственных действиях следователи (дознаватели) их привлекают с единственной целью – для фиксации следственного действия, а именно, применения фотографирования или видеозаписи, и лишь 4% специалистов отметили другие виды помощи.

На наш взгляд такое положение вещей просто неприемлемо в связи с тем, что специалист-криминалист при проведении данных следственных действий может оказать процессуальную помощь гораздо более широкого формата, нежели просто фиксация следственного действия, которую следователь может провести и самостоятельно.

Анализ уголовно-процессуальной практики в Приморском крае показал, что одной из основных ошибок следователей (дознавателей) при направлении материалов на экспертизу по делам о ДТП является предоставление образцов ненадлежащего качества и количества, что в основном обусловлено самостоятельным отбором образцов для сравнительного исследования следователями (дознавателями) без привлечения специалиста-криминалиста и не соблюдением основных криминалистических требований. К примеру, только лишь в 2,1% изученных дел по ДТП производилось получение образцов для сравнительного исследования с участием специалиста-криминалиста, что на наш взгляд недопустимо мало.

Особо следует подчеркнуть роль специалиста в разработке условий получения образцов для сравнительного исследования. От того, насколько сходными окажутся условия получения образцов для сравнительного исследования и условия происхождения исследуемого объекта, зависит успех экспертизы [6, с. 118]. При получении образцов для сравнительного исследования специалисту-криминалисту обязательно необходимо учитывать криминалистические требования, предъявляемые к количеству получаемых образцов в зависимости от вида объекта и соблюдать условия, обеспечивающие качественное получение образцов - это сравнимость, полнота, неизменяемость, образующие такой непременный признак образцов, как сопоставимость. Так одной из распространённых экспертиз по делам о ДТП является экспертиза лакокрасочных материалов, покрытий и окрашенных предметов (ЛКМ-ЛКП-ОП) результаты которой, во многом зависят от качества и количества образцов, представленных на исследование. При опросе экспертов ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю установлено, что следователи часто изымают сравнительные образцы ЛКП с транспортного средства в виде пылевидной массы, вопреки всем криминалистическим требованиям. Образцы ЛКП необходимо изымать путем вырезания (соскоба) ЛКП острым режущим инструментом (скальпелем, бритвой, ножом) на всю глубину покрытия до нижележащей подложки (металла, алюминия, пластика). Для последующего проведения идентификационных исследований по ДТП, предположительный механизм которых не совсем ясен, образцы ЛКП изымают отдельно с каждой съемной детали (крыльев, дверец и т.д). Соскоб должен представлять фрагменты ЛКП 10-20 мм² и более с таким расчетом, чтобы полностью сохранить систему ЛКП [7, с. 157-158].

Кроме того необходимо использовать в процессе получения образцов для сравнительного исследования видеозапись и фотосъемку, так как изучение уголовно-процессуальной практики показывает, что участились случаи, когда после уже проведенного данного следственного действия (при отсутствии понятых) лицо, у которого отбирались образцы, его защитник делает заявления о том, что в отношении его подзащитного применялись насильственные методы, унижающие честь и достоинство лица и (или) опасные для жизни и здоровья.

Представляется, что для того, чтобы участие специалиста-криминалиста в следственном действии при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств позволило избежать бесполезной работы и обеспечило высокую эффективность использования научно-технических средств и технико-криминалистических методов и результативность следственного действия в целом, следователям (дознавателям) необходимо:

- свободно ориентироваться в сущности процессуальной технико-криминалистической помощи специалиста-криминалиста, учитывать ее реальные возможности применительно к каждому виду следственного действия;
- приглашать специалиста-криминалиста для участия в следственных действиях, сообразуясь с принципами необходимости и достаточности, а не на основании общих соображений о том, что «это может оказаться полезным».

Литература: 1. Ищенко Е.П., Образцов В.А. Криминалистика: Учебник. – М. Изд-во Эксмо, 2005. – 480с. 2. Форма статистической отчетности 1-НТП ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю; 3. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 160с.; 4. Торбин Ю.Г. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы освидетельствования. (Продолжение) // "Черные дыры" в Российском Законодательстве. Юридический журнал. – М.: "1с: Компьютерный Аудит", 2003, № 2. – С. 163-179.; 5. Назаркин Е.В. Использование помощи специалистов в расследовании преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – №3-2. – 2013. – С. 156-163.; 6. Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 208с.; 7. Митричев В.С., Хрусталев В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2003. – 591с.

Файзиев Ш. Ф.

Ташкентский государственный юридический университет

кандидат юридических наук, доцент

(Ташкент, Узбекистан)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНО – РОЗЫСКНЫХ ОРГАНОВ

Важным элементом организации расследования является чётко налаженное взаимодействие следователя с оперативно-розыскными аппаратами, экспертно-криминалистическими службами, контролирующими органами и общественностью.

Эффективность расследования преступлений на первоначальном этапе в значительной степени зависит

от успешности взаимодействия следователя и оперативного работника органов внутренних дел [1, С. 55]. Сочетание следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями является одним из важных условий повышения качества расследования преступлений. Для этого необходим тесный деловой контакт в работе следователя и оперативно-розыскной деятельностью. Установление такого контакта облегчается в случаях, когда расследование ведётся следователями органов МВД и Службы национальной безопасности, поскольку между их следственными и оперативно-розыскными подразделениями не существует ведомственных барьеров. Сами следователи этих органов знакомы с основами оперативно-розыскной деятельности и могут совместно с оперативными работниками детально разработать планы оперативно-розыскных мероприятий по расследуемому уголовному делу. Столь же чёткое взаимодействие следственных и оперативных работников должно быть обеспечено и в тех случаях, когда расследование производится следователями прокуратуры. И в этих случаях необходимо, чтобы специально был выделен оперативный работник (или группа работников, если этого требуют интересы расследования сложного уголовного дела), который бы нёс персональную ответственность за раскрытие данного преступления.

Одна из основных целей взаимодействия следователя с оперативными работниками – получение следователем информации, выявленной с помощью проведения оперативно-розыскных мероприятий, и ее использование в процессе раскрытия и расследования преступлений. [2, С. 10.]

Взаимодействие следователя и оперативного работника – это, прежде всего, их совместная деятельность, поэтому оно не может сводиться, например, только к даче следователем оперативному работнику поручения выполнить отдельное следственное действие и исполнению этого действия. Поручения подобного рода, тем более единичные, являются, по сути, эпизодической помощью. Нужно иметь в виду, что следователь не связан обязанностью непременно реализовать свое право использовать возможность оперативного работника при расследовании каждого уголовного дела. Это он делает в случае необходимости [1, с. 10].

При бригадном методе расследования целесообразно включать в состав следственной группы необходимое количество оперативных работников, которые бы вместе со следователями, используя специфические методы своей деятельности, направляли совместные согласованные усилия на успешное решение общих задач.

Правовую основу взаимодействия составляют:

- положения из соответствующих разделов Конституции Республики Узбекистан;
- уголовно-процессуальное законодательство (УПК Республики Узбекистан);
- ведомственные и межведомственные нормативные акты МВД Республики Узбекистан;
- приказы и указания Генерального прокурора Республики Узбекистан по вопросам организации следственной работы.

Задачами взаимодействия следователей с оперативно-розыскной деятельностью являются:

- раскрытие и расследование преступлений;
- совместная деятельность по розыску преступников;
- пресечение преступлений и принятие мер по их предотвращению;
- привлечение к установленной законом ответственности лиц, их совершивших;
- возмещение материального ущерба, причиненного преступлением.

Подлинно деловой контакт в работе следователя и оперативного работника, обеспечивающий успешное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлении, предполагает чёткое разграничение полномочий следователя и оперативного работника. Их взаимодействие осуществляется в различных формах: выезд следователя и оперативного работника на место происшествия для совместной работы по выявлению и закреплению следов преступления; розыску и задержанию преступника;

совместное участие в разработке плана расследования по делу и планов отдельных наиболее сложных действий и оперативно-розыскных мероприятий; систематическая взаимная информация о вновь полученных данных, касающихся обстоятельств расследуемого преступления и лице, его совершившем.

Выделенные для участия в расследовании работники оперативных и экспертно-криминалистических подразделений должны активно использовать свои специфические средства и методы для полного и быстрого раскрытия преступления, чётко и своевременно выполнять поручения и указания следователя о производстве розыскных и следственных действий. Они обязаны немедленно уведомить следователя и прокурора об обнаруженном преступлении в случаях, когда производство расследования является обязательным; принимать безотлагательные меры к охране места происшествия; выявлению и закреплению вещественных доказательств; розыску преступника по «горячим следам» и осуществлению других, неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; оказывать научно-техническую помощь в выявлении и фиксации следов преступления; своевременно сообщать следователю о вновь полученных оперативно-розыскных данных для использования их при подготовке и проведении следственных действий по делу. Следователь, в свою очередь, обеспечивая сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, должен ставить в известность соответствующих оперативных работников о результатах выполнения плана расследования, о вновь полученных в ходе расследования данных, которые можно использовать для организации успешного осуществления оперативно-розыскных мероприятий; своевременно и в конкретной форме давать оперативным работникам поручения о проведении необходимых мероприятий по выявлению личности подозреваемого (обвиняемого), его связи, образа жизни, поведения на службе и в быту; информировать о работе проделанной по выявлению очевидцев преступления и других свидетелей и т.д.; приглашать оперативных работников для участия в подготовке и проведении задержания или ареста обвиняемого (подозреваемого), обыска и других мероприятий, связанных с риском сопротивления преступника, его побега или самоубийства и уничтожения вещественных доказательств; приглашать оперативных работников для участия в совещаниях следователей,

ведущих расследование по делу; обсуждать причины и условия, способствующих совершению преступления, в том числе профилактические мероприятия, намеченные с учётом материалов расследования.

Сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий содействует своевременному предотвращению готовящихся преступлений. Следователи и оперативные работники могут оказать друг другу большую помощь, выявляя данные, которые можно было бы использовать в ходе расследования. К такого рода данным могут быть отнесены сведения о готовящихся преступлениях, способах и орудиях их совершения, намеченных объектах преступного посягательства, приёмах маскировки, способах сокрытия следов преступления, устройстве тайников, предполагаемых местах нелегальных сборищ, способах связи между соучастниками, фактах, характеризующих морально неустойчивых лиц, проявляющих склонность к совершению преступлений и многие другие сведения, которые не относятся к составу расследуемого преступления, но могут быть успешно использованы в организации оперативно-розыскных мероприятий.

Подход к решению вопросов организации расследования должен быть ситуационным. С учётом типовых следственных ситуаций можно определить типовые комплексы организационных мер применительно к различным видам (группам) преступлений. При необходимости (с учётом количества подозреваемых, многоэпизодности преступления и объёма предстоящей работы по делу) создаётся следственно-оперативная группа, которая после выполнения задач «группы быстрого реагирования» принимает от неё дело к своему производству и проводит предварительное расследование. Поскольку в составе «группы быстрого реагирования» и следственно-оперативной группы действуют представители нескольких оперативных служб (следователи, оперативные работники, специалисты, эксперты и др.), особенно важное значение приобретает организация взаимодействия между членами группы, а также между группой с оперативно-розыскными подразделениями территориальных органов внутренних дел и службы безопасности прокуратурой, экспертными учреждениями и контролирующими органами. Органы дознания и предварительного следствия в своей деятельности должны поддерживать тесную связь с общественностью, постоянно опираться на её помощь в борьбе с преступностью. В следственной практике помощь общественности используется главным образом для: а) обнаружения и пресечения преступлений; б) выявления лиц, подозреваемых в совершении преступлений; в) розыска и задержания преступников; г) розыска орудия преступления и других вещественных доказательств; д) выявления свидетелей по делу; е) подготовки к производству отдельных следственных действий (осмотра, обыска, следственного эксперимента, предъявления для опознания, проверки показаний на месте); ж) выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Используя помощь общественности в раскрытии преступлений, необходимо соблюдать определённые условия: привлекать представителей общественности к участию в раскрытии преступлений, обеспечивать при этом их личную безопасность, не наделять их правами, которые по закону имеют лишь следователь или лицо, производящее дознание, не пользоваться услугами заинтересованных в исходе дела лиц, не допускать огласки данных предварительного расследования.

Недопустимо перекладывать на представителей общественности функции органов дознания и предварительного следствия, поручать им производство допроса свидетелей и выполнение других следственных действий.

Контрольно-ревизионные управления (отделы) финансовых органов могут проводить по постановлению следователя ревизии, инвентаризации, проверки, финансово-хозяйственной деятельности предприятий и учреждений, проверять состояние учёта и хранения товарно-материальных ценностей, сырья и готовой продукции, законность кредитно-денежных операций и т.д. Контролирующие органы помогают следователю в подготовке судебных экспертиз, подборе опытных экспертов, а также в выделении специалистов для участия в производстве осмотров и других следственных действий.

Представители контролирующих органов участвуют в проводимых следователем предварительных проверках, поступивших сообщений о преступлениях, участвуют в качестве специалистов и экспертов по уголовным делам, дают консультации по вопросам, относящимся к их специальности. Весьма важную роль контролирующие органы играют в выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступлений и проведении профилактических мероприятий по материалам расследования. Они помогают правильно оценить главное направление этих мероприятий, их содержание, в необходимых случаях непосредственно участвуя в их осуществлении.

В процессе расследования преступлений взаимодействие между следователем и сотрудниками уголовного розыска состоит из нескольких этапов.

Первому этапу свойственна предварительная, доследственная проверка материалов о преступлении, которая осуществляется до возбуждения уголовного дела. Обычно такая проверка проводится оперативным работником. Последний может истребовать необходимые материалы, получать объяснения, принимать меры к предотвращению или пресечению преступления, в том числе и сохранению его следов. Взаимное изучение материалов преступления, анализ и разбор фактических данных, содержащихся в заявлении или сообщении, могут дать реальную возможность для аргументированного вывода о наличии или отсутствии признаков преступления.

Следует констатировать, что должностные лица органов внутренних дел нередко затягивают доследственную проверку материалов о преступлении.

По прибытии на место происшествия следователь силами следственно-оперативной группы проводит осмотр для обнаружения, выявления, фиксации и закрепления следов совершенного преступления, установление очевидцев, свидетелей и потерпевших. При этом следователь несет персональную ответственность за качественность проводимых действий. Параллельно осмотру оперативный работник осуществляет необходимые оперативно-розыскные мероприятия. По результатам осмотра места происшествия и другим данным следователь принимает решение либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в его возбуждении. Анализирует добытые доказательства, на основании полученной информации намечает и осуществляет не-

отложные мероприятия по раскрытию преступления, дает поручения и указания работникам уголовного розыска о производстве розыскных и поисковых действий.

Большинство из указанных мероприятий следователь осуществляет в тесном контакте с оперативным работником. Оперативный работник исполняет отдельные поручения следователя о производстве следственных и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе может организовать преследование преступника по «горячим следам», произвести его задержание и т.д.

На втором этапе, с момента возбуждения уголовного дела и до окончания первоначальных следственных действий следователь в процессе взаимодействия подвергает анализу полученные на первом этапе данные, которые касаются обстоятельств совершенного преступления, и делается это на совместных совещаниях взаимодействующих сторон. Обычно на этих совещаниях выдвигаются следственные версии, координируются меры по их проверке, определяются конкретные исполнители, вырабатывается план расследования, который исправляется по мере выполнения намеченного и уже реализуемого. Чаще всего оперативный работник вырабатывает отдельный план оперативно-розыскных мероприятий.

Следующий этап взаимодействия начинается после установления личности подозреваемого и заканчивается с завершением последующих следственных действий.

На данном этапе решается вопрос о выборе меры пресечения, и через оперативного работника выясняются данные о намерениях подозреваемого. Избирая меру пресечения, не связанную с заключением под стражу, следователь письменно сообщает органу дознания о замыслах задержанного. Он же направляет соответствующий документ в паспортный стол по месту жительства.

На этом же этапе во взаимодействии с оперативным работником систематически изучает поведение обвиняемого для выявления его намерений.

На следующем этапе взаимодействия следователь проверяет: все ли версии отработаны и проверены и какая версия подтвердилась; соблюдены ли все требования уголовно-процессуального закона; достаточно ли доказательств виновности обвиняемого; правильно ли применен уголовный и уголовно-процессуальный законы.

Формы взаимодействия работников уголовного розыска со свидетелями обуславливаются различными факторами [3. С. 100-132.], среди которых можно назвать: вид преступления, сложность уголовного дела, следственные ситуации. В практике выработаны следующие формы взаимодействия:

1. Составление единого плана согласованных действий, либо раздельного, для членов Следственно-оперативной группы. Составление единого плана способствует координации действий, позволяет осуществлять надлежащий контроль за их деятельностью, выявлять ошибки и упущения, принимать меры по их устранению.

2. Обмен информацией представляющий интерес взаимодействующих субъектов. Располагая информацией, полученной оперативно-розыскным путем, орган дознания знакомит с ней следователя. Следователь же стремится не только эффективно использовать её, но и сообщает оперативному работнику о результатах ее реализации.

3. Производство следственных и розыскных действий по пору чению следователя, либо участие оперативного работника в следственных действиях. При этом в ходе проведения следственного действия может быть осуществлена охрана места происшествия, обеспечен порядок в ходе обыска, либо при проведении эксперимента, проверки показаний на месте события.

4. Совместное обсуждение результатов следственных и оперативно-розыскных мероприятий (действий). Подобного рода обсуждения проводятся в рамках служебных совещаний, для обмена информацией и определения дальнейшего хода расследования.

5. Совместное обсуждение профилактических мер, анализ состояния преступности на конкретном участке, внесение совместных представлений направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и т.д.

6. Отчеты оперативных работников, следователей о ходе выполнения намеченных мероприятий. Они способствуют осуществлению контроля за реализацией намеченных следственных и оперативно - розыскных мероприятий и оказания практической помощи в их выполнении.

Подобного рода отчеты особенно действенны по делам о нераскрытых преступлениях.

Актуальность и практическая значимость вопросов изучения индивидуальных особенностей человека в взаимодействия расследовании преступлений определяют повышенный интерес ученых к их исследованию. [4. С. 84.]

В последние годы проблема взаимодействия в процесс расследования преступлений приобрела межгосударственный характер. Во-первых, образование на территории постсоветского пространства суверенных государств вызвало необходимость координации и взаимодействия в работе правоохранительных, в том числе следственных органов РУз и других государств - бывших союзных республик. Это взаимодействие должно осуществляться на совместной правовой базе, договорных отношениях, предоставления информации и оказания помощи в раскрытии преступлений с использованием возможностей следственных аппаратов, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических служб сторон. Во-вторых, в 1994 году Узбекистан стал членом Международной организации уголовной полиции (Интерпола), возникла возможность осуществления взаимодействия в процессе раскрытия преступлений на международном уровне. Сегодня возможности Интерпола используются в целях розыска и задержания особо опасных преступников, получения необходимых документов и других доказательств по уголовным делам, осуществления в выдаче преступников, возвращения угнанных за границу транспортных средств и другого имущества.

Литература: 1. Данильян А.С. Данильян Э.С. Взаимодействие следователя и оперуполномоченного при расследовании преступлений коррупционной направленности Вестник Краснодарского Университета МВД РОССИИ 2014. № 2. (24). С. 55-58; 2. Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты). М., 2006. С.10; 3. Рыжаков А.П. Предварительное расследование / А.П. Рыжаков. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2013. —208 с.; 4. Н.И. Малыхина Вопросы формирования криминалистического учения об участниках

криминального события. Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящен-ной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженно-го юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015. С.84. электронный ресурс http://crim.pro/

Фролова Е. Ю.

Южный федеральный университет
кандидат юридических наук
(Ростов-на-Дону)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

В условиях модернизации российского образования и перехода от «усвоения знаний» (запоминание и воспроизведение информации) к формированию «компетентностей» (формирование коммуникативных умений и практической подготовки к активной жизнедеятельности в постоянно меняющейся социальной среде) особое значение в профессиональном образовании приобретают инновационные методы преподавания. В их основе лежит идея создания оптимальных условий для каждого обучающегося, т.е. адаптация к особенностям обучаемого содержания, методов, форм образования и максимальная ориентация на самостоятельную личность.

Специфика криминалистики, ее универсальность (возможность «применения криминалистических знаний во всех областях, где возникает потребность установления и доказывания юридических фактов, либо их фиксации и удостоверения»[1, с.14] вне зависимости от сферы профессиональной юридической деятельности) позволяет эффективно использовать все виды инновационных технологий – проектное обучение, компьютерные [2, с.8-10] и интерактивные технологии обучения.

Наиболее востребованными в настоящее время на юридическом факультете Южного федерального университета наряду с использованием мультимедийных технологий, специализированных программных продуктов, применяемых в правоохранительной и экспертной деятельности, систем поддержки и принятия решений («Аргус-следователь», «Фоторобот», «Экспресс анализ ДТП», «Demo OTExpert1.0», АДИС «Сонда плюс», системы поддержки и принятия решений «Следователь», «Убийство», Учебно-методический комплекс «Виртуальный осмотр места происшествия»), являются интерактивные обучающие технологии, в основе которых лежит непосредственное вовлечение студентов в активную учебно-познавательную деятельность в ходе учебного процесса, что позволяет лучше усвоить учебный материал, а сам процесс обучения будет иметь практикоориентированный характер. Следует отметить, что активное обучение позволяет «не только аккумулировать в себе образовательные и научно-исследовательские процессы высшей школы, но и способствует развитию профессиональных способностей будущих специалистов, развитию их индивидуальности и творческой самостоятельности» [3].

Активное обучение представляет собой освоение обучающимися опыта, основанное на взаимодействии с предметной областью, с преподавателем, с другими участниками. Практика показывает, что наиболее эффективным в этом аспекте является метод деловых игр [4].

Помимо общих целей таких игр - формирования качеств, необходимых в профессиональной среде (коммуникативности, активности, способности организовать, убеждать, мотивировать выбор того или иного решения); развития профессионального мышления; формирования практического интереса к специальности следователя, есть и специальные цели - усвоение теоретических знаний полученных при изучении криминалистики, уголовного права и процесса и применение их на практике; приобретение определенного опыта производства отдельных следственных действий с учетом конкретной ситуации; выработка практических навыков по составлению процессуальных документов, применение технических средств и тактических приемов.

В отличие от традиционных сценариев деловых игр по криминалистике (когда непосредственно игре предшествует определенная подготовительная работа – оглашается фабула, распределяются роли, подготавливаются технические средства – а сама игра направлена на отработку умений и навыков, например, проведения отдельных следственных действий, применения технических средств и др., по окончании игры – критический анализ) нами при формировании заданий на игру был выбран иной подход – междисциплинарный.

Учитывая то, что на практике, как правило, отдельная юридическая дисциплина не используется изолированно (так, в ходе осмотра места происшествия следователь «наряду с реализацией уголовно-процессуальных норм для определения предмета доказывания по делу использует и нормы уголовного законодательства, применяет научные рекомендации, разработанные криминалистикой и юридической психологией» [5, с.165]), в ходе игры каждой команде необходимо было пройти четыре испытания, которые состояли из самостоятельных заданий: осмотр места происшествия, знание криминалистической техники, составление протокола осмотра места происшествия и демонстрация способностей трактовки и использования отдельных норм материального права. Причем студентам заранее были известны лишь общие условия предполагаемых испытаний, что требовало с их стороны дополнительной подготовки не только по отдельным темам криминалистики, но и по криминалистической технике в целом (заранее было известно о наличии трех заданий – какие конкретно отрасли криминалистической техники будут задействованы, не уточнялось), криминалистической тактике осмотра места происшествия, знания уголовно-процессуальных норм, правил оформления процессуальных документов и норм уголовного законодательства. Команды самостоятельно выбирали капитана, который, проявляя лидерские качества, оценивая индивидуальные способности членов команды, организовывал работу своей команды на предлагаемых испытаниях с учетом знаний и умений каждого.

Основной задачей первого этапа являлось проведение осмотра места происшествия командой в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства и криминалистическими рекомендациями, обнаружение всех вещественных доказательств их закрепление и правильность производства изъятия, проведение фотосъемки с целью дальнейшего составления

фототаблицы, как приложения к протоколу осмотра места происшествия. Критериями оценивания данного испытания являлись: слаженность работы команды в предложенных условиях; соответствие нормам УПК; правильность использование криминалистической техники; правильность проведении выемки и изъятия вещественных доказательств; количество вещественных доказательств, которые команды обнаружили и собрали на месте происшествия; применение и использование тактических приемов; поочередность проведения действий при проведении ОМП.

Во втором этапе членам команды и отдельно капитану необходимо было проявить знания по уголовному праву. Команде была представлена таблица, состоящая из номинаций (вопросы, соответствующие теме по материальному праву) и количества очков (соответствующих сложности ответа). Каждый игрок самостоятельно выбирал вопрос, на который желает отвечать. В заключение капитан команды должен был ответить на несколько вопросов по знанию уголовного права. А команда должна была решить уголовный казус на квалификацию деяния.

При прохождении третьего этапа командами демонстрировались знания по различным отраслям криминалистической техники. Были представлены задания по криминалистической габитоскопии - составление портрета с помощью программы «Фоторобот»; криминалистической регистрации - заполнение дактилоскопической карты и подсчет основной дактилоскопической формулы; судебной баллистике - осмотр и описание огнестрельного оружия и стрелянных пуль и гильз. Критериями оценивания данного испытания являлись: слаженность работы команды в предложенных условиях; правильность использования криминалистической техники; правильность оформления и описания предоставленных объектов; соответствие фоторобота с фактической внешностью лица.

Все вышеперечисленные задания выполнялись командами параллельно. На заключительном этапе командам предоставлялось два часа времени в отдельной аудитории для составления протокола осмотра места происшествия, проведённого командами во время выполнения первого испытания в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства с целью надлежащего закрепления доказательственной базы на первоначальном этапе расследования. В ходе исполнения данного этапа испытания командам запрещалось пользоваться техническими средствами, пособиями и иными источниками. Критериями оценки протокола осмотра места происшествия выступали: правильность заполнения бланка протокола; соответствие протокола требованиям УПК; соответствие действий произведенных командой на осмотре места происшествия с указанными в протоколе; грамотность составления и оформления фототаблицы и иных приложений к протоколу.

Каждое из испытаний оценивалось членами жюри – представителями кафедр уголовного процесса и криминалистики, уголовного права и практическими работниками (следователями, адвокатами).

Кроме этого, в игру был внесен элемент межвузовской состязательности (в игре принимали участие команды из разных высших учебных заведений – Южный федеральный университет, Ростовский юридический институт МВД России, Ростовский филиал Российской академии правосудия), что в свою очередь создавало здоровую конкуренцию. Такой подход дал возможность оценить и качество преподавания дисциплин уголовно-правового цикла с учетом специфики, связанной с направленностью вуза.

В заключение хотелось бы отметить, что в преподавании криминалистики кроме деловых игр могут применяться и другие формы активной познавательной деятельности современного студента, например криминалистические квесты и др.

Литература: 1. Крылов В.В. Заветы А.Н. Васильева и методика преподавания криминалистки в рамках университета // Современная криминалистика. Правовая информатика и кибернетика. М., 2007. 288 с.; 2. Белов О.А. О некоторых особенностях использования интерактивных форм обучения при преподавании дисциплины «Криминалистика» в свете новых ФГОС ВПО // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: в 2 т. – М.: МАКС Пресс, 2010; 3. Инновационные образовательные методики по криминалистике http://test.ssla.ru/showl.phtml?departments/016-iom.4; 4. В настоящее время метод деловых игр по криминалистике активно применяется в различных учебных заведениях – Саратовской государственной юридической академии, Казанском государственном университете, Курском государственном университете, Оренбургском государственном университете и др.; 5. Якушин С.Ю. Криминалистическая тактика: вопросы преподавания // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 2011, т. 153, кн. 4.

Хашиева Т.М.

Такеева А. Ж.

Университет КАЗГЮУ

(Астана, Республика Казахста)

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ

4 июля 2014 года был принят новый уголовно – процессуальный кодекс Республики Казахстан, который вступил в действие с 1 января 2015 года. Одной из новелл нового УПК РК стал институт процессуального соглашения. Для всеобъемлющего уяснения понятия и сути института процессуального соглашения, определения места данного института в системе и структуре национального права в целом и уголовно-процессуального права, в частности, выявления связей института процессуального соглашения с другими элементами структуры рассматриваемой отрасли права, необходимым является исследование содержания и структуры данного института.

Структура (лат. structura – строение, расположение, порядок) – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях[1].

Каждый из уголовно-процессуальных институтов всегда призван урегулировать определенную область уголовно-процессуальных отношений, являющихся предметным срезом уголовно-процессуальной деятельности, решая при этом четко определенную его местом в структуре уголовно-процессуального права задачу. Соответственно, содержание и структура уголовно-процессуального института напрямую связаны с содержанием и структурой регулируемой области уго-

[1] «Казахстан». Национальная энциклопедия Т.5 / Гл.ред. Б. Аягин. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – 560 с. – с.107.

ловно-процессуальной деятельности, а значит и со структурой уголовно-процессуальных отношений. Уголовно-процессуальная деятельность может быть охарактеризована с позиции наличия таких элементов, как субъект, объект, цель, способ деятельности, средства деятельности, результат деятельности, который: 1) может быть получен в виде, отличном от цели деятельности; 2) зависит от методов и средств деятельности; 3) в известной мере определяет дальнейшие направления деятельности, является основой для следующих ее этапов» [2, с.14].

Рассмотрев структуру деятельности, регулируемой уголовно-процессуальным правом, мы пришли к выводу в своих предыдущих работах о том, что уголовно-процессуальный институт содержит в себе следующие структурные элементы:

- нормы права, содержащие основание возникновения, изменения и прекращения регулируемого правоотношения;
- нормы права, называющие объект конкретного правоотношения; нормы права, устанавливающие процессуальный статус субъектов данных правоотношений (права, обязанности и ответственность субъектов правоотношений);
- нормы права, устанавливающие временные границы существования данных правоотношений в форме процессуальных действий (не всегда); нормы права, устанавливающие порядок процессуального оформления правоотношения, регулируемого данным институтом.

Так, если говорить об институте процессуального соглашения, можно выделить следующие его структурные элементы.

Во-первых, основанием для возникновения правоотношений, связанных с осуществлением данного уголовно-процессуального института необходимы следующие условия: 1) добровольное изъявление подозреваемым, обвиняемым желания на заключение процессуального соглашения; 2) подозреваемый, обвиняемый не оспаривают подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного ими вреда; 3) согласие потерпевшего на заключение процессуального соглашения. Кроме этого, законодатель устанавливает условия, при наличии которых процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины не может быть заключено: 1) в отношении совокупности преступлений, если хотя бы одно из них не соответствует требованиям, предусмотренным статьями 612, 613 УПК РК; 2) если хотя бы один из потерпевших не согласен с заключением процессуального соглашения.

Во-вторых, важным элементом структуры рассматриваемого уголовно-процессуального института является объект, по поводу которого возникает правоотношение, регулируемое рассматриваемым институтом. Так, согласно УПК РК, расследование уголовных дел в рамках заключенного процессуального соглашения производится: в форме сделки о признании вины – по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением; в форме соглашения о сотрудничестве – по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений. Ч. 2 ст. 612 УПК РК указывает на то, что процессуальное соглашение не может быть заключено с лицами, совершившими запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или заболевшими после совершения преступления психическим расстройством. Также заключение процессуального соглашения не является основанием для освобождения лица от гражданско-правовой ответственности перед лицами, признанными потерпевшими, и гражданским истцом.

В третьих, следующим элементом структуры института процессуального соглашения являются нормы права, устанавливающие процессуальный статус субъектов данных правоотношений (права, обязанности и ответственность субъектов правоотношений). В-четвертых, важным элементом рассматриваемого института выступают гарантии реализации прав и обязанностей участников правоотношений. Третий и четвертый элемент структуры института процессуального соглашения мы рассмотрим ниже в контексте регулирования их УПК РК.

Если говорить о составе участников регулируемых данным уголовно-процессуальным институтом отношений, то ст.ст.615-621 УПК РК четко определяет круг участников, устанавливая порядок реализации данного института. В соответствии со ст.615 УПК РК подозреваемый, обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины в любой момент досудебного производства по уголовному делу. Процессуальное соглашение может быть заключено по инициативе прокурора. Орган, ведущий уголовный процесс, получив ходатайство от подозреваемого, обвиняемого либо защитника о заключении процессуального соглашения о производстве в форме сделки о признании вины, с учетом оснований, предусмотренных статьей 613УПК РК, в течение трех суток направляет поступившее ходатайство вместе с материалами уголовного дела прокурору для решения вопроса о заключении процессуального соглашения. Прокурор истребует дело из органа, осуществляющего расследование, выполняет действия, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, усмотрев в деле возможность заключения процессуального соглашения, предлагает стороне защиты обсудить вопрос о его заключении либо письменно сообщает об отказе в удовлетворении ходатайства. Прокурор при рассмотрении вопроса о возможности заключения процессуального соглашения обязан проверить:

1) подпадает ли деяние, совершенное лицом под процессуальное соглашение о производстве в форме сделки о признании вины;

2) добровольность заявленного лицом ходатайства о заключении процессуального соглашения и осведомленность о последствиях его заключения;

3) лицо не оспаривает собранные доказательства и квалификацию деяния;

4) согласие лица с характером и размером причиненного им вреда и гражданским иском;

5) отсутствие в деле обстоятельств, влекущих прекращение уголовного преследования.

Для выяснения указанных обстоятельств прокурор вызывает подозреваемого, обвиняемого (требует доставления содержащегося под стражей), его защитника и потерпевшего, у которых выясняет мнение о воз-

можности заключения процессуального соглашения. Лицу, подавшему ходатайство, прокурор разъясняет последствия заключения процессуального соглашения, право отказаться от его заключения. При несогласии потерпевшего процессуальное соглашение не заключается. Если потерпевший согласен, то с учетом его мнения по вопросу возмещения причиненного преступлением вреда прокурор и сторона защиты в разумный срок заключают процессуальное соглашение, которое излагается в письменном виде и подписывается участниками соглашения. Отказ прокурора от заключения процессуального соглашения обжалованию не подлежит, однако это не препятствует заключению процессуального соглашения в дальнейшем. Согласно ст.616 УПК РК, в процессуальном соглашении должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее процессуальное соглашение;

3) фамилия, имя и отчество (при его наличии) подозреваемого, обвиняемого, заключающего соглашение, дата и место их рождения, место жительства и род занятий, фамилия, имя, отчество (при его наличии) его защитника;

4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с положениями настоящего Кодекса;

5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающие ответственность за данное преступление;

6) обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и наказание, и нормы уголовного закона, которые могут быть применены в отношении подозреваемого, обвиняемого при соблюдении им условий и выполнении обязательств, указанных в процессуальном соглашении;

7) действия, которые подозреваемый, обвиняемый обязуются совершить после заключения процессуального соглашения;

8) вид и размер наказания, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом;

9) последствия заключения процессуального соглашения;

10) о согласии потерпевшего на заключение процессуального соглашения.

Процессуальное соглашение подписывается прокурором, подозреваемым, обвиняемым, его защитником. До подписания процессуального соглашения подозреваемый, обвиняемый имеют право наедине и конфиденциально обсудить его положения со своим защитником. После подписания процессуального соглашения в форме сделки о признании вины прокурор рассматривает вопрос о необходимости отмены либо изменения меры пресечения в отношении подозреваемого. В случае необходимости проведения по делу следственных и процессуальных действий прокурор направляет дело органу досудебного расследования. Следователь, дознаватель осуществляют сбор доказательств в объеме, достаточном для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого. В случае отсутствия необходимости проведения следственных и процессуальных действий после заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины досудебное расследование по делу считается оконченным, и прокурор незамедлительно направляет его в суд без обвинительного акта, о чем уведомляет потерпевшего.

Другой частью структурного элемента процессуального соглашения является соглашение о сотрудничестве. Так, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный имеют право обратиться в орган, ведущий уголовный процесс, или к прокурору с ходатайством о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве. Процессуальное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым утверждается соответственно прокурором области или приравненным к нему прокурором, их заместителями, а с осужденным – Генеральным Прокурором Республики Казахстан либо его заместителем. Ходатайство о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве, согласно ст.618 УПК РК, может быть заявлено с момента начала досудебного расследования и до стадии исполнения приговора включительно. Ходатайство о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве представляется подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и осужденным в письменном виде и обязательном порядке скрепляется подписью защитника. Если защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или осужденным, его законным представителем или по поручению подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного другими лицами, то участие защитника обеспечивается органом, ведущим уголовный процесс, либо учреждением или органом, исполняющего наказание. Следователь, дознаватель, в производстве которых находится уголовное дело, руководитель учреждения или органа, исполняющего наказание, при получении ходатайства о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве в течение суток направляет его прокурору. Ходатайство подсудимого о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве суд направляет прокурору в течение трех суток с момента его поступления. Осужденный вправе через орган, исполняющий наказание, представить свое ходатайство на имя прокурора области, на территории которой он отбывает наказание, о заключении процессуального соглашения. Процессуальное соглашение о сотрудничестве заключается между прокурором и подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным с участием их защитников с соблюдением требований УПК РК, при необходимости с сохранением его конфиденциальности и обеспечением безопасности, и направляется для утверждения соответственно прокурору области или приравненному к нему прокурору, их заместителям, а с осужденным – Генеральному Прокурору Республики Казахстан либо его заместителю. Прокурор области или приравненный к нему прокурор, их заместители, в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а в отношении осужденного – Генеральный Прокурор Республики Казахстан либо его заместитель по поступившему на утверждение процессуальному соглашению:

1) изучают уголовное дело и представленные (истребованные) дополнительные материалы, проверяют юридические и фактические основания заключения процессуального соглашения о сотрудничестве, а также оценивают характер намерений подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного по выполнению действий, являющихся предметом соглашении;

2) выясняют, ознакомлены ли подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный со всеми условиями и требованиями, связанными с процессуальным соглашением о сотрудничестве, не подвергались ли пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, добровольно ли заключили процессуальное соглашение о сотрудничестве и осознают ли его правовые последствия;

3) выносят постановление об утверждении либо отказе в утверждении процессуального соглашения о сотрудничестве.

После утверждения прокурором области или приравненным к нему прокурором, их заместителями, а в отношении осужденного Генеральным Прокурором Республики Казахстан, его заместителем процессуального соглашения о сотрудничестве прокурор, подписавший процессуальное соглашение о сотрудничестве, незамедлительно принимает меры к организации раскрытия преступлений, являющихся предметом заключенного соглашения, и изобличению виновных лиц, а также рассматривает вопрос о необходимости отмены либо изменения меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Если по результатам проведенного расследования преступлений, относящихся к предмету процессуального соглашения о сотрудничестве, при способствовании подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного изобличены лица, совершившие особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления, и в отношении виновных лиц постановлен обвинительный приговор, то прокурор принимает меры к выполнению условий процессуального соглашения о сотрудничестве. В отношении осужденного лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и выполнившего его условия, прокурор обращается в суд с ходатайством в соответствии со статьями 476 – 478 УПК РК [2].

Говоря о положительной стороне института процессуального соглашения, необходимо отметить следующие плюсы:

1) увеличение оперативности расследования уголовных дел;

2) экономия силы и средства органов расследования;

3) «сделка с правосудием» может повлиять на сокращение количества лиц, осужденных к лишению свободы, путем применения к ним альтернативных видов наказаний (ограничение свободы, привлечение к общественным работам, исправительные работы и штраф), в том числе условное осуждение;

4) в УПК появится новый инструмент для выявления таких опасных форм, как организованная преступность, преступное сообщество и т.д.

Таким образом, структура уголовно-процессуального института имеет динамичный характер и в зависимости от содержания регламентируемых правоотношений может содержать в себе различные элементы-группы норм. Обязательными элементами структуры уголовно-процессуального института при этом выступают кормы, регулирующие основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений, процессуальный статус участников правоотношений и гарантии их прав.

Литература: 1. «Казахстан». Национальная энциклопедия Т.5 / Гл.ред. Б. Аягин. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – 560 с.; 2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – Алматы: Юрист, 2015. – 356 с.

Чанхай Л. (Changhai Long)

Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
кандидат юридических наук (доктор наук (PhD))
(Манчжурия, КНР)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В КИТАЕ

В современном мире терроризм является серьезной угрозой для всех стран. Терроризм бросает нетрадиционные вызовы безопасности, имеет наднациональный и трансрегиональный характер. Ни одна страна мира не может противостоять терроризму в одиночку. Проблемы борьбы с терроризмом для современного Китая приобрели особенно актуальный характер. Но как понимается преступление террористической направленности в Китае? Сначала необходимо уяснить понятие преступлений террористической направленности, существующее в китайских научных кругах. Что касается данного вопроса, то китайские ученые дают разные определения преступлений террористической направленности.

Ху Ляньхэ считает, что преступления террористической направленности - это заключающаяся в том, чтобы посредством создания обстановки страха, привлечения общественного внимания и устрашения соответствующих органов власти или общества достичь определенной политической или социальной цели, применяемая как слабыми так и сильными, направленная в отношении невоенных целей (особенно невинных гражданских целей), выражающаяся в тайных убийствах, взрывах, похищениях и захватах заложников, угонах транспортных средств, применении ядовитых веществ, повреждении компьютерных систем, а также иных видах, имеющая противоправный или уголовно-преступный характер насильственная, связанная с угрозой применения насилия или ненасильственная подрывная деятельность.[1]

По мнению профессора Чжан Минкая, преступления террористической направленности представляют собой преступные деяния, совершенные для достижения определенных целей, в особенности политических, заключающиеся в добровольном применении таких принудительных методов как насилие и угрозы в отношении жизни, здоровья, свободы, собственности неопределенного круга лиц (невинных) и даже большого количества лиц, и тем самым создании общественного страха.[2]

Некоторые ученые полагают, что преступления террористической направленности - это преступные деяния, заключающиеся в применении лицом, формированием или государством насилия или других разрушительных методов, в зверском истязании ни в

---

[1]Ху Ляньхэ. Терроризм в современном мире и ответные меры. – Пекин: Изд-во Дунфан чубаньшэ, 2001. С.28.

[2]Чжан Минкай. Уголовное право. 2011. Пекин. С.617.

чем не повинных людей, в создании страха для достижения определенной политической цели.[1]

Стоит отметить, что хотя различные ученые предлагают различные определения понятия преступления террористической направленности, однако дискуссионные моменты в действительности схожи, и это не что иное, как различные точки зрения на субъект, цели, предмет и методы преступлений террористической направленности. Например, некоторые ученые полагают, что субъект преступлений террористической направленности необходимо ограничить террористическими организациями и не включать отдельные лица и государство; некоторые ученые считают, что цели преступлений террористической направленности включают в себя лишь политические цели в сфере идеологии и не включают в себя иные социальные цели; также есть ученые, которые высказывают мнение о том, что методы преступлений террористической направленности ограничиваются лишь насильственными методами или методами, связанными с угрозами применения насилия.

Хотя уголовное законодательство Китая не содержит четкого определения понятия преступления террористической направленности, однако в Решении «О вопросах, связанных с усилением антитеррористической работы», принятом ПК ВСНП 29 октября 2011 года было дано детальное определение террористической деятельности. Под террористической деятельностью понимается направленная на создание общественного страха, причинение вреда общественной безопасности или воздействие на органы государственной власти, международные организации, прибегающая к таким методам как насилие, разрушение и устрашение деятельность, причиняющая или намеревающаяся причинить такой серьезный общественный вред, как человеческие жертвы, значительный имущественный ущерб, повреждение коммунальных инфраструктур, дезорганизация общественного порядка, а также деятельность, заключающаяся в агитации, финансировании или оказании других видов помощи при осуществлении указанных выше действий.

Данное определение опровергло ряд таких узких точек зрения как включение в субъект преступлений террористической направленности лишь организаций; ограничение целей преступлений террористической направленности лишь политическими целями; включение в методы преступлений лишь насильственных методов.

На наш взгляд, для верного определения преступления террористической направленности, необходимо рассмотреть данное понятие с точки зрения его субъекта, целей, предмета и методов.

Во-первых, субъект преступлений террористической направленности включает в себя организации и отдельные лица, в том числе, организации (юридические лица), входящие в состав организаций также относятся к субъектам преступлений террористической направленности; а отдельные лица, чьи действия образуют преступления террористической направленности помимо участников террористической организации, также включают лиц, не являющихся членами террористической организации.

Во-вторых, лица, совершившие преступления террористической направленности должны иметь определенные цели. Эти цели должны проявляться в посягательстве на правовые интересы, посредством этого посягательства на определенные правовые интересы, преступник стремится создать масштабный общественный страх и пытается, используя этот страх, шантажировать общество, государство, чтобы достичь политической, религиозной или другой социальной цели, к которой он сам стремится, и реализовать его крайне опасные античеловечные, антисоциальные установки.

В-третьих, что касается предмета преступлений террористической направленности, то обычно между непосредственным потерпевшим и преступником не существует столкновения частных интересов, к тому же отчетливо проявляется особенность, выражающаяся в обширности и неопределенности предмета преступления. Чем меньше связана цель, по которой наносится удар, с реальной целью, тем выше степень создаваемого страха, а действия преступника также больше приобретают характер преступления террористической направленности.

И последнее, современные преступления террористической направленности больше не ограничиваются насилием или угрозами применения насилия, как это было раньше. Вслед за научно-техническим развитием и общественным прогрессом, во все большем количестве преступлений террористической направленности стали присутствовать высокотехнологические элементы; для совершения преступлений все чаще используются такие интеллектуальные продукты как интернет и телефон, а также биологическое и ядерное оружие. Эти изменения привели к тому, что способы реализации преступлений террористической направленности стали еще более разнообразными, поражающая сила также намного увеличилась по сравнению с прошлым.

Таким образом, преступления террористической направленности - это совершенные отдельным лицом или организацией для достижения его (их) политических, религиозных или других социальных целей с применением насилия, других высокотехнологических методов или же угрозой применения вышеназванных методов, создающие атмосферу страха действия, приводящие или же намеревающиеся привести к таким серьезным нарушениям общественной безопасности и национальной стабильности как человеческие жертвы, значительный имущественный ущерб, дезорганизация общественного порядка, а также заключающиеся в агитации, финансировании и оказании других видов содействия совершению указанных выше преступлений.

---

[1]Основная ситуация и стратегия международной борьбы против терроризма в эпоху после бен Ладена / под ред. Хе Бинсуна. – Пекин : Изд-во Чжунго миньчжу фачжи чубаньшэ, 2013. С.30.

Чернецкий О. К.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук
(Симферополь)

ДИАГНОСТИКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Исследование вопроса психологического состояния лица в первую очередь предусматривает необходимость адаптации соответствующих положений и подходов в соответствии с предметной сферой исследования, которое прежде всего предусматривает выяснение понятия «психическое состояние» и определения ее признаков. Итак, в обще употребляемом значении психическое состояние – это, а) признаки психической деятельности, которые характеризуют ее в данное время; б) (в психиатрии) совокупность признаков психического разлада. В психологии под психическим состоянием понимают целостную характеристику психической деятельности, стойкую на определенном временном отрезке, которая показывает своеобразность протекания психических процессов в зависимости от отражения явлений действительности, предыдущего состояния и психических свойств личности [1;284]. Психическое состояние – это определенный уровень трудоспособности и качества функционирования психики человека, характерный для него в каждый данный момент времени. Психическое состояние представляет собой внутреннюю целостную характеристику индивидуальной психики, относительно неизменную во времени, которая имеет следующие функции: регулирование, интеграции и адаптации. Физиологически психологическое состояние представляет собой функциональное состояние психики человека, который обеспечивается определенный уровень динамического взаимодействия его организма с окружающей средой в процессе деятельности. Вместе с тем, функциональное состояние обеспечивает: а) адекватную мобилизацию, когда все его системы работают оптимально в соответствии с требованиями деятельности; б) динамическое рассогласование, при которому все системы организма не полностью или недостаточно качественно поддерживают его деятельность [2;174]. В специальной литературе есть достаточно широкая амплитуда эмоциональных (психических) состояний, среди которых отмечается – состояние страха, фрустрации, стресса и т.п. Основной исходный момент, который определяет природу и функции эмоций заключается в том, что в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношения между ходом события, деятельности, с одной стороны, и движением внутренних органических процессов, которые охватывают основные приветственные функции, от которых зависит жизнь организма в целом, – из другой; в результате индивид перенастраивается для соответствующего действия или противодействия [3;552].

Таким образом, проведенный анализ позиций по этому вопросу предоставляет нам возможность высказать свои соображения по этому поводу и сделать определенные выводы. Итак, необходимо отметить, что при проведении следственного эксперимента следователь взаимодействует с особым источником – человеком, участие которой в рамках следственного эксперимента обязательно имеет добровольный характер. Поэтому результативность исследуемого следственного действия, кроме других факторов, во многом будет зависеть от психологии лица на момент проведения следственного эксперимента. Исследование вопроса психического состояния лица характеризует психологические основы следственного эксперимента как важный компонент его сущности и будет содействовать объективности результатов следственного эксперимента. Исследование психологических особенностей лица должно занимать одно из центральных мест в подготовке к следственному эксперименту. Считаем, что при принятии решения о проводке следственного эксперимента с определенной категорией лиц необходимо в первую очередь руководствоваться соотношением задач самого следственного действия с уровнем психического состояния лица. Речь идет о несовершеннолетних, людей преклонного возраста, которые психически уязвимы, способные к быстрой и частой изменяемости психического состояния.

Нужно иметь в виду, что обстановка следственного действия, особая значимость ситуации, присутствие, кроме следователя, других лиц иногда может вызвать у участника эксперимента состояние эмоционального напряжения, который отличается за своей психологической природой от того состояния, в котором находился человек в момент события. Подъем, который возник в ходе действительного события, может смениться придавленным состоянием, или, наоборот, вместо растерянности настанет нервное возбуждение. В присутствии других лиц, человек может ощущать волнение. Стыдливость влияет на моторику, делая движения некоординированными, неуклюжими, в других — на интеллектуальные функции, снижая внимание, памяти, мышление. Опасаясь не справиться с поставленной задачей, человек временами окажется неспособной сделать то, что ей удавалось раньше.

На наше убеждение определяя влияние эмоциональных состояний на лицо, объективность результатов следственного эксперимента должна исходить именно из психологических закономерностей и свойств этих психических состояний. При этом, следователю необходимо учитывать характер конкретного психического состояния, его продолжительность и первопричину возникновения и руководствоваться в первую очередь данными общей психологии. Речь идет об учете разновидностей и особенностей психических состояний, среди которых в специальной литературе выделяют – продолжительные, не продолжительные, более поверхностные и более глубокие, отрицательно и положительно действующие, ситуативные и личные [2;174]. Именно специфика их проявлений позволит определить возможность и целесообразность их воспроизведения при проведении следственного эксперимента.

Необходимость воспроизведения определенного психического состояния лица и определение уровня влияния на объективность результатов следственного эксперимента определяет важность исследования диагностических аспектов деятельности следователя по этому вопросу. Важность диагностики психического состояния лица определяется тем, что полученная информации позволит решить вопрос уровня объективности результатов следственного эксперимента, а также

будет содействовать определению тактических приемов других следственных действий.

Большое значение психодиагностика имеет в исследовании психологических процессов и состояний участников досудебного и судебного следствия, определении психологических особенностей и поведения лица при проведении отдельных следственных действий и др. В этом большую роль играют психологические приемы общения, которые содействуют диагностике психического состояния лица. Эти приемы заимствованы юридической психологией из общей психологии и трансформированы в ней согласно целям и задачам следственных действий, которые проводятся. В частности, в юридической психологии диагностика психического состояния нашла свое упрочение в таких методах общей психологии, как: наблюдение, беседы, независимых характеристик, эксперимента, анкетирование, тестирование, обобщение независимых характеристик, анализа результатов (продуктов) деятельности, экспертных оценок, изучение групп и коллективов, изучение документов коллектива и т.п. Они применяются не в полном объеме, а согласно той схемы, которая есть для следователя наиболее приемлемой в данной ситуации [4;36-41]. Указанные психологические приемы в специальной литературе относят к психологичным-судебно-психологическим методам изучения лица [5;141-161].

Бесспорно, начальный этап общения всегда связан с визуальной психодиагностикой лица: выявлением ее коммуникативных признаков, изучением психического состояния, отношение к предмету общения и др. Визуальная психодиагностика – новая самостоятельная область психологии, содержание которой состоит в изучении «внешних» характеристик поведения и внешности человека (пол, возраст, особенности строения тела, мимики, жестикуляции и др.) с целью проникновения во «внутреннее» психологическое содержание личности и оптимизации использования возможностей и индивидуальных особенностей каждого человека. Предметом визуальной психодиагностики есть разработка основных принципов построения психодиагностических методик, основанных на использовании разных визуальных средств (непосредственное наблюдение, видеозапись, изучение документов, исследование почерка, рисунков и др.). Ее задача состоит в разработке конкретных методов распознания индивидуально-психологичных особенностей личности путем визуального восприятия [6;616], [7;304], [8;110].

Кроме этого, определенный диагностический аспект проявляется и на подготовительной стадии к проведению следственных действий, в том числе и следственного эксперимента. Речь идет об изучении материалов дела, протоколов других следственных действий, получение ведомостей от знакомых, коллег или родственников лица, изучение личного дневника, переписка и др.

Влияние следователя на эмоциональное состояние лица должно быть дифференцированным, с учетом индивидуальных особенностей психики отдельных лиц. В этом аспекте, по нашему мнению, целесообразным будет для предоставления помощи следователю приглашения специалиста-психолога, который будет определенным образом влиять на эмоциональное состояние лица, выявлять факторы, которые влияют на психическое состояние лица, сглаживать противодействие расследования со стороны лица, содействовать определенной детализации исследовательских действий. Непосредственно на месте происшествия специалист-психолог может обращать внимание на факты, которые свидетельствуют о психическом состоянии лица, вести определенное наблюдение с лицом, помогать правильно интерпретировать его эмоциональное состояние, вносить рекомендации в порядок, сущность, виды экспериментальных действий. В отдельных случаях предоставит определенные рекомендации относительно целесообразности того или другого тактического приема. Кроме этого, ряд проблем психологического характера будет решен не только по отношению к лицу, которое принимает участие в эксперименте, но и по отношению, и к другим лицам, которые могут осуществить определенное влияние на эмоциональное (психическое) состояние лица. В отдельных случаях, по нашему убеждению, такой контакт лица со специалистом-психологом должен происходить на стадии подготовки к следственному эксперименту.

Именно спецификой вышеупомянутого и определяется форма дальнейшего взаимодействия (общение) с лицом в рамках расследования преступлений. Указанные раньше диагностические аспекты психического состояния, могут быть использованные в разных направлениях организации других следственных действий, определять психологические основы тактических приемов, которые применяются следственным с целью получения необходимой информации и содействовать оценке полученной информации. Речь идет о тактических приемах: установление психологического контакта; определение характера наиболее эффективное психологического влияния; установление мотивации, преодоление конфликтных ситуаций, актуализации забытого и прочие. В связи с этим, необходимо заметить, что определенные следственные действия и тактические приемы могут также содействовать диагностике психического состояния лица и выступают как отдельный диагностический элемент.

Таким образом, моделирование субъективных факторов — основная сложность в проведении следственного эксперимента. Воспроизведение субъективных факторов (приближение похожести уровня психического состояния лица) есть по сути процесс динамического моделирования обстоятельств расследованного события и положительной (нормальной) психологической атмосферы общения, который обусловлен характером психического состояния лица, который имел место в момент развития события. Задача следователя состоит в создании максимально приблизить уровень схожести (воспроизведение) психического состояния лица, которое принимает участие в эксперименте, с тем, который был у него в момент развития определенного события. Уровень схожести может служить одним из факторов у формирования следственных ситуаций исследуемого следственного действия. Именно с учетом определенных особенностей психических процессов и психического состояния лица, которое принимает участие в следственном эксперименте определяется характер экспериментальных действий. Важность определения характера психического состояния лица на момент события и достижение в дальнейшем уровня его похожести и определяет необходимость применения диагностических приемов.

Литература: 1. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь [Текст]. – СпБ.: Прайм-Еврознак, 2003. – С.284; 2. Лебедев

И.Б., Родин В.Ф., Цветков В.Л. основы психологии для сотрудников правоохранительных органов [Текст]: Учеб пособ. – М.: Щит-М. – 2005. – С. 174; 3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологи [Текст]. – СПб.: Питер, 2005. – С. 552; 4. Коновалова В.Е. Допрос: тактика и психология [Текст]. – Х.: Вапнярчук Н.Н., 2006. – С. 36-41; 5. Дулов А. В. Судебная психология [Текст]. – Минск: Вышейш. шк., 1975. – С.141-161; 6. Щекин Г. В. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению [Текст]: Учеб пособ., – 3-е изд. – К.: МАУП, 2007. – 616 с.; 7. Общая психодиагностика [Текст] / под ред. А. Бодалева, В. Столыпина. – М., 1987. – 304 с.; 8. Щекин Г. В. Основы визуальной психодиагностики [Текст]/ Г. В. Щекин. – К., 1990. – 110 с.;

Чумаков А. В.

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета (Новосибирск)

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ КОМПЕНСАЦИЙ ЗА НАЁМ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

На сегодняшний день, одним из наиболее приоритетных направлений деятельности властных структур государства является обеспечение эффективности системы социальных выплат. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев в этой связи отметил: «Нужно стремиться к оптимальной структуре расходов. Ну и конечно, создавать условия для нормальной работы социальной сферы. Нам есть чем заниматься в социальной сфере. И не только с точки зрения текущей сложной финансовой ситуации, а просто в целях оптимизации самой системы»[1].

Важным элементом системы мер повышения эффективности социальных выплат является уголовно-правовые средства противодействия преступным посягательствам на соответствующие бюджетные ассигнования. В числе таких средств, центральное место занимают положения статьи 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат».

Анализ судебно-следственной практики по делам о мошенничестве при получении выплат позволяет говорить о том, что компенсация за наём жилого помещения, как один из видов выплат, является наиболее уязвимой для криминальных посягательств. В этой связи с рамках предлагаемой статьи будет рассмотрен вопрос о наиболее типичных способах совершения данных преступлений, приведено их криминалистическое описание.

Из анализа материалов практики представляется возможным выделить следующие основания классификации мошенничества при получении компенсации за наём жилого помещения:

1) по предмету: средства федерального, регионального или местного бюджетов;

2) по получателю: военнослужащий, трудоустроенное гражданское лицо;

3) по способу: подделка договора найма жилого помещения путём внесения в него ложных (недостоверных) сведений, составление фиктивного договора найма жилого помещения.

[1] Д.А. Медведев: Система социальных выплат в России должна быть более эффективной: сайт Первого канала [Электронный ресурс] URL: http://www.1tv.ru/news/social/287091 (дата обращения 27.09.2015)

В ходе изучения материалов судебной практики по уголовным делам о мошенничестве при получении компенсаций установлено, что наиболее часто предметом преступных посягательств являются: компенсация за наём жилого помещения[2], компенсация расходов работника в период командировок[3].

Приведем характерный пример мошенничества при получении компенсаций за наём жилого помещения: находясь в командировке военнослужащий М. не заключал договор найма жилого помещения для проживания, а ночное время суток проводил в неустановленном следствием месте. С целью получения имущественной выгоды он составил фиктивный договор найма жилого помещения с гостиницей, где на самом деле не проживал. Прибыв из командировки, реализовывая своё преступное намерение, М. представил в управление военной части указанный фиктивный договор. По результатам проверки представленных документов М. были выплачены денежные средства в размере 400 500 рублей, которыми он распорядился по своему усмотрению[4].

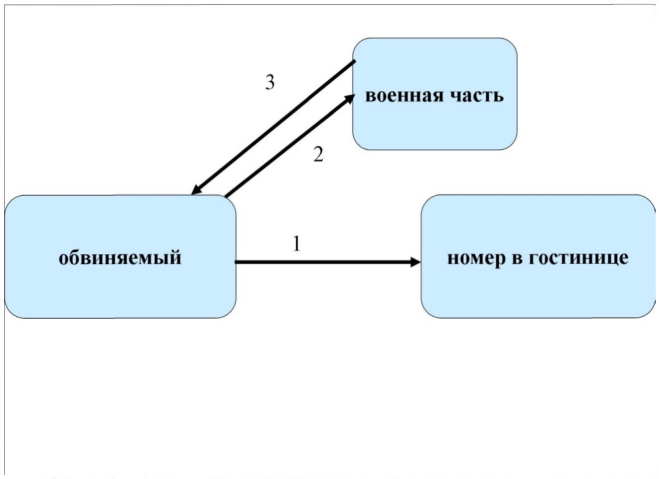


Рис.1. Типичный способ 1совершения мошенничества при получении компенсации за наем жилого помещения

Характерной криминалистической особенностью рассматриваемого преступления является типичный способ его совершения – составление подложного договора о найме жилья (рис. 1).

На схеме (рис. 1) обозначен момент, когда М. подделывает договор найма жилого помещения (этап 1), после чего направляет фиктивный договор найма и рапорт в военную часть (этап 2) и получает денежные средства после рассмотрения предоставленных документов (этап 3).

[2] «Приговор № 1-4/2013 Нальчикского гарнизонного военного суда по уголовному делу о мошенничестве при получении компенсации за найм жилого помещения.» [Электронный ресурс] // сайт РосПравосудие. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court- №alchikskij-gar №izo № №yj-voe № №yj-sud-kabardi №o-balkarskaya-respublika-s/act-400183728/ (дата обращения 06.12.2014)

[3] «Приговор Казанского гарнизонного военного суда г. Казань от 12 августа 2014 года» [Электронный ресурс] // сайт РосПравосудие. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-kazanskij-garnizonnyj-voennyj-sud-respublika-tatarstan-s/act-457309050/ (дата обращения 22.03.2015)

[4] Приговор № 1-32/2015 от 23 сентября 2015 г. по делу № 1-32/2015 [Электронный ресурс] // Сайт СудАкт.ru. Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/EWXRWdtTPzg5/ (дата обращения 07.04.2016).

Рассмотрим еще один характерный пример мошенничества при получении компенсаций расходов за наём жилого помещения путём внесения в него ложных (недостоверных) сведений.

Военнослужащий Н., в период проживания в гостинице находясь в служебной командировке, приобрёл у администратора гостиницы фиктивные документы о проживании(счёт, кассовые чеки), в которые были внесены искаженные данные о стоимости проживания, тем самым увеличив компенсационную выплату с 49400 рублей (по 650 рублей за каждые сутки проживания) до 123 000 рублей (по 1500 рублей за сутки проживания). После чего, по возвращению из служебной командировки, предъявил в военную часть указанные документы и командировочное удостоверение, составил авансовый отчёт к которому прикрепил фиктивные документы.

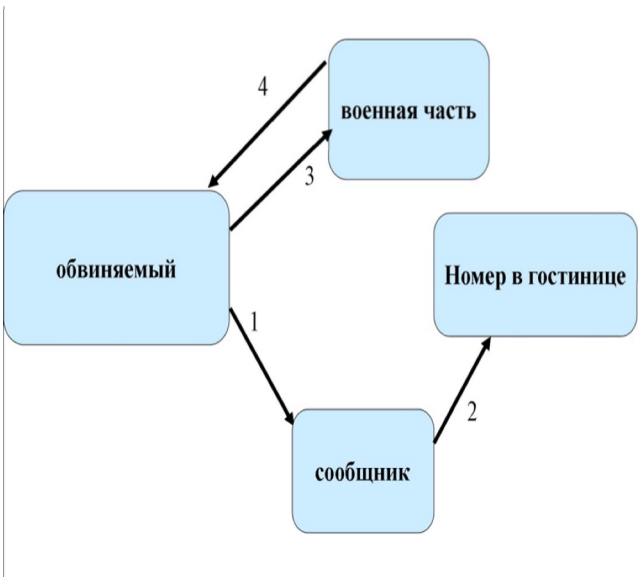


Рис. 2. Типичный способ 2 совершения мошенничества при получении компенсации за наем жилого помещения

В результате действий Н. был причинён вред Министерству обороны РФ на сумму 73600 рублей[1].

На рисунке 2 отображено, каким образом было совершено преступление. Сначала Н. вступил в преступный сговор с администратором гостиницы (этап 1), после чего ими был подготовлен пакет фиктивных документов (этап 2). Подготовленный пакет документов был направлен в военную часть (этап 3), после чего было принято решение о начислении Н. денежных средств в качестве компенсации за наём жилого помещения (этап 4).

В ходе анализа приговоров по делам о мошенничестве при получении компенсации за наём жилого помещения, было установлено что данные преступления выявляются преимущественно в ходе повседневной деятельности сотрудников правоохранительных органов или же в ходе проведения так называемых «инициативных проверок». В данном отношении представляется необходимым подчеркнуть важность наступательного подхода в процессе расследования. Данный поход нашёл своё отражение в целом ряде научных работ. Так, профессор Ю. П. Гармаев указывает на важность и необходимость активного внедрения в научные теоретические, учебные и прикладные разработки принципа наступательности, инициативности в выявлении, раскрытии, расследовании преступлений[2]. Сущность данного подхода базируется на следующих основаниях: выявление преступлений наиболее эффективным способом при помощи проведения «инициативных проверок» сотрудниками правоохранительных органов; такие проверки должны производиться на предмет серийности, наличия соучастников совершения преступления и вероятного обнаружения коррупционной составляющей.

[1] Приговор Самарского гарнизонного военного суда от 05 февраля 2015 года. Электронный ресурс: сайт Судакт.ру Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/hUsQVXZ5y1L1/ (дата обращения 09.03.2016).

Шадрин О. Ю.

Международный юридический институт
кандидат юридических наук, доцент
(Москва)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Особенности геополитического положения современной России, ее стремление к преобразованиям, динамичная интеграция в мировую общественно-политическую и экономическую систему, а также последствия системного кризиса породили комплекс «новых» для российского общества и государства проблем, среди которых особенно выделяется специфическая преступность, отягощённая «иностранным элементом».

Происходящие в мире общественно-политические и экономические процессы оказывают определенное влияние и на криминальную обстановку в России. Важное место занимают географические и этноэкономические условия, объединенные общим понятием «геополитические факторы». Они воплощаются в государственных интересах и отражаются в системе взглядов государства на борьбу с преступностью в целом.

В общенаучном смысле геополитика – это теория, положенная в основу политической доктрины государства, опирающейся на географическо-природные подходы (размеры и конфигурация территории и акваторности, климат, природные ресурсы, расовый и национальный состав населения). Как видим, эти положения оказывают определяющее влияние на такие элементы криминалистической характеристики преступлений, как обстоятельства и обстановка совершения преступлений.

В современном мире геополитические факторы составляют объективную основу международных отношений в различных областях. VII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с право-

[2] Ю.П. Гармаев Принцип наступательности в криминалистической методике расследования. Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015. – С.372.

нарушителями в декабре 1985 г. Принял «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия»[1], где в п.22 говорится: «Следует продолжить изучение и исследование возможных видов взаимосвязи между преступностью и некоторыми аспектами процесса развития, такими как структура и рост населения, урбанизация, миграция населения, в целях повышения способности оперативно реагировать на изменения социально-экономических, культурных и политических условий в рамках политики, проводимой в области предупреждения преступности».

Все намеченные для изучения взаимосвязи в полной мере относятся и к специфическим связям преступности с условиями развития российского Дальнего Востока.

Выделим основные факторы.

1. Особенности географических и климатических условий. Из-за большой территориальной протяженности региона, отсутствия с некоторыми населенными пунктами наземных транспортных коммуникаций существенно осложнены процессы сбора исходной информации о правонарушении (включая своевременное сообщение о совершенном преступлении); своевременный выезд на осмотр места преступления; доставки для проведения следственных действий обвиняемых; организация проведения судебных экспертиз. Действия указанного фактора проявляются на всем протяжении расследования преступления.

2. Интенсивный приток населения ведет к быстрому увеличению нагрузки на сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов. Однако не всегда своевременно вносятся коррективы в расстановке сил и средств, недостаточно учитывается особенность преступлений при распределении штатной численности следственно-оперативных групп. Не все сотрудники имеют профессиональную подготовку и опыт расследования преступлений с учетом региональной специфики.

3. Отсутствие или недостаточное количество специализированных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности. Занимаясь расследованием определенных категорий преступлений, следователь в пределах избранной специализации постепенно накапливает обширный материал профилактико-предупредительного плана. Его анализ позволяет следователю выявить наиболее типичные криминогенные факторы, обусловливающие совершение тех или иных видов преступлений в обслуживающем регионе[2].

4. Специфика населения Дальневосточного региона и, прежде всего, такие показатели, как плотность населения, сравнительно молодые города и населенные пункты, миграция населения. Рассмотрим составляющие компоненты этого фактора:

а) плотность населения сказывается на получении своевременной и надежной информации, следовательно, и на обнаружении преступлений. Обобщая проведенные исследования, можно отметить, что высокая плотность населения в крупных промышленных и культурных центрах затрудняет обнаружение преступных замыслов и их реализацию. Малая же плотность не дает возможности своевременно обнаружить даже реализованный преступный замысел, вылившийся в преступление. Эта особенность существенно затрудняет следственно-оперативную работу ОВД в ракурсе требования динамичности (например, связанной с временным фактором пребывания мигрантов в регионе);

б) особенности недавно возникших населенных пунктов, влияющие в определенной мере на оперативную обстановку и работу следственных аппаратов, можно сгруппировать по ряду общих признаков:

- преобладание молодежи среди населения, небольшой трудовой стаж, формирование новых коллективов. Этот признак несет в себе проблему прибытия к новому места работы и жилья молодых людей, у которых оказываются слабыми товарищеские, родственные и иные социально полезные связи. Поэтому, как о том свидетельствует следственная практика, в случае совершения преступления они, как правило, не могут сказать что-либо определенное о привычках, их наклонностях, о наличии или отсутствии у потерпевшего или подозреваемого имущества, об образе их жизни, даже нередко затрудняются назвать своих соседей;

- бытовая неустроенность, отсутствие жилья, невозможность должным образом использовать всех трудоспособных членов семьи из-за недостаточного развития сферы бытового обслуживания;

- наличие множества разнородных, разно подчиненных строительных организаций, не имеющих надлежащих складских помещений, слабый материальный и бухгалтерский учет;

- привлечение к строительству условно осужденных и условно освобожденных;

- наличие сгруппированных в целые микрорайоны молодежных общежитий с плохо организованным досугом.

И, наконец, самый существенный, на наш взгляд признак – *миграция.*

По данным Всемирного банка, Россия уверенно занимает второе место после США по количеству иммигрантов (США - 43 млн. чел., Россия – свыше 14 млн. чел.), что примерно составляло 8,6% населения страны. Далее следуют Германия (11 млн. чел.), Саудовская Аравия и Канада (8 и 9 млн. чел.), Великобритания, Испания и Франция (по 7 млн. чел)[3].

В Концепции государственной миграционной политики до 2025 года сформулированы основные цели и принципы развития общественных отношений в сфере миграции населения, которые должны соответствовать «надежному обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, максимальной защищенности, комфортности и благополучию Российского общества»[4].

Миграция как социальный процесс представляет собой совокупность перемещений, совершаемых людьми между странами, районами, населенными пунктами разных типов. Она включает различные виды переме-

---

[1] Международные соглашения и рекомендации ООН в области защиты прав человека и борьбы с преступностью//Сб. междунар. док. М., 1989 Вып. 1. С.157

[2] См.: Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. М., 1999. С. 965-968.

[3] Из доклада Всемирного банка за 2011 г. См. Рата Д., Мохапатра С., Сивал А. Миграция и денежные переводы: цифры и факты – 2011. – The World Bank, 2011. С. 12-38.

[4] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // Информационно-правовая система «Гарант».

щений: безвозвратные, сезонные, маятниковые, эпизодические[1].

Вхождение России в мировое сообщество как полноправного рыночного партнера неизбежно связано с процессом международной миграции населения, в первую очередь – трудовой.

И наибольшая концентрация трудящихся–мигрантов произошла в городах Москве, Санкт-Петербурге и субъектах Дальневосточного Федерального округа.

Миграция населения - явление, характерное для Дальневосточного региона. Следует выделить особенности иммиграции региона:

- соседство с густонаселенными регионами Северо-Восточного Китая, обладающими огромным иммиграционным потенциалом;

- в правовом отношении не решен вопрос о разграничении сопредельных территорий России и Китая, а также отсутствие достаточной законодательной базы регулирования въезда, выезда и пребывания китайских граждан[2];

- наличие выраженного экономического интереса у иммигрантов, с одной стороны, и геополитического интереса и территориальных притязаний к России – с другой.

Региональное распределение прибывших на Дальний Восток китайских иммигрантов показывает, что основная масса - чуть более половины - расселена в Приморском крае, примерно 1/3 - в Хабаровском крае, около 15% - в Амурской области. В Хабаровском крае основными центрами расселения китайцев являются города Хабаровск и Бикин, а также Хабаровский сельский район им. С. Лазо. Регион Дальнего Востока является регионом наиболее компактного проживания и граждан корейской национальности.

Центральным моментом миграции является отсутствие единого механизма, позволяющего реально, начиная с момента пересечения государственной границы, взять под правовой контроль перемещение иностранных граждан - мигрантов по стране.

Еще большую актуальность этот вопрос приобретает в связи с обострившейся проблемой контрабандного провоза иностранных граждан, где Дальневосточный регион выступает в качестве транзитной территории. Мобильность общества значительно возросла. Простота и скорость пересечения границ открывают новые возможности для преступных элементов, делает их более неуловимыми. Предполагаемая или реальная неспособность государств удовлетворить запросы своих граждан, перспективы улучшения своего экономического положения в других странах и невозможность обеспечить законное поле деятельности в области предпринимательства вынуждают многих людей к эмиграции или толкают на путь улучшения своего экономического положения вне рамок законной экономической деятельности.

Транснациональные преступные организации, единолично курирующие этот вид преступной деятельности, затрудняют работу правоохранительных органов путем: а) создания сети воздушных, морских и наземных маршрутов; б) улучшения качества поддельных документов; в) коррумпирования государственных служащих. Учитывая огромные доходы, невысокую степень риска для организаторов и исполнителей контрабандной миграции, а также все большее возрастание экономических проблем, рост торговли людским товаром будет носить неизбежный характер, если не будет предпринято согласованных международных усилий и скоординированных действий превентивного характера.

Для осуществления эффективных международных мероприятий необходимы всеобъемлющие политические решения неординарного характера. Необходимы усилия для решения не только технических вопросов сотрудничества правоохранительных органов, но и создания транснациональной сети для совместной деятельности, которая должна приобрести глобальный характер.

---

[1] Schneider H.J. Kriminologie. Berlin, N.Y., 1987 P.207

[2] Принятое 12.03.1999 г. Постановление главы администрации Хабаровского края №107 «Об утверждении правил пребывания иностранных граждан на территории хабаровского края» не отвечало в полной мере потребностям такого регулирования; О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон: принят Гос. Думой 30 июня 2006 г.: по состоянию на 6 дек. 2012 г.// Собрание законодательства РФ. - 2006. - №30. - Ст. 3285.

Шестакова Л. А.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)»

кандидат юридических наук,

(Самара)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ

Уголовный процесс как один из видов правоприменительной деятельности отражает уровень развития общества на каждом его этапе, конкретные общественно-исторические условия, уровень развития правовой теории и законодательной техники государства. Каждый этап развития общества характеризуется определенными тенденциями развития уголовного процесса, как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных государств. Отметим, что общемировые тенденции развития уголовного процесса могут частично совпадать, поскольку являются ответом на значимые для всего мирового сообщества вызовы.

Как показывает международный опыт, сегодня актуальными признаны тенденции, связанные с поисками альтернатив уголовному судопроизводству карательного типа, и в частности всеобщее расширение и внедрение в национальное законодательство примирительных процедур, ориентированных на восстановительный эффект правосудия.

Разрешение уголовно-правового конфликта, который возникает в результате совершения лицом противоправного деяния, включает в себя такие аспекты, как возмещение вреда лицу, в отношении которого было совершено преступление, восстановление нарушенного в результате преступления порядка, восстановление нормальной жизнедеятельности потерпевшего, ресоциализация осужденного лица с целью предотвращения повторного совершения преступления и пр. Традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешать указанные задачи. Применение уголов-

ной ответственности и наказания как наиболее вероятный исход уголовного судопроизводства - это прямой, но не всегда эффективный способ разрешения конкретного уголовно-правового конфликта и воздействия на состояние преступности в целом. В совокупности с недостатками пенитенциарной системы этот путь обеспечивает реализацию карательной составляющей наказания, но не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего, как материального, так и психоэмоционального характера, а также достичь цели превенции.

В полной мере обозначенные тенденции проявляются в поиске новых некарательных ответов на преступность несовершеннолетних (Рекомендация № R (85) 11 о положении пострадавшего в сфере уголовного права и процесса; Рекомендация № R (87) 18, касающаяся упрощения уголовного правосудия; Рекомендация № R (87) 21 о поддержке пострадавших и о предотвращении виктимизации; Рекомендация № R (87) 20 о реакции общественности на правонарушения несовершеннолетних и др.), поэтому в рамках настоящей работы будут рассмотрены перспективы использования восстановительных процедур в производстве по делам несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ).

В процессуальной литературе медиацию относят к процедурам восстановительного правосудия. Само восстановительное правосудие определяется как учение о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего преступление. Исходя из утверждения о том, что восстановительные процедуры нацелены на примирение сторон, возмещение вреда от преступления, ускорение процесса рассмотрения дела, а также являются перспективным и общепризнанным направлением реформирования системы правосудия в отношении несовершеннолетних, считаем, что внедрение их в УПК РФ будет способствовать приближению производства по делам несовершеннолетних к международным стандартам дружественного несовершеннолетнему правосудия.

Медиация может заменить собой длительную процедуру досудебного производства и упростить судебное разбирательство. При заключении примирительного (медиационного) соглашения основным вопросом, который будет в центре дальнейшего производства по делу, становится вопрос о выполнении условий такого соглашения, а не об обстоятельствах дела и доказанности вины. Если условия примирительного (медиационного) соглашения будут выполнены возбуждение уголовного дела не потребуется.

Говоря о конкретных правовых механизмах внедрения медиации в уголовное судопроизводство, представляется возможным ее применение на всех этапах уголовного процесса и по всем категориям дел несовершеннолетних. Для реализации этой идеи необходимо распространить действие ФЗ от 27.07.2010 N 193 "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" на уголовное судопроизводство, закрепить в статье 5 УПК РФ объяснение понятий «медиатор», «процедура медиации» и «медиативное соглашение», дополнить главу 50 УПК РФ статьей, закрепляющей критерии применения медиации, процессуальный порядок ее назначения, процессуальные последствия ее проведения как в случае достижения медиативного соглашения, так и в случае, когда стороны не смогли прийти к примирению.

Необходимо восстановить в обновленном виде институт освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности путем отказа в возбуждении уголовного дела, для чего дополнить:1) ч. 1 ст. 24 УПК РФ пунктом 7, содержащим новое основание отказа в возбуждении уголовного дела о преступлении небольшой и средней тяжести, совершенном впервые лицом, не достигшим 18-летнего возраста, при условии примирения с потерпевшим и возмещения вреда, в том числе и на основе медиативного соглашения; 2) главу 50 УПК РФ следует дополнить статьей 420.1. закрепляющей условия и порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) часть 3 статьи 144 УПК РФ указанием на продление до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении при наличии ходатайства о проведении процедуры медиации.

Для проведения процедуры медиации и выполнения условий заключенного медиативного соглашения на стадии предварительного расследования должен устанавливаться определенный срок, на который производство по уголовному делу приостанавливается. На этапе судебного рассмотрения дела несовершеннолетнего возможность проведения между сторонами процедуры медиации (при заявлении мотивированного ходатайства обеими сторонами или одной из сторон) должна служить основанием для отложения судебного разбирательства.

Идея внедрения процедуры медиации в предварительное расследование и рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних соответствует также цели повышения эффективности институтов прекращения уголовного дела в связи примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Реализация этого предложения потребует дополнения ст. 421 УПК пунктом о необходимости выяснения наличия возможности для проведения медиативных процедур, статьи 427 - обязанностью следователя разъяснить несовершеннолетнему право ходатайствовать о применении процедуры медиации и принять решение о результатах рассмотрения такого ходатайства, ст. 213 - новым основанием приостановления предварительного расследования - вынесение постановления о проведении процедуры медиации и выполнения условий заключенного медиативного соглашения.

Положительные результаты медиации и выполнение условий медиативного соглашения могут повлечь не только принятие решения о прекращении уголовного дела и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера, но и влиять на назначаемое ему судом наказание при отсутствии оснований для прекращения уголовного дела (например, при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления). В качестве меры, стимулирующей несовершеннолетнего к медиативным процедурам можно предложить дополнение УПК РФ и УК РФ положением о максимальном сроке наказания, которое может назначаться несовершеннолетнему в случае достижения сторонами соглашения. Как смягчающее обстоятельство

может быть рассмотрен и сам факт согласия обвиняемого на участие в процедуре медиации.

Юрченко Л. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь)

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИЦ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, В СТРАНАХ ЕАЭС

29.05.2014г. был подписан договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Государствами–членами являются Республика Армения (РА), Республика Беларусь (РБ), Республика Казахстан (РК), Кыргызская Республика (КР) и Российская Федерация (РФ).

В условиях интенсивных миграционных процессов в рамках формируемого единого рынка труда ЕАЭС актуальной и жизненно важной встает проблема защиты прав детей в части исполнения алиментных обязательств на их содержание для значительной части населения стран региона.

Конвенция о правах ребенка (1989) определила одну из главных задач всех государственных, частных, административных, судебных и законодательных органов - обеспечение охраны и защиты прав и интересов ребенка в деятельности. Все страны ЕАЭС ратифицировали Конвенцию, и она стала частью их национального законодательства. Конституции стран ЕАЭС содержат положение о том, что семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

На страже интересов семьи в странах ЕАЭС стоит целый ряд отраслей национального права. Только в тех случаях, когда для охраны определенной части данных отношений, являющихся условием существования общества, нормы семейного, гражданского и иных отраслей права оказываются неэффективными, когда причиняется значительный вред и злостно нарушаются права личности, допускается применение мер государственного принуждения, т.е. уголовное преследование лиц и привлечение их к уголовной ответственности. Самым распространенным преступлением в области семейных отношений является злостное уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей.

В национальном уголовном законодательстве стран ЕАЭС содержатся нормы, предусматривающие ответственность за данный вид преступления. Так, уголовные кодексы предусматривают отдельную норму: РА – ст. 173 «Злостное уклонение родителя от содержания ребенка», КР – ст. 162 «Уклонение родителей от содержания детей». В нормах уголовного законодательства в диспозицию статьи входят так же: РБ – ч. 1 ст. 174 «Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении», РФ – ч.1 ст. 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», и образуют единый состав преступления.

Отличны и санкции за данный состав преступления, которые определяют и категорию преступления. В частности, нормы уголовных кодексов: РА – «штраф в размере от стократного до двухсоткратного размера минимальной заработной платы либо исправительные работы на срок не свыше одного года» (ст. 173) и относит к категории преступлений «небольшой тяжести» (ч.2 ст. 19); РБ – «общественные работы, или исправительные работы на срок до двух лет, или арест, или ограничение свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на срок до одного года» (ч.1 ст.174) и относит к категории преступлений, «не представляющих большой общественной опасности» (ч.2 ст.12), РК – «ограничение свободы на срок до двух лет либо лишение свободы на тот же срок» (ст.139) и относит к категории преступлений «небольшой тяжести» (ч.2 ст.11); КР – «тройным айып либо ограничение свободы на срок до двух лет» (ст.162) и относит к преступлениям «небольшой тяжести» (ст.10); РФ – «исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на тот же срок, либо арест на срок до трех месяцев, либо лишение свободы на срок до одного года» (ч.1 ст.157) и является преступлением «небольшой тяжести» (ч.2 ст.15).

От категории преступления, предусмотренного нормами национального уголовного закона, зависят особенности уголовного преследования, а отсюда и особенности процессуального порядка расследования и рассмотрения. Кроме того, служит определением подследственности и подсудности уголовных дел по таким преступлениям.

Уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения в совершении преступления подозреваемого, обвиняемого также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности. В соответствии с действующим законодательством стран ЕАЭС уголовное преследование осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (ст.26 УПК РБ, ст.32 УПК РК, ст.26 УПК КР, ст.20 УПК РФ). И только по УПК РА – в публичном и частном (ст.33).

В Армении уголовное преследование лиц за такое преступление осуществляется в публичном порядке. Возбудить уголовное дело в отношении лица по ст.173 УК РА может орган дознания, следователь или прокурор. Ссогласно ст.188 УПК РА предварительное расследование в форме предварительного следствия является обязательным по всем делам, а дознание может являться только начальной стадией расследования в течение 10 суток с момента возбуждения уголовного дела. По УПК РА прокурор уполномочен проводить расследование в полном объеме (ст.53). Уголовное дело подследственно следователям ОВД (ст.ст.189, 190 УПК). Такое уголовное дело рассматривается судьей единолично.

Хочется отметить, что УК и УПК РА предусматривают возможность освобождения лица от уголовной ответственности. В соответствии с ч.1 ст.37 УПК уголовное дело может не возбуждаться и уголовное преследование может не осуществляться по постановлению прокурора в связи: 1) с деятельным раскаянием (ст.72 УК); 2) с изменением обстановки (ст.74 УК); 3) с постановлением прокурора, вынесенным на основании согласия лица, пострадавшего от небольшой тяжести преступления, если прокурор признает, что подозреваемый или обвиняемый, загладившие причиненный ими вред способны исправиться без применения к ним нака-

зания (ст.73 УК). Уголовное преследование может не осуществляться по постановлению прокурора, если он признает его осуществление нецелесообразным ввиду неизлечимой тяжелой болезни лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а если такое обстоятельство будет установлено в суде, то прокурор вправе заявить отказ от осуществления уголовного преследования в отношении подсудимого (ч.2, ч.3 ст.37 УПК).

Часть 7 ст.26 УПК Республики Беларусь преступление по ч.1 ст.174 УК РБ относит к делам публичного обвинения, производство по делу осуществляют следователи Следственного комитета. Что касается особенностей уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и прокурора по осуществлению уголовного преследования по этому составу преступления, то оно аналогично как и в Республике Армения.

В порядке ст.30 УПК РБ с согласия лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.174 УК РБ, оно может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с: 1) применением мер административного взыскания (ст.86 УК); 2) утратой деянием или лицом общественной опасности (ст.87 УК); 3) деятельным раскаянием (ст.88 УК); 4) примирением с потерпевшим (ст.89 УК). В этих случаях суд, прокурор или следователь с согласия прокурора вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности.

Кроме того, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ч.1 ст.174 УК РБ, может проводиться ускоренное производство (гл.47 УПК РБ). Его содержание состоит в том, что в случаях, когда факт преступления очевиден, известно подозреваемое лицо, не отрицающее своей причастности к его совершению, следователь не позднее 10 (15) суток со дня поступления заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору выясняет обстоятельства преступления, истребует характеризующие сведения о личности лица, его совершившего, и другие материалы; возбуждает уголовное дело; привлекает лицо в качестве обвиняемого; оканчивает производство по уголовному делу по общим правилам и передает его прокурору для направления в суд, а суд в сокращенный срок и по упрощенным правилам рассматривает и разрешает уголовное дело по существу.

Новый УПК Республики Казахстан (2014) дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. 139 УК РК, считает делами частно-публичного обвинения (ч.3 ст.32). Производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежит прекращению за примирением его с обвиняемым лишь в случаях, предусмотренных ст.68 УК РК. Однако в случаях, если деяние затрагивает интересы лица, находящегося в беспомощном или зависимом состоянии либо по другим причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, прокурор может начать либо продолжить производство по делу и при отсутствии жалобы потерпевшего (ч.4 ст.32 УПК РК).

Расследование такого уголовного правонарушения проводится в форме дознания ОВД, предварительное следствие по ним не обязательно и материалы дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде (ст.191 УПК РК) .

Наряду с обычным порядком УПК РК производство по преступлению, предусмотренному ст.139 УК РК, может быть окончено в ускоренном порядке. В случаях, если собранными доказательствами установлены факт преступления и совершившее его лицо, полное признание им своей вины, согласие с размером (суммой) причиненного ущерба (вреда) и разъяснением подозреваемому правовых последствий этого решения. При этом оно должно быть закончено в течение пятнадцати суток (ч. 2, 3 ст. 190 УПК РК).

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 139 УК РК, рассматриваются единолично судьей районного суда (ст.ст.52, 306 УПК РК).

Отдельного внимания заслуживают согласительные производства. Так, сделка о признании вины возможна только при добровольном изъявлении подозреваемым, обвиняемым желания на заключение такого соглашения, если он не оспаривает подозрение, обвинение, имеющиеся по делу доказательства, характер и размер причиненного вреда, а также, если потерпевший согласен с заключением такой сделки (ст. 613 УПК РК). Основными последствиями заключения такого соглашения являются возможность сокращенного судебного разбирательства дела в суде, или его рассмотрение в порядке согласительной процедуры, а также то, что потерпевший, подписавший такую сделку, теряет право в дальнейшем изменять требование о размере возмещения ущерба.

Это также процедура медиации. Она может иметь место как в ходе дознания, так и в ходе судебного процесса. Соглашение об урегулировании конфликта, достигнутое сторонами при проведении медиации в ходе уголовного процесса осуществляется с участием медиатора - независимого физического лица, являющегося участником уголовного процесса и наделенного правами (ст.88-1УПК РК). Так, в соответствии со ст.269 УПК РК по основаниям и в порядке, предусмотренном ст.38 УПК РК, прокурор, а также с согласия прокурора следователь или орган дознания при достижении примирения вправе прекратить дело с освобождением лица от уголовной ответственности.

Следует констатировать, что УПК Кыргызской Республики относит дела о преступлениях небольшой тяжести, предусмотренных ст.162 УК КР, к делам частно-публичного обвинения (ст.10 УК КР, ч.3 ст.26 УПК КР). Возбудить такое уголовное дело уполномочены орган дознания, следователь и прокурор при наличии заявления потерпевшего. Исключением являются случаи, когда лицо находится в беспомощном или зависимом состоянии либо по другим причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, тогда прокурор и следователь вправе по собственной инициативе возбудить производство по дулу. Следствие и судебное разбирательство ведутся в общем порядке (ст.159 УПК КР). Расследовать такие дела уполномочен следователь органов внутренних дел.

Действующий УПК КР не знает такой формы расследования, как дознание и предусматривает досудебное производство исключительно в двух формах: следствие (глава 21 УПК КР) и ускоренное досудебное производство (УДП), регламентированное главой 45-1 УПК КР. По сути, модель УДП является несколько усовершенствованным типом советской протокольной формы досудебного производства. УПД - совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых должностным лицом, уполномоченным органом дознания осуществлять УДЛ,

следователем и прокурором, в краткие сроки по преступлениям небольшой тяжести и менее тяжким преступлениям, в случаях, когда факт преступления очевиден, известно лицо, его совершившее, которое признает свою вину, не оспаривает доказательства, характер и размер ущерба, причиненного преступлением, и согласно на УДП (ч.1 ст. 416-1 УПК КР), и должно быть окончено не позднее десяти суток со дня поступления заявления о преступлении.

Существует регламентация прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности при отказе потерпевшего от поддержания частно-публичного обвинения и (или) при достижении согласия обвиняемого с потерпевшим в соответствии со ст.66 УК КР.

В то же время УПК КР содержит упрощенный порядок судебного разбирательства без проведения судебного разбирательства в общем порядке в связи с согласием обвиняемого с предъявленным обвинением и наличии его ходатайства о проведении УП. За это подсудимый получит две трети наказания от максимального срока (глава 36-1 УПК КР).

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях предусмотренных ч.1 ст.157 УК РФ делами публичного обвинения. Возбуждать такие уголовные дела и производить по ним дознание уполномочены дознавателями органов Федеральной службы судебных приставов, следователями Следственного комитета Российской Федерации - по уголовным делам о преступлениях, совершенных отдельной категорией лиц, указанных в ст.447 УПК РФ и пункте «в» ч.2 ст. 150 УПК РФ. Уголовные дела за исследуемый состав преступления подсудны мировым судьям.

Отдельного рассмотрения заслуживает возможность проведения дознания в сокращенной форме по уголовному делу при условии, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением и не оспаривает правовую оценку деяния. По таким делам обязательно участие защитника. Производство осуществляется в течении 15 (20) суток и оканчивается составлением обвинительного постановления, которое утверждается прокурором. Суд в особом упрощенном порядке без участия сторон и постановляет приговор, содержащий наказание, не превышающее S максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данный вид наказания (ч.6 ст.2269 УПК РФ).

Как и в УПК Кыргызии, так и в УПК РФ имеется особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл.40 УПК РФ).

В отечественном УПК предусмотрено и прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон с освобождением лица от уголовной ответственности (ст. 25 УПК РФ).

Проведенный выше анализ показывает, что между национальными уголовно-процессуальными системами стран ЕАЭС существуют различия: в виде уголовного преследования, в субъектах органов государственной власти, осуществляющих уголовное преследование и в порядке осуществления производства. В тоже время УПК стран ЕАЭС предусматривают возможность прекращения производства по делу и уголовного преследования с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, а также возможность, кроме УПК Армении, по осуществлению производства по делам в упрощенном (сокращенном) порядке.

СОДЕРЖАНИЕ

Astanov I. R. Types of expertise in criminal procedure code of the republic of uzbekistan 3

Бакланов Д. Д. Расследование налоговых преступлений в современных условиях 5

Белкин А. Р. Присутствие следователя и иных лиц при производстве судебной экспертизы 7

Босов А. Е., Моштылева Е. С. Проблема дифференциации объектов судебных экспертиз, связанных с исследованием письменного текста 9

Бурмагин С. В. Злоупотребление правом на защиту и справедливость уголовного судопроизводства 11

Василенко А. А. К вопросу о принципах уголовного преследования 13

Гармаев Ю. П. Инициативные оперативно-розыскные мероприятия на стадии возбуждения уголовного дела о взяточничестве 15

Горский М. В., Горский В. В. Процессуальные и криминалистические проблемы введения института следственных судей 17

Духно Н. А. Уголовно-правовая ответственность, как способ защиты прав человека 19

Ефанова В. А. О некоторых проблемах досудебного прокурорского уголовного преследования 22

Жигулин А. М. Документирование преступлений в условиях вооруженного конфликта 24

Захаров Д. А. Необоснованное направление уголовного дела на новое судебное противоречит публичным началам уголовного процесса 26

Иванченко Е. Д., Соколова И. Ф., Ботенко В. Н., Олейник Е. Ю., Морозов И. С. Юридические и судебно-медицинские аспекты экспертизы оставления инородных тел в брюшной полости 27

Исламова Э. Р. Прокурор и руководитель следственного органа: оптимизация процессуальных отношений 29

Йуржичек Л., Войтеховска О., Рожняк П., Корецки З. Раневое баллистическое моделирование косвенных переломов бедренной кости при попадании малокалиберного снаряда в нижнюю конечность человека 31

Кащенко С. Г. Возникновение инквизиционного (следственно-розыскного) уголовного процесса 35

Козявин А. А., Ксёндзык А. П. Совершенствование ответственности адвоката как непременное условие для закрепления института адвокатского расследования в уголовном процессе 37

Комиссарова Я. В. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности 39

Крайник В., Крайникова М. Биометрия и криминалистическая идентификация 42

Лифанова Л. Г. Доказательственное значение результатов следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела 43

Мазюк Р. В. О соотношении процессуальных и материальных интересов участников уголовного судопроизводствам 45

Машовец А. О. Ревизионные пределы апелляционного производства по уголовному делу 47

Минсян Л. Китайская система участия в преступлении относится к единообразной системе 49

Михайлов М. А., Левашов И. В. Правовое регулирование доступа к информации об активности абонентов сотовой связи в определенном месте и периоде времени 52

Михайлова Ю. Н. Предъявление для опознания: решение вопроса об опознаваемых объектах 54

Моисеев А. М., Жигулин А. М. Дистанционный допрос специалиста (эксперта) в международных судебных инстанциях 56

Муравьев К. В. Меры пресечения как средства реализации уголовной ответственности 58

Муратов К. Д. Проблемы правового регулирования хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам 61

Муратова Н. Г. Проблемы правового регулирования системы судебного контроля в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом: состояние и перспективы 62

Олейник Е. Ю., Иванченко Е. Д., Морозов И. С., Соколова И. Ф. Особенности взаимодействия работников правоохранительных органов и бюро судебно-медицинской экспертизы при расследовании ДТП 65

Омельченко Т. В. Джерела доказів за Кримінальним процесуальним кодексом України 67

Панько Н. А. Допустимость как критерий доказательственного значения результатов специального исследования 68

Поддубняк А. А. Процессуальный статус потерпевшего в уголовном процессе РФ: проблемы и перспективы 70

Позий В.С., Соколова И.Ф. Криминалистические и судебно-медицинские аспекты эксгумации 72

Попова И. П. Нравственные начала постановления обвинительного приговора 74

Потудинский В. П. Криминалистическое исследование конструктивных составляющих прописных и строчных специфических букв имеющихся в украинском алфавите 77

Rahmonova S. M. Some aspects of the investigation of crimes related to money laundering 78

Рожняк П., Корецки З., Йуржичек Л., Войтеховска О. Актуальные угрозы безопасности для Европу 80

Рыбак С. В. Защита прав и свобод участников уголовного процесса в условиях современности 85

Рыжаков А. А., Рыжаков А. П. Противоречие теории и практики права на один телефонный разговор задержанного 86

Садовник Н. Г., Полехина Ж. Ю., Смуглова Н. В. Возможности судебной биологии при исследовании следов спермы 87

Самищенко С.С. Дактилоскопическая формула – основа для диагностики и прогнозирования свойств человека 89

Седова Г. И. Некоторые особенности правовой регламентации деятельности органов дознания в уголовном судопроизводстве России 91

Смирнова И. Г. Вектор развития современной уголовно-процессуальной политики в правовых позициях Конституционного Суда РФ 93

Соколова И. Ф., Иванченко Е. Д., Ботенко В. Н., Олейник Е. Ю. Актуальные проблемы проведения судебно-медицинских экспертиз по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности 95

Соловьев О. Д., Ежова Ю. И. К вопросу об идентификации зарубежной алкогольной продукции в Российской Федерации 96

Суденко В. Е. Идеи Р. С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике 97

Сыромля Л. Б. Процессуальное использование специальных знаний специалиста-криминалиста в рамках проведения следственных действий при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 99

Файзиев Ш. Ф. Взаимодействие сотрудников следственных и оперативно-розыскных органов 101

Фролова Е. Ю. Интерактивные технологии в преподавании криминалистики 105

Хашиева Т.М., Такеева А. Ж. Содержание и структура института процессуального соглашения 106

Чанхай Л. К вопросу о понятии преступлений террористической направленности в Китае 109

Чернецкий О. К. Диагностика и использование психического состояния лица при проведении следственного эксперимента 111

Чумаков А. В. Типичные способы совершения мошенничества при получении компенсаций за наём жилого помещения 113

Шадрин О. Ю. Геополитический аспект криминалистической характеристики преступлений 114

Шестакова Л. А. Уголовно-процессуальный потенциал процедуры медиации 116

Юрченко Л. В. Уголовное преследование лиц, уклоняющихся от содержания несовершеннолетних, в странах ЕАЭС 118

Для заметок

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(28-29 апреля 2016 года)
г. Симферополь-Алушта

Редакторы: *М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко*

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 14,4. Тираж 80 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru.